ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИБИРИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 41 (2310)

Основан 1 апреля 1923 года

9 ОКТЯБРЯ 1971

31 ДЕНЬ — СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ДМИТРИЙ БАЛЬТЕРМАНЦ И НИКОЛАЙ БЫКОВ ЗАВЕРШИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ ОБЬ, ОТ СЛИЯНИЯ КАТУНИ И БИИ ДО САЛЕХАРДА,— 3 566 КИЛОМЕТРОВ ПО СИНЕМУ МЕРИДИАНУ.

* * *

Из многодневной поездки по Оби возвратились специальные корреспонденты «Огонька» Дм. Бальтерманц и Н. Быков. Они проплыли по великой сибирской реке более трех с половиной тысяч километров, чтобы рассказать о первых шагах девятой пятилетки по Западной Сибири, о дальнейшем освоении ее природных ресурсов. Алтайский край, Новосибирская, Томская и Тюменская области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа,— вот маршрут наших корреспондентов. Сотни встреч, будни хлеборобов, строителей, нефтяников, рыболовов и вертолетчиков, тридцать один восход и закат, зной в отрогах Горного Алтая и седые заморозки у самого Полярного круга... Одно слово — Сибирь! Да, снова Сибирь — она и в строках Директив партийного съезда, и в повестке трудового дня страны, и в новых песнях. Сибирь по-прежнему волнует воображение юнцов, шагнувших за порог отчего дома, и прозорливых футурологов, изыскателей и тех, кто планирует научно обоснованное размещение производительных сил в этих перспективных, но сегодня малообжитых районах.

Продолжение см. на стр. 14—17.

Новосибирск. Порт.

Е В ЗАВТРА

Проводы на Внуковском аэродроме. Фото Г. Надеждина (ТАСС).

БРАТСКАЯ ДРУЖБА, БОЕВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

По приглашению Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама и правительства Демократической Республики Вьетнам с дружественным визитом в Ханой отбыла советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

В составе делегации: член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, член ЦК КПСС, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, член ЦК КПСС, первый заместитель министра обороны СССР генерал армии С. Л. Соколов, заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин, заместитель министра внешней торговли СССР И. Т. Гришин, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, посол СССР в ДРВ И. С. Щербаков.

На Внуковском аэродроме делегацию провожали товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, М. А. Суслов, Ю. В. Андропов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, М. Холов, заместитель Председателя Совета Министров СССР М. Т. Ефремов, председатели палат Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, Я. С. Насриддинова, министры СССР Б. П. Бугаев, А. А. Гречко, Н. С. Патоличев, Н. А. Щелоков, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и другие официальные лица.

Торжественно, с энтузиазмом встретила 3 октября советских

НА ГОСТЕПРИИМНОЙ ИНДИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

Успешно развиваются дружественные отношения между нашей страной и Республикой Индией. Свидетельство тому — заключенный Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, а также недавнее посещение Советского Союза Премьер-Министром Индии Индирой Ганди. Краткое пребывание советской партийно-правительственной делегации в Дели по пути в ДРВ стало своего рода эстафетой дружбы, продолжением контактов с индийскими руководителями уже на земле Индии.

В день прибытия делегации в Дели Н. В. Подгорный нанес визит Президенту Индии В. В. Гири. Во время встречи состоялся обмен мнениями по вопросам, представившим взаимный интерес. В свою очередь, Президент Индии В. В. Гири нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и имел с ним дружественную беседу.

Премьер-Министр Индии Индира Ганди также нанесла визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному. В ходе беседы, проходившей в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам советско-индийских отношений и по ряду актуальных международных проблем.

Во время обеда, который Президент Республики Индии дал в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР, В. В. Гири и Н. В. Подгорный обменялись речами.

На снимке: визит Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного Президенту Индии В. В. Гири.

Радиофото В. Соболева (ТАСС).

ПРЕБЫВАНИЕ В РАНГУНЕ

По пути в Демократическую Республику Вьетнам советская партийно-правительственная делегация остановилась в Рангуне. Глава делегации Н. В. Подгорный встретился с Председателем Революционного совета и Премьер-Министром Бирманского Союза генералом Не Вином.

В тот же день Председатель Революционного совета и Премьер-Министр Бирманского Союза генерал Не Вин дал обед в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного. Во время обеда, прошедшего в обстановке дружбы и сердечности, генерал Не Вин и Н. В. Подгорный обменялись речами.

Председатель Революционного совета и Премьер-Министр Бирманского Союза генерал Не Вин нанес визит главе советской партийно-правительственной делегации — члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному. Во время визита состоялась дружественная беседа.

На снимке: перед началом беседы.

Радиофото В. Соболева (ТАСС).

друзей столица ДРВ. Тысячи трудящихся пришли в аэропорт, украшенный государственными флагами Советского Союза и ДРВ.

В день приезда советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным нанесла визит Президенту ДРВ Тон Дык Тхангу. Во встрече приняли участие руководители Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ.

Президент ДРВ Тон Дык Тханг нанес ответный визит члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и членам советской партийно-правительственной делегации.

Встречи, на которых были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес, прошли в обстановке братской дружбы, солидарности и полного взаимопонимания.

Президент ДРВ Тон Дык Тханг, ЦК ПТВ, Постоянный комитет Национального собрания ДРВ и правительство ДРВ устроили торжественный прием в честь партийно-правительственной делегации Советского Союза. На приеме вместе с товарищем Н. В. Подгорным были товарищи К. Т. Мазуров, К. Ф. Катушев, другие члены советской делегации.

С вьетнамской стороны присутствовали Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, вице-президент ДРВ Нгуен Лыонг Банг, член Политбюро ЦК ПТВ, председатель Постоянного комитета Национального собрания ДРВ Чыонг Тинь, член Политбюро ЦК ПТВ, Премьер-Министр правительства ДРВ Фам Ван Донг и другие партийные и государственные деятели ДРВ. К гостям с речью обратился Президент ДРВ Тон Дык Тханг. С ответной речью выступил глава советской партийно-правительственной делегации Н. В. Подгорный.

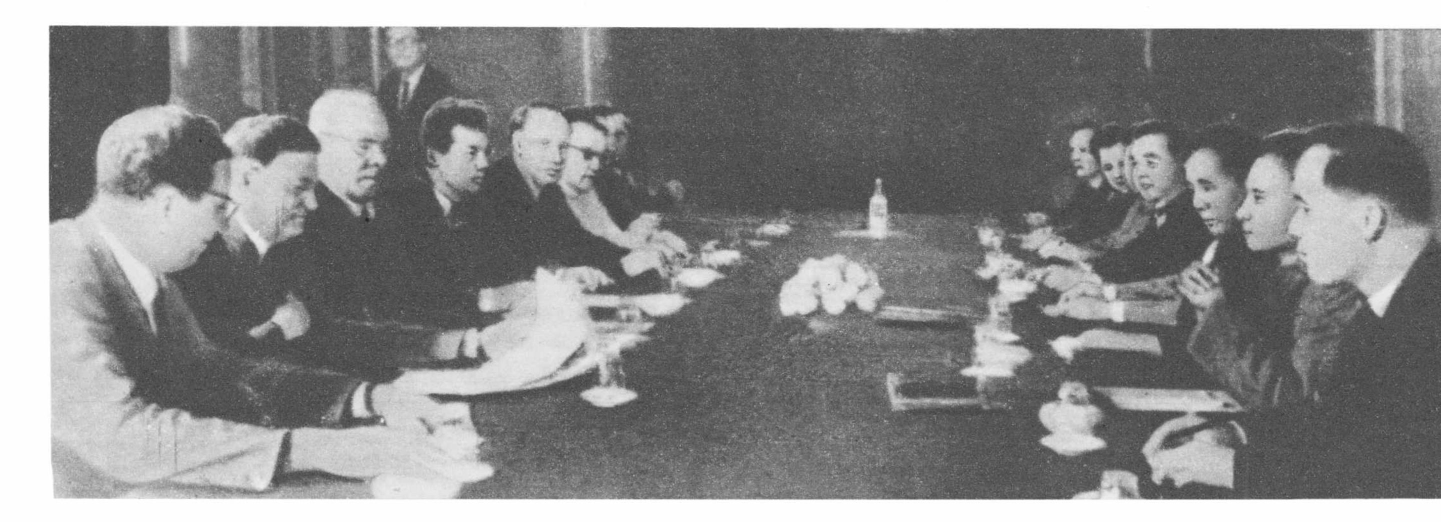
В дни пребывания советской партийно-правительственной делегации в столице ДРВ в президентском дворце в духе братства, единства и полного взаимопонимания проходили советско-вьетнамские переговоры.

Горячо встретили посланцев Советского Союза представители трудового Ханоя, которые собрались в зале Национального собрания на торжественный митинг в честь советской партийно-правительственной делегации. С глубоким интересом были встречены выступления Первого секретаря ЦК ПТВ Ле Зуана и члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного.

Ханой, 3 октября. Встреча на аэродроме. На переднем плане — Н. В. Подгорный и Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан.

Во время переговоров в президентском дворце. **Радиофото В. Соболева (ТАСС).**

ГЕРОИЧЕСКИЕ БУДНИ

Когда меня спрашивают: «Ну как там, севернее 17-й параллели, как живут люди?»,— я вспоминаю встречу в деревушке Аук, что в переводе означает «ракушка».

Мы еще были под впечатлением поездки в город Намдинь. Это удивительно уютный, зеленый город с улицами-аллеями, чистенькими домиками, скверами, живописным рынком. И вот на этом городе лежит печать варварства — израненные дома, груды кирпича на месте бывшей школы, лечебницы, ремесленной мастерской.

— Это следы воздушной войны. Это все сделали американские летчики,— говорит житель Намдиня.

Мы были все еще под впечатлением Намдиня, когда подъехали к деревне Аук. Через несколько минут рядом остановился грузовик с солдатами. Это были новобранцы. Во время привала мне удалось поговорить с будущим солдатом.

Нгуен Ван Бо рассказал, что он потомственный железнодорожник. Его отец был машинистом, водил поезда на дороге Ханой — Хайфон. Во время Августовской революции стал коммунистом, потом ушел в партизаны и оставался в отряде до полной победы над колонизаторами. Когда Бо подрос и окончил школу, он стал дорожным рабочим на мосту через Красную реку. Это самый большой мост Ханоя, его длина — два километра. Края его отведены автомобилям и пешеходам. А посередине движутся поезда.

— Когда США развязали против ДРВ воздушную войну, нужно было во что бы то ни стало сохранить мост. Не допустить, чтобы была прервана одна из магистралей, связывающая Ханой с важнейшими сельскохозяйственными и промышленными районами страны. Тут, конечно, хорошо поработали наши зенитчики и летчики. Хорошо еще и потому, что в их руках было советское оружие!

Солдат рассказывает о суровых днях воздушной войны, а вокруг нас уже собралась толпа ребятишек, человек 15—20. Они возвращались из школы — и тут такая удача: грузовик с солдатами. А солдаты и армия в ДРВ пользуются всеобщей любовью и уважением. Мирному труду вьетнамского народа постоянно угрожают американские агрессоры. Недавно самолеты военно-воздушных сил США возобновили бомбардировки территории ДРВ. Агрессоры получают достойный отпор. Солдаты республики — это стойкие, умелые воины. Ее армия опирается на постоянно растущий и крепнущий экономический потенциал страны.

— Мы все хорошо знаем,— говорит Нгуен Ван Бо,— что росту нашей промышленности, развитию сельского хозяйства и культуры помогает Советский Союз. И мы очень благодарны ему за то, что он щедро, бескорыстно делится с нами своим опытом, своими знаниями, за то, что делают для нас руки советских рабочих.

Короткой была встреча у деревушки Аук. Но скоро солдаты, а вместе с ними и Нгуен Ван Бо забрались в грузовик, опустили под подбородок ремешки шлемов и тронулись в путь. Мы же пошли в деревню. Крестьяне разбирали рассаду риса, рыбаки забрасывали в водоемы сети. Неподалеку от деревушки рос лотос. Он уже отцветал, и только кое-где еще можно было увидеть пышные, яркие цветы. Он считается цветком любви, дружбы и счастья. Когда лотос отцветает, объяснил пожилой крестьянин, значит, что настало время сбора урожая. По поверью, после того, как кончает цвести лотос, устанавливается мягкая, ровная и совсем нежаркая погода.

— В этот период мы любим принимать гостей,— сказали мне в деревне Аук,— и мы рады, что именно в это время к нам приезжает советская делегация во главе с товарищем Подгорным.

Удивительно теплое отношение к Советскому Союзу, к нашим людям, чувства дружбы и признательности — вот главное впечатление, которое я увез из Вьетнама. С кем бы я ни встречался в промышленном Ханое, в портовом Хайфоне, в кооперативах — везде люди говорили о верности вьетнамо-советской дружбе, о горячем желании постоянно ее крепить и развивать.

Л. КУЗНЕЦОВ

Ханой — Москва.

МИССИЯ ДОБРОЙ ВОЛИ

Из Москвы в Алжир 4 октября по приглашению Председателя Революционного совета, Председателя Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьена с официальным визитом выехал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

На Внуковском аэродроме товарища А. Н. Косыгина провожали товарищи В. В. Гришин, Д. С. Полянский, Ю. В. Андропов, М. С. Соломенцев, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, В. Э. Дымшиц, М. Т. Ефремов, В. А. Кириллин, М. А. Лесечко, Л. В. Смирнов, Н. А. Тихонов, министры СССР А. А. Гречко, Б. П. Бугаев, Н. С. Патоличев, Н. А. Щелоков и другие официальные лица.

В тот же день Алжир гостеприимно встретил главу Советского правительства.

Встретить А. Н. Косыгина прибыли Х. Бумедьен, члены Революционного совета и правительства, руководящий состав национальной народной армии, видные государственные и общественные деятели. Среди встречающих — посол СССР в АНДР С. С. Грузинов, главы дипломатических представительств, аккредитованных в АНДР.

Тысячи алжирцев горячо приветствовали советских гостей. Раздавались аплодисменты, здравицы в честь советско-алжирской дружбы.

4 октября Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин нанес визит Председателю Революционного совета, Председателю Совета Министров АНДР Х. Бумедьену. Между А. Н. Косыгиным и Х. Бумедьеном состоялась теплая, дружественная беседа.

На снимке: во время встречи на аэродроме Дар-эль-Бейда.
Телефото В. Кошевого (ТАСС).

УКРЕПЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

В Советском Союзе по приглашению Советского правительства с официальным визитом находилась правительственная делегация Народной Демократической Республики Йемен во главе с Премьер-Министром, министром обороны, членом Исполкома Генерального руководства Национального фронта, депутатом Высшего народного совета Али Насером Мухаммедом.

С 30 сентября по 1 октября в Кремле состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром и министром обороны Народной Демократической Республики Йемен Али Насером Мухаммедом.

В ходе переговоров, которые проходили в обстановке дружбы и сердечности, состоялся обмен мнениями по вопросам расширения и укрепления всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Народной Демократической Республикой Йемен. Обсуждались также актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес, в том числе вопросы, связанные с положением на Ближнем Востоке.

Затем правительственная делегация НДРЙ совершила поездку по стране.

На снимке: во время переговоров.
Фото В. Савостьянова (ТАСС).

ПО ПУТИ К РАЗРЯДКЕ НАПРЯЖЕННОСТИ

30 сентября в Вашингтоне состоялось подписание соглашений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки относительно принятия обеими странами мер к предотвращению случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, находящегося под их контролем, и относительно мер по усовершенствованию линии прямой связи СССР — США путем использования для этой цели искусственных спутников Земли.

От имени Советского Союза соглашения подписал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, который в своем заявлении отметил, что подписанные соглашения — это шаги, ведущие в правильном направлении, поскольку они служат ослаблению международной напряженности и уменьшению опасности возникновения ядерной войны.

От имени Соединенных Штатов соглашения подписал государственный секретарь США У. Роджерс, который в своем выступлении тоже положительно оценил значение подписанных соглашений.

При подписании соглашений присутствовали: посол СССР в США А. Ф. Добрынин, министр обороны США М. Лэйрд, директор Агентства по разоружению и контролю над вооружением Дж. Смит, сенаторы и члены палаты представителей конгресса США, а также другие официальные лица, главы дипломатических представительств ряда стран в Вашингтоне.

На снимке: во время подписания соглашений.
Телефото ТАСС.

Юрий ПОТЕМКИН

АЛЖИР: МАРХАБАН!— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Индустриализация — основная экономическая задача, которую поставил перед собой Алжир. По четырехлетнему плану 1970—1973 годов на цели промышленного развития идет без малого половина всех капиталовложений. За 10—15 лет алжирцы рассчитывают в основном покончить с экономической отсталостью, стать в ряды промышленно развитых стран. Сама постановка этой гигантской задачи стала возможной лишь после напряженной борьбы за ликвидацию в экономике позиций иностранного капитала. Ныне главные командные высоты — кредитно-банковская система, горнорудная промышленность, современный сектор сельского хозяйства, большая часть обрабатывающей промышленности, транспорт — находятся в руках государства. В этом году республика установила действенный контроль над добычей нефти — основного своего богатства...

В первой социалистической стране мира новый Алжир нашел не только морально-политическую, но и эффективную материальную поддержку. Она выразилась в содействии развитию таких жизненно важных сфер алжирской экономики, как тяжелая и обрабатывающая промышленность, сельское и водное хозяйство, геологоразведка, горнорудная промышленность, нефть, подготовка национальных кадров, здравоохранение. Одновременно возникла и быстро развивалась алжиро-советская торговля. «Можно с удовлетворением констатировать,— писала на днях газета «Алжери-актюалитэ»,— что братские, основанные на доверии отношения и широкое сотрудничество в различных областях между Алжиром и СССР успешно развиваются в соответствии с принципами дружбы, равенства, взаимного уважения и невмешательства».

Отношения между нашими странами строятся отнюдь не на конъюнктурных соображениях. Глубокий взаимный интерес, совпадение или близость взглядов на важнейшие международные проблемы, принципиальная и последовательная поддержка Советским Союзом национально-освободительных движений и борьбы освободившихся стран за экономический и социальный прогресс — все это и обуславливает характер советско-алжирских связей. В основе сотрудничества, как справедливо отмечала недавно газета «Революсьон африкэн», лежат «дружеские политические связи, установленные еще в период нашей освободительной войны, которая пользовалась активной поддержкой советского народа и правительства». Ныне, продолжает газета, усилия двух стран направлены на единую цель — разрядку международной напряженности и мир. Эти усилия смыкаются в борьбе против империализма и колониализма.

Алжирцы радушно встречают нашу правительственную делегацию во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Алжирская печать единодушна в том, что переговоры между главой Советского правительства и руководителями Алжирской Народной Демократической Республики станут, по выражению одной из здешних газет, крупной вехой, «шагом вперед в развитии сотрудничества».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДЕЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛИЗМА

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

Прошло полгода после того, как завершил свою работу XXIV съезд КПСС. Полгода — короткий срок и для жизни страны и для развития международной обстановки.

Значительность дел, осуществленных нашей страной за это время, выходит за рамки шести месяцев. Развертываясь словно гигантская спираль, советская внешнеполитическая активность охватывает все сферы международных отношений, не оставляя без своего воздействия ни одной существенной международной проблемы.

Забота о сплочении социалистических стран, об упрочении мира, отстаивании интересов свободы и независимого развития народов естественна для советской внешней политики. Страна, где впервые победила социалистическая революция, где последовательно воплощается в жизнь ленинское учение, не может не стремиться к углублению братского сотрудничества с другими странами социализма. Эту черту советской внешней политики ярко выразил недавний визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Югославию, его посещение Венгрии и Болгарии. Подписанное в Белграде советско-югославское Заявление, безусловно, будет способствовать укреплению советско-югославской дружбы, сотрудничеству обеих стран по партийной и государственной линиям.

Выражением верности Советского Союза ленинским традициям интернациональной солидарности с борцами за свободу, за социализм стал визит советской партийно-правительственной делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным в Демократическую Республику Вьетнам. На всех этапах борьбы, которую ведет против американской агрессии героический вьетнамский народ, Советский Союз оказывал и оказывает ему всемерную помощь и поддержку. Следуя принципам интернационализма, наша страна со всей определенностью встала на сторону Вьетнама, на сторону народов Лаоса и Камбоджи в их справедливой борьбе за право на свободное, независимое развитие.

Важной составной частью советской внешней политики является решимость добиваться укрепления отношений с развивающимися странами. Нынешний год в этом плане отмечен рядом событий. Это прежде всего советско-египетский Договор о дружбе и сотрудничестве, а также Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенный между Советским Союзом и Индией. Оба эти документа пронизаны единой заботой об укреплении дружеских связей, соединяющих советский народ с народами Египта и Индии, заботой о дальнейшем углублении нашего чистосердечного сотрудничества.

Поездка Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в Алжир и Марокко служит выражением того же стремления Советского Союза крепить добрые отношения, углублять сотрудничество с развивающимися государствами на принципах равноправия и взаимного уважения.

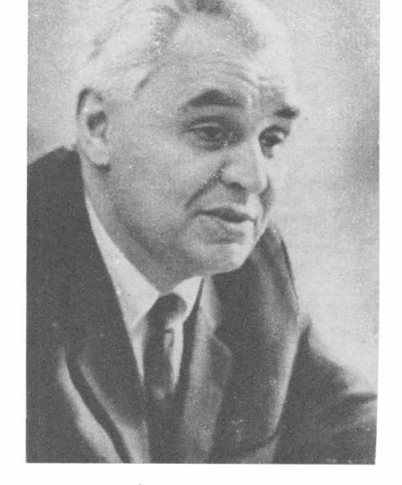
Последовательно отстаивая дело мира и международной безопасности, Советский Союз занимает конструктивную позицию и в отношениях со странами противоположной социальной системы. Этот курс получил свое отражение в подписанных недавно в Вашингтоне соглашениях о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между двумя державами и усовершенствовании линии прямой связи СССР — США. Советские предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению, о проведении совещания пяти ядерных держав, достижение договоренности относительно Западного Берлина, наращивание усилий по подготовке общеевропейского Совещания государств—все это выражает стремление нашей страны к тому, чтобы мир был прочнее, чтобы обстановка напряженности и недоверия сменилась атмосферой сотрудничества и взаимопонимания.

Конечно, любая идея, какие бы выгоды для всеобщего мира она ни несла, проходит долгий путь от выдвижения до реализации. Нередко требуются годы, прежде чем политическая инициатива начнет воплощаться в новую политическую явь. Вспомним хотя бы тот факт, что общеевропейское Совещание стало обретать осязаемые черты лишь через несколько лет после того, как было выдвинуто соответствующее предложение. Зато теперь, еще на рубежах своей подготовки, Совещание стало одним из наиболее существенных факторов международных отношений в Европе.

В том-то и сила социалистической внешней политики, что она имеет в виду длительную перспективу, выдвигает такие цели, которые выражают коренные, глубочайшие интересы народов. Такая политика позволяет снимать пласт за пластом наслоения прошлых осложнений и формировать новый характер отношений между странами и народами.

Внешняя политика Советского Союза, как страны социализма, не направлена и не может быть направлена на ущемление чьих-либо интересов. Вместе с тем она препятствует империалистическим силам по-своему распоряжаться судьбами народов, вмешиваться в чужие дела. И эта сторона политики могучей социалистической страны помогает революционным, освободительным силам, укрепляет влияние социалистических идей среди трудовых людей из стран самых различных ориентаций.

Сейчас нередко на страницах зарубежной печати можно видеть рассуждения о «мирном наступлении», «дипломатическом наступлении» Советского Союза. Действительно, Советский Союз находится в мирном наступлении. И это наступление началось немногим менее 54 лет назад, когда в качестве своего первого международного акта страна Октября приняла Декрет о мире. Решения XXIV съезда КПСС, программа мира, выдвинутая в Отчетном докладе ЦК, развивают это наступление применительно к нынешним международным условиям и в соответствии с современным соотношением сил на мировой арене.

ШКОЛЫ РОССИИ: УСПЕХИ И ЗАБОТЫ

КЛУБ ДЕЛОВЫХ ВСТРЕЧ «ОГОНЬКА»

Гостем редакции на этот раз был министр просвещения Российской Федерации АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ДАНИЛОВ.

Наступил первый учебный год девятой пятилетки. Год, который принес с собой много новых забот для всех, кто так или иначе связан со школой. Каковы они, эти заботы? Каких успехов добилась в прошлом пятилетии советская школа? Что за проблемы ныне стоят перед нею? Об этом шел разговор на заседании клуба. Почти у каждого из нас есть свои мальчишки и девчонки, и, конечно, всех родителей волнует их судьба.

«ОГОНЕК». Александр Иванович, расскажите, пожалуйста, какие задачи стоят перед советской школой в нынешнем пятилетии.

А. И. ДАНИЛОВ. Как для всей страны, так и для нас, работников народного просвещения, началась новая пятилетка. Советская школа выполняет ту часть решений XXIV съезда КПСС, которая относится к системе просвещения. Задачи наши велики, многообразны, требуют больших усилий от всех, кто работает непосредственно в школе, и всех, кто работает на школу. В девятом пятилетии нам предстоит завершить полный переход ко всеобщему среднему образованию, повысить качество обучения, укрепить материальную базу школы, активнее и целенаправленнее готовить подрастающее поколение к общественно полезному труду. Вот какова программа на 1971—1975 годы, поставленная перед нами Директивами съезда партии.

«ОГОНЕК». Скажите, что представляет собою система народного просвещения Российской Федерации?

А. И. ДАНИЛОВ. Размах ее работы в республике необычайно велик. Судите сами: только в общеобразовательных школах — а о них-то и идет сегодня речь — получает ныне образование около 22 миллионов детей. Немало учащихся и в школах для работающей молодежи. Только учителей трудится в России миллион сто пятнадцать тысяч. Если же говорить обо всех, кто работает в школе и в других учреждениях и организациях, обслуживающих ее и непосредственно с нею связанных, то число людей, здесь занятых, составит около двух с половиной миллионов. Что же получается? «Население» нынешней российской школы исчисляется примерно 25 миллионами человек. А ведь именно таково население средней, даже скорее крупной европейской страны, весьма заметного, я бы сказал, государства на мировой арене.

Сегодня в России 92 тысячи школ. Около половины из них начальные. Нередки школы-малютки, где всего одна учительница и, может, не более дюжины детишек. Восьмилеток у нас свыше 26 тысяч, десятилеток — 21 тысяча. Должен вам признаться: именно десятилетка — наша педагогическая привязанность. Почему? Школьник здесь учится все десять лет и становится за эти годы для педагогов не просто учеником, но настоящим воспитанником в полном смысле этого слова. Однако бывают, к сожалению, еще тысячи случаев, когда ребенок из начальной школы, расположенной в его родном селении, переходит в восьмилетнюю, а потом вынужден менять ее на третью — полную среднюю. И ничего тут пока что изменить нельзя: пространства России огромны, и в разных ее районах совсем неодинакова плотность населения.

Однако мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось такое мнение: школа маленькая — значит, плохая, школа большая — непременно хорошая. Ничего подобного! Есть такие маленькие начальные школы, куда я, например, с большей охотой отдал бы ребенка, нежели в самую современную среднюю школу.

«ОГОНЕК». Нельзя ли рассказать подробнее хотя бы об одной такой школе?

А. И. ДАНИЛОВ. С удовольствием. Должен признаться: я очень высоко ценю труд педагога именно в маленьких, однокомплектных, как мы их называем, начальных школах. Работать в них труднее всего: расположены они далеко от крупных культурных центров с их библиотеками, театрами, музеями. Весь учительский коллектив — один, два, от силы три человека, так что обмен опытом усложняется, приходится вариться в собственном соку, до многого доходить самому. И наглядные пособия в маленьких, а потому небогатых школах зачастую — дело изобретательного ума и умелых рук самого учителя. К тому же в отдаленных селах, как я уже говорил, нередко нет других культурных учреждений, а потому чрезвычайно повышается просветительская миссия учителя. Он здесь один из немногих представителей интеллигенции, и ему приходится воспитывать не только своих учеников, но и их родителей. Учитель выступает с лекциями, беседами да и просто отвечает на бесчисленные вопросы людей, которые идут к нему и в школу и домой — и в урочное и во внеурочное время. Справедливо считают, что уж он-то должен все знать, на то он и учитель. Работа, конечно, очень трудная, но зато и почетная: дает необычайно высокую отдачу и приносит колоссальное моральное удовлетворение.

Недавно я познакомился с работой двух таких однокомплектных школ.

1 сентября я побывал в Можайском районе, Московской области. Начало занятий встретил в Отяковской начальной школе, где всего одна учительница на три класса. Здание школы старое — ему свыше 70 лет. В войну было разрушено, затем восстановлено. Но видели бы вы, как светится чистотой скромный домик, как любовно он прибран, украшен, снабжен всем необходимым, чтоб вести занятия на современном уровне. И многое создано единственной учительницей и директором школы В. П. Астафьевой. Ребята здесь развитые, грамотные, воспитанные, умеют самостоятельно работать с книгой. А ведь это очень важно.

Другая школа, о которой непременно надо упомянуть, очень далеко от Москвы, в Новосибирской области. Есть здесь в Сузунском районе крохотный таежный поселок с поэтическим названием: Красный Камешок. Школа там на вид неказистая, но обучение поставлено просто блестяще. И это заслуга учительницы и директора Т. П. Комаровой, Героя Социалистического Труда. Таисия Прокопьевна отдала этой школе почти всю свою сознательную жизнь. У нее обширные познания, громадный опыт, а кроме того, она знает каждого своего ученика и его семью. Знает своих питомцев буквально с пеленок. И все ребята у нее на виду. Это помогает учительнице добиваться поразительных результатов. Третьеклассники пишут сочинения на уровне хороших наших стандартов, принятых для пятого-шестого класса,— и по словарному запасу, и по стилю, и по содержанию. Не хочу быть голословным, поэтому просто познакомлю вас с одним из обычных для этой школы сочинений, написанных при окончании третьего класса. Вот оно:

«И здесь мы слово Родина впервые прочитали по складам...» Да, как быстро летят годы! Кажется, совсем недавно мы впервые переступили порог школы. Все празднично одетые, мы дарили букеты цветов своей первой учительнице.

И вот первый звонок. После этого звонка мы стали как бы старше и серьезнее, поняв, что мы пришли в школу для того, чтобы многое узнать. Благодаря своей строгой, дорогой, ласковой учительнице мы постепенно научились читать, писать, считать, быть дружными, трудолюбивыми. Мы собирали лекарственные травы, металлолом. А сколько песен было спето в нашей родной и милой школе! Не забываем и тот день, когда нас приняли в октябрята. С какой гордостью мы носили наши октябрятские звездочки! Октябрята — прилежные ребята. Мы понимали это и старались быть трудолюбивыми, честными, хорошо учиться.

Надолго останутся в памяти походы, экскурсии. Мы очень полюбили свой край, свой поселок, свою школу. И как же не полюбить белоствольные кудрявые березки, могучие сосны, трепетные осинки!

Все это научила нас видеть и замечать наша учительница. Я благодарна ей за все ее заботы, труды и ласку, за то, что она научила горячо любить нашу Родину. А с каким волнением шли мы на линейку, после которой мы стали совсем взрослыми, первыми помощниками комсомольцев, мы стали юными ленинцами.

Сколько замечательного и интересного было в нашей школе! Очень жаль расставаться со своей школой, со своей партой, со своей первой учительницей. Но в то же время хочется больше узнать, больше увидеть и услышать. И с новым волнением переступить порог новой школы.

Большое спасибо нашей учительнице Таисии Прокопьевне Комаровой.

Прощай, родная школа!

Вера Светоносова, ученица 3-го класса».

«ОГОНЕК». Но, может быть, Вера — девочка очень способная? А с одаренных детей спрос особый.

А. И. ДАНИЛОВ. Вовсе нет. Я ведь сказал, что подобные сочинения обычны для учеников Красного Камешка. Но вообще-то хорошо, что вы задали этот вопрос. О детской одаренности стоит поговорить особо. Мы иногда придаем ей слишком большое значение. И это не на пользу ни нашим детям, ни нашей школе. Хороший учитель может достигнуть великолепных результатов, работая с ребенком, вроде не отличающимся выдающимися способностями, с ребенком просто нормально развитым — и физически и умственно. Многовековой педагогический опыт и опыт социальный доказывают: возможности человеческой личности настолько велики, что мы пока еще не знаем их пределов. И я никак не могу согласиться с бытующим кое-где мнением о существовании жесткой предрасположенности к той или иной профессии, предрасположенности, определяемой наследственностью чуть ли не в двадцатом поколении. А откуда же тогда берется склонность и расположенность к новым профессиям? Сколько у нас появилось таких профессий, которые люди в прошлом веке и предугадать-то не могли, причем профессий очень сложных и ответственных... Воспитанием, образованием можно вырабатывать в людях такие качества, свойства, о которых раньше и не подозревали.

Учитель должен стараться увидеть наибольшие возможности каждого своего питомца. А у нас в школе, чего греха таить, бывает и так: на ученика очень рано ярлыки навешивают: этот пойдет, тот не пойдет. Нехорошо говорить: ты неспособный. Но не менее плохо и твердить: ах, ты такой одаренный! Если мальчик лет десяти — двенадцати быстро решает задачи, легко пишет сочинения, складно отвечает и доклады умеет делать, это вовсе не является залогом его будущей плодотворной деятельности на ниве науки или на другой какой важной ниве. Еще неизвестно, что из такого мальчика получится. А ребенок привыкает думать, что он талант. И знаете ли вы, как жестоко бывает разочарование вундеркинда, выросшего обычным хорошим человеком?

В подобном подходе к одаренности очень много субъективного. Мы еще не располагаем научными данными, позволяющими определить возможности той или иной человеческой личности. А раскрывается она не так, как, скажем, цветок. Удобрили почву, греет солнышко, прошел веселый дождик — и распустился во всей красе бутон розы. Человеку же нужно куда как больше для полного раскрытия всех его возможностей. Личность формируется, складывается и раскрывается в зависимости от тех усло-

вий, воздействий — прежде всего социального порядка,— в какие она поставлена. Влияние внешней среды во всей ее совокупности на складывание индивидуальности гораздо более велико, чем мы иногда думаем.

Однако бытует и другая точка зрения на созревание личности. И хотя она связана с именами и трудами крупных педагогических авторитетов, я, например, никак не могу ее поддержать. Существует так называемая элитная теория воспитания и образования, основанная на том, что возможности личности могут быть выявлены в самом раннем возрасте. В некоторых странах предлагают, взяв за основу этот принцип, чуть ли не с первого класса поделить учащихся на несколько групп в зависимости от способностей и каждой группе давать соответственное образование. В Соединенных Штатах Америки вся школьная система строилась по принципу одаренности. Но в последние годы педагоги Америки стали понимать, что элитная теория себя не оправдывает.

Оказалось, что восемьдесят пять процентов учеников, отнесенных к категории неспособных,—дети неимущих родителей. Как видите, дело не в способностях детей, а в способностях, вернее, возможностях их семей. Отказаться от элитной теории американцев вынудила жизнь. В эпоху научно-технической революции развитым странам требуются все более квалифицированные кадры и все в большем количестве. А элитная теория — клапан, плотно закрывающий выход на квалифицированные профессии детям трудящихся. Капиталистическое общество, поняв, что само себя обкрадывает, вынуждено было клапан приоткрыть. Что у них получится, трудно сказать. Мы-то убеждены, что создание подлинно равных возможностей для образования всем слоям общества доступно только социалистическому государству.

«ОГОНЕК». Вы рассказывали о хороших сельских школах. И все же иногда еще приходится слышать, что качество обучения в некоторых из них оставляет желать лучшего. Это верно?

А. И. ДАНИЛОВ. Трудный вопрос. Хороших сельских школ немало. Но речь-то ведь идет о том, чтобы все они по качеству обучения стали вровень с городскими. Сейчас это одна из важнейших наших задач. Не так давно непросто решался вопрос о строительстве школ в деревне. Ныне оно идет неплохо. За минувшую пятилетку сельские школы получили новые здания на два с половиной миллиона мест. И городские примерно столько же. Вот и нынче к 1 сентября у нас прибавилось еще более пятисот тысяч мест в новых классах. Но школ нужно строить все еще много.

Беспокоит нас сейчас другое: кадры. К сожалению, выпускники désинститутов, университетов не всегда изъявляют желание трудиться в деревне. Ныне мы направили в школы республики шестьдесят тысяч молодых учителей, причем тридцать восемь тысяч из них имеют высшее образование. В сельскую местность распределены примерно двадцать пять тысяч педагогов, окончивших вузы. Но, к сожалению, немало таких, что проработав два-три года, переберутся из села в город. Почему? Во-первых, конечно, в городе жить легче и в бытовом отношении и в профессиональном. А во-вторых, товарищи журналисты, не обижайтесь только, но есть и ваша вина в том, что молодежь охотнее учительствует в городе. Вы в своих очерках, репортажах много рассказываете о больших стройках — и романтически настроенная молодежь валом валит туда. Но почему-то совсем мало пишете вы о благороднейшем труде сельского учителя, о его большой просветительной миссии. Ведь молодежи нужно от кого-нибудь об этом узнать, чтоб понять всю меру ответственности труда интеллигента в деревне. А хороший учитель — это в какой-то мере судьба нашего сельского хозяйства. Бывают и такие случаи, когда специалист-механизатор покидает родное село, потому что там неважные учителя, а он хочет дать детям хорошее образование...

Наконец, еще одно, и немаловажное: о хорошем учителе необходимо хорошо заботиться. Вопрос материальной заинтересованности, как вы понимаете,— дело не последнее. В Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану есть такие строки: «Повышение заработной платы в отраслях непроизводственной сферы осуществить в первую очередь для врачей, учителей и воспитателей детских дошкольных учреждений...»

«ОГОНЕК». Вот еще проблема, волнующая многих. Мы часто читаем, да и сами говорим о том, что юноши, выходящие из школы в большую жизнь, нередко бывают инфантильными. На облик наших парней, будущих мужей, влияет то обстоятельство, что в школе сейчас работают в основном не преподаватели, а преподавательницы. Приток в школы учителей-мужчин пока что невелик. Что предпринимается в этом плане Министерством просвещения?

А. И. ДАНИЛОВ. Вы совершенно правы. Излишняя феминизация вредно влияет не только на мальчиков, но и, представьте, на девочек. Им бы тоже не мешало покидать школу более зрелыми людьми. Учительницы слишком нянчатся со своими воспитанниками, боятся предоставить им самостоятельность. Очень важно, чтобы в школе, особенно с восьмого класса, преподавал учитель. Обратите внимание: во многих школах весь ученический актив — девочки, а мальчики, как правило, пассивны, неохотно участвуют в общественной жизни. Почему? Да потому, что учительнице легче найти к девочкам подход. А это влечет за собой другое: на заводах, в колхозах, в институтах юношам, окончившим школу, не так-то легко бывает сразу включиться в общественную деятельность.

Мы настойчиво ставим перед органами народного просвещения, перед педагогическими коллективами задачу увеличения мужской прослойки среди учителей. Но решить этот вопрос не так-то просто. Тут мешает целый ряд обстоятельств. Вот только одно из них. Девушка, окончив désинститут, сразу начинает работать по специальности. А юноша, поработав в школе несколько месяцев, покидает ее: уходит служить в армию. Но если человек не успел привыкнуть к своей профессии, то, вернувшись с действительной, может и сменить ее. Я уверен, что и среди присутствующих здесь найдутся бывшие учителя. Есть они и среди партийных, советских работников, среди ученых. Такая уж у нас профессия: дает выход в самые различные сферы. И мы сейчас должны сделать все для того, чтоб преподаватели не захотелось покинуть школу. Должны всячески поддерживать учителя и пропагандировать его профессию. И, во всяком случае, мы обязаны вернуть мужчину в школу. Работа в этом направлении идет, и есть уже кое-какие успехи. Могу привести хотя бы один отрадный пример. В нынешнем году на факультет трудового обучения Армавирского педагогического института было принято 80 процентов юношей. Такая же тенденция наблюдается и в других наших вузах.

«ОГОНЕК». Мы живем в эпоху научно-технической революции. В эпоху, когда с каждым годом, месяцем, днем все нарастает поток самой различной информации. В эпоху, которая не только порождает новые профессии, но и в корне меняет содержание профессий старых, давно уже освоенных человечеством. Нередки случаи, когда рабочему нужен для плодотворной деятельности диплом даже не техникума, а вуза. Как в связи с этим меняется обучение в школах? Стало кое-где высказываться мнение: стоило бы, дескать, изменить сам принцип среднего образования, вспомнив древнее изречение, что ученик не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. Что вы думаете по этому поводу?

А. И. ДАНИЛОВ. Иначе говоря, речь идет о новом содержании образования. Оно определено Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 года. Вся минувшая пятилетка проходила в школе под знаком перехода на новое содержание образования. В девятом пятилетии процесс этот должен быть завершен. Конечно, это вовсе не означает, что развитие школы на веки вечные остановится. Вовсе нет. Каждый новый период развития общества выдвигает свои проблемы, и школа — тот организм, который очень чутко следит за развитием общества и меняется применительно к его требованиям.

Сколько споров было о том, как лучше осуществлять постановление партии и правительства! Сколько разных мнений высказывалось! В обсуждение включились печать, радио. И надо сказать, общественность нам сильно помогла. Сейчас мы с полным основанием можем утверждать: школа наша уже нашла и в значительной мере опробовала оптимальный вариант, позволяющий заложить хорошую основу для того, чтобы выпускник школы получил прочные знания и умел в будущем самостоятельно их пополнять. Только в этом смысле я понимаю формулу: не сосуд, а факел. Однако вообще-то противопоставление это весьма относительно и не совсем правомерно. Ибо если нечему гореть, то вы ничего и не зажжете. Нужно иметь добротный факел. А коли в роли факела станет фигурировать сырая осина, она не загорится, сколько бы ее ни заклинали. Поэтому объем и качество знаний имеет первостепенное значение.

Что именно здесь сделано? О чем можно говорить, как о бесспорном, прочном завоевании советской педагогики? Самое крупное наше завоевание — переход на трехлетнее начальное обучение. Это очень важно: тот объем знаний, на постижение которого дети ранее затрачивали четыре года, теперь достигается годом раньше, причем сами знания сильно модернизированы и по характеру и по качеству. И дело идет вполне успешно. Переход оказался по силам и учителю и ученикам. Причем не только в городских школах, но и в сельских.

В процессе перехода нам пришлось отказаться от многих крайностей. Означает ли, например, новое содержание начального образования изучение малышами высшей математики? Был ведь и такой эксперимент. И печать о нем немало писала. Однако подобные предложения оказались неразумными. Попробуем поставить вопрос абстрактно. Можно ли научить каким-то элементам высшей математики ребенка семи — девяти лет? Можно, но не нужно. И вот почему. Ребенок в младших классах способен запомнить все что угодно. Вы, видимо, встречали детей, которые в раннем возрасте знали наизусть чуть ли не всего «Евгения Онегина». Однако заучили-то они гениальный роман Пушкина механически, мало что в нем понимая. И, естественно, быстренько потом забыли. Конечно, высшая математика не классическая поэзия, но и в ней есть операции, которые можно усвоить механически, не постигая их смысла. А, не проникнув в смысл, овладеть знаниями невозможно. Всякое знание хорошо только в том случае, если оно вполне осмысленно. И новые программы по математике для младших классов включают лишь вполне доступные сознанию ребенка подготовительные элементы из алгебры, геометрии. Если учитель преподносит их умело, то постижение начатков алгебры и геометрии приносит хороший результат.

Мы сейчас располагаем не только программами для начального образования на новой основе, но и добротными методическими руководствами, пособиями по их реализации. Совсем недавно таких пособий не было. К тому же у нас появилось и еще более важное: навык, опыт учителя, точнее, учительницы. Эти навыки она приобрела с большим трудом, сама на деле испробовала новую программу и получила уверенность в своих силах.

К сожалению, не все пока решено с новым содержанием образования в старших классах. Там еще предстоит немало поработать.

Вот, скажем, сейчас мы переходим на новую программу по математике и физике. И сразу сталкиваемся с такой трудностью: что из последних достижений физико-математических наук давать старшеклассникам? Что необходимо и без чего можно обойтись? Отбор невероятно важен. Лавина информации, о которой мы говорили, неравноценна. И пустить всю ее в школу мы не можем: лавина все сметет, разрушит, посеет сумятицу в юных умах. Школа не ставит и не может ставить своей задачей позволить ученику овладеть всеми новациями в науке. Задача школы другая: дать прочные знания и метод овладения ими. Метод, который помогал бы ученику, а затем выпускнику мыслить самостоятельно, уметь работать с книгой, ориентироваться в безудержном потоке информации, различать, где в нем просто пена, а где живительная струя.

Сколько гипотез выдвигает ныне наука! Но как много среди них неоправданных, несостоявшихся, однодневок — сегодня звучит, завтра нет. Мы для школы должны отобрать наиболее перспективные, те, которым предстоит долгая жизнь.

Так и с гуманитарными науками, с литературой, искусством. И здесь у школьников нужно вырабатывать правильные критерии, хороший вкус. Необходимо научить ребенка различать, что действительно хорошо, а что плохо. Если мы не добьемся этого, то дадим обществу человека, у которого нет собственных взглядов, нет принципиального подхода к тому или иному явлению искусства и который по этой причине гоняется не за сущностью, а за модой.

«ОГОНЕК». Как идет в республике пополнение школьного арсенала новой техникой и пособиями?

А. И. ДАНИЛОВ. К новому учебному году фонд учебного оборудования и пособий по Российской Федерации пополнился на 27 миллионов 600 тысяч рублей. За минувшую пятилетку школы России получили 35 тысяч магнитофонов, 28 тысяч киноаппаратов, 15 тысяч комплектов оборудования для школьных радиоузлов, свыше 3 тысяч комплектов оборудования для химических кабинетов, несколько

десятков тысяч диапроекторов различных систем и эпидиаскопов — для демонстрации диапозитивов, 1 500 комплектов оборудования для лингафонных кабинетов. Промышленность Министерства просвещения РСФСР в прошедшем пятилетии изготовила более 150 тысяч станков для школьных мастерских.

Учителя очень заинтересованы в современном оснащении школ. И спрос здесь все еще опережает предложение. Поэтому в новой пятилетке производство наглядных пособий и школьного оборудования предстоит увеличить по меньшей мере в полтора раза.

Однако самое совершенное оборудование приносит отдачу лишь в умелых руках. Ведь само по себе оно мертво, оживить его может только учитель, наученный им владеть. Поэтому в учебные планы педагогических вузов включается обучение умению использовать сложную технику, пришедшую в школы. Ярославский, Костромской, Владимирский пединституты далеко продвинулись в этом направлении. Их выпускники уже вполне подготовлены к тому, чтобы применять новое оборудование в учебном процессе.

«ОГОНЕК». Какими качествами должен, по вашему мнению, обладать ныне советский педагог, чтобы соответствовать уровню стоящих перед ним задач?

А. И. ДАНИЛОВ. Моральный облик советского учителя всегда был очень высоким. Иначе он просто не мог бы по-настоящему воздействовать на подрастающее поколение. И в этом смысле требования к педагогу почти не изменились. А вот уровень его знаний теперь сильно возрос. Современный учитель обязан знать и уметь гораздо больше, чем, скажем, четверть века тому назад.

Но мне хотелось бы остановиться лишь на одном качестве, которое, по-моему, должно быть присуще хорошему современному педагогу: он обязан — да-да, обязан — знать и уважать своих предшественников. Нынешний учитель стоит на плечах учителей прежних, пользуется их трудом, значение которого во многом непреходяще.

Учителя двадцатых — тридцатых годов дали путевку в жизнь тем, кто построил социализм, победил в Великой Отечественной войне. Учителя сороковых — пятидесятых годов воспитали поколение людей, которые восстанавливали разрушенные войной заводы, города и строили новые, людей, которые вывели на передовые позиции нашу науку и технику, открыли человечеству дорогу в космос. Бывшие мальчишки и девчонки, сидевшие за партами в послевоенное время, поднимали Братскую ГЭС и другие стройки коммунизма.

Существует прямая преемственность между прежними и нынешними учителями. Само новое содержание образования выросло из коллективного опыта тысяч педагогов давнего и недавнего прошлого. Современному школьному преподавателю нужно учиться у своих предшественников тому, как они умели решать задачи, которые в их время ставила перед ними страна. Вы скажете, что задачи-то ныне стали уж больно сложные. Но, поверьте, и тогда они были не легче.

Мы с вами говорим сейчас о всеобщем среднем образовании, оно уже входит в жизнь, но на пути его осуществления немало трудностей. А разве проще было пятьдесят лет тому назад переходить к всеобщему начальному образованию? Вспомните, оно внедрялось в стране, где только что победила Советская власть, где промышленность еще была изъязвлена разрухой, а люди зачастую были незнакомы даже с букварем. И, естественно, тогда шли разговоры, будто всеобщее начальное образование не по силам юной Республике Советов. Учителям приходилось вести большую разъяснительную работу, приходилось все начинать с азов, разрабатывать методику.

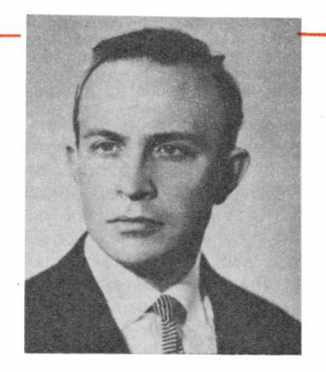
И сейчас приходится ее разрабатывать, но уже для всеобщего среднего образования, приходится много думать о том, как построить педагогический процесс, чтобы обеспечить высокое качество образования. И все же теперешнему учителю работать легче и, в частности, именно потому, что он владеет опытом нескольких поколений советских педагогов.

И еще об одном должен все время помнить учитель. Меняются мальчики и девочки, приходящие в школу. Каждое новое поколение имеет свои особенности. Учитель обязан это учитывать, учитывать влияние, оказываемое на нынешних детей колоссальными изменениями в жизни нашего общества, ростом материального и культурного уровня населения Советской страны. Нынешние задачи коммунистического строительства, научно-технический прогресс — все это нужно применительно к школе пропустить через призму педагогической деятельности. Ведь вся деятельность учителя — разносторонняя, многообразная — имеет лишь одну цель: коммунистическое воспитание юного поколения.

Беседу на заседании Клуба деловых встреч записала Н. ВЕРИНА.

Михайло **ЛИТВИНЕЦ**

РАДУГА НАД ПРОСТОРАМИ

ДНЕПР

Он начинается с густых боров,
Где русские ребята под гармони
Девчат уводят в зори вечеров,
Где братской песни звук неугомонен.

Свой путь по Белоруссии верша,
Где бились партизанские отряды,
Выходит к Украине не спеша
И к морю гонит темных волн громады.

Туманом, как кольчугою, укрыт,
Осенней ночью он спокойно спит.
И с бурей говорит — не безъязыкий:
Под солнцем — тихий,
Гневный — в час невзгод.
Глубокий, чистый. Он, как наш народ,—
Красивый, сильный, гордый и великий.

ПАРТИЗАНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Платону Воронько.

Край лесистый — голос Украины.
Тут среди задумчивых лесов
Тишина разбита
Соловьиной
Песнею
На сотни голосов.

В лес иду, как древний путник к храму.
Здесь цветы мигают, как костры,
И давно оплакано ветрами
Горе партизанской детворы.

Подступила к сердцу Украина,
Словно мать с немой тоской в глазах.
Не один мой батька здесь загинул,
В вековых
Черниговских лесах.

Вместе с ним
На смертный бой ходили
Белорус и с Брянщины гончар...
Где, в какой неведомой могиле
Их сердца и по сей день стучат?..

Партизанский лес.
Сквозные выси.
В давние, военные года
Здесь отцовы стежки повелися
Да и...
Потерялись навсегда.

Так скажи мне, лес, хотя бы слово,
Где его могилу встречу я?
Но молчат березы,
Словно вдовы,
Клены плачут,
Словно сыновья.

Чагарником склоны понакрыло,
Ни одна тропинка не видна.
Батька, батька, где твоя могила,
Под которым ясенем она?..

Дивом-дивным век не нагляжусь я,
Ибо здесь я вижу каждый год
Радугу,
Что, встав над Белорусью,
Воду пьет с черниговскихширот.

РЕКА ВЕЧНОСТИ

I

Десна устало дремлет,
Течет за окоем.
И дням минувшим внемлет
В спокойствии своем.

Глядит, как с неохотой
Туман ползет с долин,
Как с луком на охоту
Выходит славянин.

На нем медвежья шкура,
Сам дюжий, как медведь.
Валил не раз он тура,
В пещерах плавил медь.

Застыл, как бог, на круче
И смотрит в царство тьмы,
Где вяло и могуче
Шевелятся сомы.

Он тишине не верит,
И не боится гроз,
И постоять умеет
За край, в котором рос.

Река устало дремлет...
И звонко над Десной
Летит былое время
Славянскою струной.

II

Когда бушуют волны в непогоду,
Когда гроза во всех краях видна,
Она мои года, судьбу народа
Просвечивает, как реку, до дна.

И в тех годах, усеянных громами,
Я, северянин, на челне плыву.
И, становясь доверчивей с годами,
Стрелой пробитый, падаю в траву.

Несу в себе пожары Украины
И гнев казацкий, что горит в груди.
Тружусь века, не разгибая спину,
Все верю в то, что счастье впереди.

Корчую лес, чтоб житу колоситься,
В просторах придеснянских волю жду.
Встаю, чтоб с революцией сродниться,
И вместе с ней я вновь и вновь иду.

И дни мои и боль веков народных
Во дни грозы —
Среди полей родных
Десна несет в Днепро, несет на гордых,
На белогривых волнах вороных.

ДЕДЫ

На лавке деды́ сидели,
Покуривали не спеша.
И в каждом усталом теле
Живая жила душа.

У каждого в прошлом — слава,
Сражения, труд, любовь...
Вокруг зеленели травы,
Сады зацветали вновь.

Деды́, балагуря чинно,
Умолкли вдруг оттого,
Что мимо прошла дивчина,
В глазах пронеся озорство.

Кому-то светло светили
На платье ее васильки...
Деды́ усы подкрутили,
Закашляли в кулаки.

Перевел с украинского Вл. Фирсов.

Ф. Кащеев (Уфа). БАШКИРСКИЙ КУМЫС.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

Б. Поморцев (Петрозаводск). В ПРИОНЕЖЬЕ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

КРАЙ, КОТОРЫЙ ВСЕХ ДОРОЖЕ

Максим ЛУЖАНИН

РОЯЛЬ

Пас коров и на зорьке весенней порой
разлучал я пахучую ветку с корой...
Осторожно прорежешь в коре голосник,
словно сердце поставишь — рождается
крик!

Оживала свистелка в ребячьих губах,
шлях надежду мою на тяжелых горбах
колыхал. Опьяняла сырая кора
и в большую дорогу звала со двора.
Но все чаще в наивную эту дуду
говорила святая душа про беду.

А сегодня вернул меня в дальнюю даль
наш, борисовской марки, нарядный рояль.
И мальчишка нарядный почти утонул
в блеске черного лака и в рокоте струн.
Он до крайних басов дотянуться не смог,
и на миг померещился мне пастушок.
...Там метелица в поле кружила-мела,
там Левониха глазом поблескивала,
а отец умирал и о чем-то просил,
но слова досказать уже не было сил.

Как же этот мальчишка сквозь ноты-кусты
вывел песенку чистую из темноты?
Да еще отгадал, красотой окрылен,
чем сегодня живу...
Мой нижайший поклон
перед полной душой,
перед чуткой рукой,
перед елью,
чей голос сквозь дальнюю даль,
как в родное гнездовье,
вернулся в рояль.

НАРОЧАНСКИЕ НАБРОСКИ

1

Луга в ромашке — белые,
равнины — нивы спелые,
пьет синеву земля!
И столько в небе чистоты,
и столько в мыслях высоты,
что снова молод я!

2

Пути мои неровные,
заботы лета кровные —
приехал в самый раз!
За рыжиком — по вереску,
за рыбиной — по бережку,
за словом — в добрый час!

3

Под деревушкой Купою,
где черт худел над ступою
в далекие года,
дожди, как кони, тупали,
и рвались под Лынтупами
речушек повода.

Мелькали перегонами
грозы цистерны полные;
светлели небеса:
прогромыхав за хатами
прощальными раскатами,
на убыль шла гроза.

А зорька в платье розовом,
в косынке голубой
продрогла под березою,
промокла под сосной.

Совсем, как ты со мной!

4

Опять мы синим вереском
идем в любимый бор,
ведем с бездонной вечностью
безмолвный разговор.

Сосновые иголочки
горят в косе густой,
играет сполох солнечный,
как гребень золотой.

Нам весело и холодно,
помолодела кровь,
и солнечное золото
в душе смеется вновь!

* * *

Вот смежаются веки,
разве я засыпаю?
Из лесов беловежских
в Туров-град улетаю!

На развилках дорожных
мир мерещится давний:
лес преданий народных,
дым народных восстаний.

Светит слава былая,
словно угли — ожины [1].
Из сердец своих пламя
здесь и мы разложили!

Три весны и три лета
жгли костер партизанский.
...Сколько песен не спето!
Сколько насыпей братских!

Но сердца под золою
до сих пор не погасли.
Надо — встанет стеною
пламень грозный и ясный.

Лишь для праздников, люди,
сохранять нас не надо,
мы горели крылато —
пригодимся и в будни.

ДЕРЕВЯННАЯ РЕЗЬБА

Хлебопашец за сохою
шел своей полоской клятой,
бился до ночи с землею,
надрывался вместе с клячей.

Дядька сеет — черти весят,
бесполезная работа!
У скотинки волос лезет,
да и сам ослеп от пота.

Как же сбить беду со следа?
Вдохновенно, окрыленно
он трудился до рассвета —
выпилил коней из клена!

Хороши лошадки — в теле.
«Но!» — вскричал мужик довольный,
на стреху они взлетели,
понеслись за вольной долей.

Победил забвенье мастер,
слышно даже и сегодня,
как бежит, летит за счастьем
вдохновенная погоня!

* * *

В том удача, что с дороги
в детство, в юность, к домочадцам,
в край, который всех дороже,
доводилось возвращаться.

Свет мой милый — незнакомый!
Все как будто бы впервые,
и не верится, что дома
и что люди — все родные.

Встреча с первою любовью,
катерок возле террасы,
и как будто слышу вновь я
капитана Гаттераса.

Осень сушит листья граба,
машет крыльями сорока,
и душа, как прежде, рада
вечной свежести истока...

ДОЖДЬ. АПРЕЛЬ. 1945

Такие страшные столбы
огня стояли,
что божий день от ночи мы
не отличали.

По черепичной крыше дрожь
бежала к Эльбе.
И мучил нас апрельский дождь —
весна, капели...

Добрался дождичек до нас,
засек балкончик
и спрашивает в сотый раз:
когда закончим?

Войну заканчивай, солдат!
Взошла пшеница.
Сегодня-завтра в аккурат
начнет куститься...

Перевел с белорусского Игорь Шкляревский.

[1] Ежевика.

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

МАХМУД

Бободжан РАУФ-ЗАДЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

7

Шарип открыл глаза и тревожно огляделся. Его взгляд скользнул по серым, в глубоких трещинах стенам, по койкам, на которых лежали незнакомые ему люди с темными, заросшими щетиной лицами. Шарип напряг память, силясь понять, каким это образом он очутился здесь, но ничего не мог вспомнить.

Тогда он попытался встать. Но резкая боль в боку заставила его со стоном откинуться на подушку.

Он зажмурился и потупленно зашептал молитву.

Знакомый голос заставил Шарипа вновь открыть глаза. Он с трудом разлепил веки и увидел смуглого парнишку, сидящего на краешке кровати. Парнишка подался вперед, и его лицо осветила улыбка. Так светло улыбаться мог лишь один мальчик на свете — его сын.

— Здравствуйте, отец,— негромко произнес мальчик,— это я, я, Махмуд.— И поспешно добавил:— Доктор сказал, вы скоро поправитесь.

Так вот, значит, где он. В больнице. Бывая в городе, ему случалось проходить мимо низкого кирпичного дома. Про дом этот говорили разное. Кто утверждал, что там лечат людей от всяких болезней, а кто клялся, что их там морят или в лучшем случае делают калеками.

В последнее Шарип охотно верил. Он не раз видел то безрукого, то безногого больного, сидящего на лавочке под деревом у больницы. От их страдальческого вида Шарипу всегда становилось не по себе, и он убыстрял шаги, стараясь поскорее уйти подальше от этого страшного места.

Холодный пот выступил на лбу Шарипа. Он пошевелил пальцами ног — ноги на месте. Пальцами рук — руки на месте. Полегчало у него на душе, и он тихо-тихо сказал:

— Махмуд, сынок, как ты попал сюда?

— Мне господин доктор позволил, отец.

Из рассказа сына Шарип узнал, что Зайнаб, жена его, прибежала на второй день в больницу и такой крик подняла, что люди на улице начали останавливаться. Но врач твердо стоял на своем, не отдал ей Шарипа. Так и ушла Зайнаб ни с чем. А Махмуд, как ни противилась мать, остался с отцом.

С утра до вечера мальчик был возле отца и, как опытная сиделка, стирал полотенцем пот с его истерзанного болью лица, смачивал водой горячие, потрескавшиеся от жара губы.

Русские мастеровые, лежащие неподалеку от Шарипа, ласково прозвали мальчика Галчонком. Махмуд скоро стал откликаться на это слово, хотя и не понимал, что оно означает, но по тому, с какой теплотой произносили его, чувствовал, что оно доброе.

— А где ты ночуешь?

— Здесь,— как можно беспечнее отвечал мальчик,— правда, дядя Миша Исаев, начальник ваш, предложил мне у его друга ночевать, но я отказался, хотел рядом с вами быть. Мало ли что ночью произойти может? Вот и сплю у двери на скамье. Там мне стелют...

— Погоди, погоди,— заволновался Шарип,— а при чем тут Исаев? Откуда ты его знаешь?

— Как откуда? — искренне удивился Махмуд.— Он вас в больницу привез, отец. Он и приходил сюда часто, только вы тогда в беспамятстве были...

Махмуд продолжал говорить, но Шарип не слушал его. Значит, Исаев все устроил. Но зачем, зачем он это сделал? Ведь не брат он ему, не друг. И веры другой. Да, он очень добрый человек, ничего не скажешь. Строгий и справедливый. Рукам волю не дает. Да и местные обычаи отменно знает, уважает их, по-таджикски не хуже таджика говорит. Странный, очень странный... А может быть, он такой же обманщик, как Рахим-бай? Как ему раньше это в голову не приходило? Тот тоже добреньким прикидывался, деньги всем давал, а потом вон как обернулось...

Шарип стал с нетерпением поджидать Исаева, так как всегда считал, что горькая правда лучше неизвестности.

Мастер пришел под вечер. Еще в дверях он громко, на всю палату сказал, обращаясь ко всем:

— Здравствуйте,— а затем, повернувшись к Шарипу, произнес по-таджикски:— Ассалом алейкум! Вижу, пахлаван Шарип пришел в себя. Ну, теперь он скоро на ноги встанет.

Глаза Шарипа жарко сверкнули. Вот она, долгожданная встреча.

— Алейкум ассалом,— ровным голосом ответил Шарип, приглядываясь к Исаеву, словно видя его впервые...

Перед ним стоял высоченный человек с крупным открытым лицом, смоляные волосы падали на высокий лоб, серые глаза смотрели мягко, ласково. В облике этого человека было что-то гордое, непреклонное, смелое.

Шарип не смог подавить в себе чувства симпатии к Исаеву. Нет, не может такой человек лицемерной лисицей быть. Но зачем торопиться с выводами? Вот сядет Исаев, поговорим, глядишь, и все прояснится.

Мастер осторожно опустился на табуретку, и та жалобно заскрипела под его могучим телом. Затем он легонько провел ладонью по голове Махмуда, восторженно смотревшего на него, и сказал:

— Вот видишь, Махмуд, первое мое предсказание сбылось, твой отец поправляется.

— Да, вижу,— ответил Махмуд.— Второе, о том, что наступят и для нас хорошие времена, тоже исполнится?

— Обязательно. И очень скоро.

— А вы, начальник, как я погляжу, любитель сказки рассказывать. Но я не дите малое. Сказок не люблю. Хотя в нашем кишлаке есть сказочники. И умелые. Вы мне лучше вот что скажите, начальник: почему в больницу меня устроили, почему деньги заплатили? Чего хотите за это?

— Одного лишь хочу, Шарип, чтобы на ноги ты поскорее встал. А то, что помог тебе... Так ведь должен же человек человеку в беде помогать.

— Но ведь я таджик. А ты русский!

— Ну и что? Разве мы из разных костей и мяса?

— Русские — враги таджиков!

— Ты думаешь, Шарип, все русские — это только начальники и жандармы? Знаешь, там, на севере,— Исаев указал на противоположную от окна стену,— огромная страна, во много раз больше, чем Туркестан. Там живут русские. Ты думаешь, там не голодают, ты думаешь, не умирают от нищеты и болезней? В России много богатых, но еще больше бедных людей. Русскому хозяину наплевать, что на него работает такой же русский, как он сам. Он с него три шкуры дерет.

Задумался Шарип. Вспомнил свое голодное детство, беспросветную юность, полную лишений и горьких обид.

Вот сидит его любимец, Махмуд. У него ясная голова. Ему бы грамоте учиться, да нечем мулле за учебу платить. Стиснул зубы Шарип. Будь проклята доля бедняка. Есть у нас начало, да нет конца. А может быть, есть конец?

— Так что вы там, мастер, о хороших временах говорили? Расскажите и мне.

— Расскажу. Обязательно расскажу. Но только завтра. Сегодня уже нельзя. Устал ты. Да и доктор предупредил меня, чтобы я не засиживался.

Исаев пришел на следующий день. Приходил он и потом, пока Шарип лежал в больнице.

8

Они столкнулись друг с другом после вечернего намаза. Рахим-бай, бесцеремонно положив пухлую, унизанную перстнями руку на плечо Шарипа, елейным голосом произнес:

Продолжение. См. «Огонек» № 40.

— Я знал, что такое могучее дерево, как ты, вновь зазеленеет. Ведь я так просил об этом аллаха. И он услышал меня.

— Почтенный бай молится за здоровье бедняка? С каких это пор?

— С того самого момента, дорогой Шарип, когда бедняк становится моим должником. Кто будет выплачивать его долги, если он умрет?

— Но я, слава аллаху, ничего вам не должен.

— Должен, дорогой Шарип, должен. И немалую сумму. Я ее твоей жене одолжил, когда ты болел. На это у меня и свидетель имеется. Правдивый Акрам. Да и Айша подтвердить может...

Эта новость болью отозвалась в душе Шарипа. Зайнаб была доверчивой женщиной, и ее ничего не стоило провести, тем более такому шакалу, как Рахим-бай.

Сердиться на жену Шарип не мог.

Он тяжело вздохнул. Здоровые, сильные люди не могли уплатить долгов. А как расплатится Шарип, калека, которому даже мешок с зерном теперь не поднять?

Шарип втащил в дом дедов ткацкий станок, массивный, неуклюжий, и принялся ткать полотно.

Постукивал себе станок, поскрипывал. Нитки бежали. Бежали дни, похожие один на другой. Как взрослый, переживал Махмуд беду, обрушившуюся на семью. Мать совсем из сил выбилась. Махмуд помогал ей как мог. То с младшими сестренками посидит, то в саду покопается, то за очагом присмотрит. А когда свободная минута выпадала, бегал к железной дороге. От кишлака до нее рукой подать. Сначала тянулась унылая желтушная равнина, усеянная колючками. А затем — железнодорожное полотно. По шпалам можно дошагать до станции Ходжент.

Мальчику нравилось на станции. Любопытно было смотреть на толкучку перед посадкой. Нравились поезда, летящие за горизонт. Веселые, звонкие поезда, всегда голосистые, шумные. А потом они вдруг стали сумрачными. Пассажиры пели тоскливые, протяжные песни Востока. Пели широкие и непонятные русские песни. Поезда мчались на запад.

Это были мобилизованные. Шел 1916 год. Царю не хватало людей. Тогда приказал он согнать иноверцев на тыловые работы. А заодно прихватить и «неблагонадежных» русских, чтобы на фронте очистились они от социалистической заразы. Что это за болезнь, Махмуд не знал, но взрослые говорили о ней шепотом. Из их разговора Махмуд узнал и о том, как по всему Туркестану, в городах и селах, бросали жребий, кому из парней покидать отчий дом. Но всегда почему-то получалось так, что уходить приходилось бедняку, а сыновья богачей откупались или нанимали вместо себя других.

Однажды притащился на станцию поезд и замер. Махмуд видел, как из головного вагона выскочил кривоногий, низкорослый офицер и, спросив о чем-то дежурного по станции, унылого старика, затопал, переваливаясь по платформе, мимо притихших зевак. Даже Махмуд учуял неладное.

Вдруг воздух, синий и безмятежный, наполнился криком. Кричали женщины, кричали на разные голоса. И были в том крике великая тоска, отчаяние и безутешность.

Показались люди. Впереди быстро ковылял поручик. За ним в окружении полицейских и каких-то важных людей в дорогих халатах плелись парни. Они смотрели отрешенно, словно происходящее их вовсе не касалось, не трогало. Парней окружили женщины. Завывая и всхлипывая, словно провожая покойника, они пытались проскользнуть в круг, к сыновьям, но солдаты не пускали их.

— Отойди, тетка, христом-богом прошу,— твердил рыжеусый полицейский сухонькой женщине с горестным лицом, пуская локти в работу и стыдливо пряча при этом глаза.

Махмуд узнал тетю Айшу. Он сорвался с места, подскочил к рыжеусому и вцепился в рукав гимнастерки.

— Не тронь, не тронь тетю Айшу! — закричал он.

Но тот грубо отпихнул мальчика. Махмуд упал. Тетя Айша запричитала еще пуще.

Запершило в горле у Махмуда. На глазах показались слезы. Людская тоска ранила его в самое сердце.

Солдаты стали теснить людей. Толпа застонала, подалась назад. Промелькнуло озверевшее лицо жандарма Ишкова. Его мундир был испачкан кровью. Кровь была и на плетке, которой он бил по головам и спинам женщин. Рядом с жандармом вертелся, тоже с плеткой в руке, Мирзо Карим, аксакал из кишлака Махмуда.

— Будь мужчиной, Махмуд, не плачь,— донеслось до мальчика.

Он поднял голову и увидел Исаева.

— Куда это их, дядя Миша?— жалобно протянул мальчик.

— На тыловые работы, брат. Такие теперь времена.

Мальчик прижался к мастеру. Дядя Миша не раз бывал у них в доме. Помогал чем мог отцу. Иногда к ним приходили рабочие-ремонтники. Исаев им с жаром о чем-то рассказывал. О чем — Махмуд не знал. Ему не разрешали оставаться в комнате, а из-за плотно закрытой двери до мальчика доносились лишь обрывки фраз.

Паровоз загудел протяжным басом. Дернулся раз, другой и сдвинул тяжелый состав с места.

Поезд загромыхал, медленно удаляясь от станции. Женщины безмолвно глядели ему вслед.

Вечером у отца Махмуда собрались люди. Говорили шепотом. Но Махмуд кое-что разобрал. Он узнал, что повсюду в Туркестане восстали люди, возмущенные несправедливостью набора на работу, и белый царь в отместку за это многих убил и еще больше людей угнал далеко-далеко, на запад. А город Джизак вообще сровнял с землей.

Махмуд представил, как идут солдаты. Одни с большими лопатами закапывают город в землю. Другие загоняют взрослых и детей в вагоны и увозят их.

9

Весна выдалась холодной. Заморозки уничтожили фруктовые деревья. Не было даже урюка, не раз выручавшего в неурожайные годы.

В кишлаке Махмуда властвовали голод и его верная спутница — смерть. Махмуд то и дело видел, как падали люди и больше не вставали.

Семья Шарипа совсем обнищала. Отец готов был работать до глубокой ночи. Но на полотно спроса не было.

К прежним бедам прибавилась новая напасть. Участились случаи грабежей и краж. Богатые во всем обвиняли бедняков. Под видом борьбы с грабителями они расправлялись с неугодными им людьми.

Однажды на главную площадь кишлака байские слуги притащили старика Сулеймана и двух его сыновей. Они не раз призывали к неповиновению баям. И вот теперь они расплачивались за это. Их избивали палками, пока они замертво не упали на землю.

Сжав зубы, чтобы не закричать, Махмуд наблюдал эту жуткую сцену. Ему пошел восьмой год. Он успел узнать за это время многое такое, о чем и не подозревали его сверстники. И сейчас, стоя на площади, он чувствовал, что присутствует при свершении величайшей несправедливости. Картина эта еще долго преследовала Махмуда.

Исаев пытался выхлопотать пенсию для Шарипа, как человека, получившего увечье на работе. Но чиновники в ответ на все его прошения беспомощно разводили руками.

Все чаще стал наведываться к Шарипу богач Рахим-бай, грозил тюрьмой. Каждую неделю Шарип отдавал ему часть своего скудного заработка.

Однажды, когда Шарип возвращался домой из лавки, из окна чайханы его окликнул аксакал. Он был не один. Рядом сидели Рахим-бай и Имам. Шарип неохотно опустился на край ковра и взял предложенную ему пиалу.

— А мы сейчас о тебе говорили,— задумчиво произнес аксакал.— Хороший ты человек, Шарип. Да не везет тебе. Вот и собрались мы, трое почтенных мужей, чтобы решить, как помочь нашему бедному брату.

— Спасибо, уважаемые. И что же вы надумали?— едко спросил Шарип.

Аксакал, как бы не замечая насмешки в голосе Шарипа, продолжал:

— Велик и всемогущ аллах. Он не отворачивает лицо свое от тех, кто готов вершить богоугодные дела. Всевышний наделяет их богатством и разумом. Наши сердца полны добра к тебе, вот почему мы говорим: Шарип, будь мудр, продай Рахим-баю свой сад. За ценой он не постоит. Назови сам, сколько ты хочешь?

— Правильно! Правильно! Твоими устами говорит сам аллах,— затараторил Имам.— Зачем тебе сад? Сегодня урожай, завтра неурожай. А деньги... Это верная вещь. Вот смотри, в саду у тебя нет ничего.

— Нет, уважаемые,— сказал Шарип.— Не продам я свою землю. На ней жили мой дед и отец. И мои дети здесь будут жить.

— Послушай, Шарип,— вскипел Рахим-бай,— мне нужен твой участок. На нем я построю большой караван-сарай. Получай деньги и проваливай. Я даже готов простить тебе долг. А если не продашь, то поговорим с тобой подругому. Ты же знаешь, не было такого случая, чтобы я от чего-нибудь отступился. А? Я не шучу.

Да, Шарип знал, что Рахим-бай шутить не любил. А если и шутил, то так, что многим становилось жутко. Последний раз он «пошутил» со своим соседом Саидом.

Как-то Саид назвал богача обманщиком, и тот поклялся ему отомстить. Через несколько дней по кишлаку поползли слухи о том, что у Рахим-бая украли телку. А к вечеру все узнали, что шкуру ее нашел местный судья в траве возле дома Саида.

Саид был арестован и осужден, хотя все понимали, что в сад злосчастную шкуру подбросили слуги Рахим-бая.

О разговоре в чайхане на другой день узнал весь кишлак. Многие втайне сочувствовали Шарипу. Но вслух сказать об этом боялись. Когда Шарип появлялся на улице, на него смотрели как на обреченного. Все ждали беды. Ждал ее и Шарип. И она пришла к нему вместе со знойными днями.

Рахим-бай перекрыл воду. Вечером, когда по соседним арыкам весело бежала вода, сад Шарипа не получил ни капли влаги.

Махмуд видел, как отец направился к баю, и поспешил вслед за ним. В байском доме всякое случиться может! И тогда он, Махмуд, защитит отца. Но Шарипа даже не пустили на порог. Работник богача, нагло ухмыляясь, заявил, что хозяина нет дома.

Утром Шарип пошел на станцию, а к вечеру он вернулся в кишлак вместе с Исаевым. У дома Рахим-бая Шарип остановился, а мастер смело вошел на байский двор.

Весть об этом птицей облетела весь кишлак. Вскоре у дома Рахим-бая собрался народ. Коекто бился об заклад, что набожный бай не потерпит этакой дерзости и выкинет вон неверного. Но большинство отмалчивалось.

Время шло, а слуги богача все никак не выпроваживали незваного гостя. Наконец появился Исаев. За ним, кисло улыбаясь, семенил сам Рахим-бай.

Не боявшийся ни бога, ни черта, богач опасался связываться с русским. К тому же он знал Исаева как человека решительного. Бай вновь пустил воду, и она заспешила к участку Шарипа. Ее журчание потонуло в радостном смехе детей. Исаев оставался в доме друга, пока не заполнился доверху хауз — маленький пруд.

10

В конце лета друзья Шарипа устроили Махмуда на работу. Пришли на вокзал, поклонились буфетчику. «Больно тощ паренек. Видать, силенок маловато»,— отмахнулся тот от них. Но в конце концов его упросили. Взял.

С утра и до самых сумерек трудился Махмуд.

За день у перрона останавливались два поезда. На рассвете — ташкентский, а вечером — из Ферганы. Когда пассажиры расходились по вагонам, в буфете на столах оставались груда грязной посуды, смятые, в жирных пятнах скатерти.

Махмуд помогал добродушному официанту Коле мыть полы и посуду, наводить по углам блеск. В те дни, когда работы было особенно много и им приходилось трудиться до глубокой ночи, Махмуд оставался ночевать у дяди Миши.

Иногда по ночам мальчика будил осторожный стук в окно. Он слышал, как Исаев шел к двери, как какие-то люди шептались на кухне. Однажды он даже узнал одного из них. Это был местный телеграфист.

Незаметно пролетел месяц службы у буфетчика. Махмуд возмужал, научился русскому языку.

Раз в неделю он приносил домой крупу, муку, а иногда и несколько кусочков сахару. И какой радостью светилось его лицо, когда мать стелила скатерть и ставила на нее вкусно пахнущую похлебку из крупы, принесенной Махмудом! Затем она гладила его по голове, приговаривая:

— Работник ты наш, кормилец!

Махмуду становилось неловко от этой ласки: сам себе он теперь казался взрослым.

После обеда отец всегда интересовался, нет ли каких новостей или привета от мастера Исаева. Приветы были. Мастер часто посылал их с Махмудом, требуя при этом, чтобы мальчик передавал их точно, слово в слово. Поклоны были странные, речь в них шла о здоровье каких-то дядюшек и тетушек, а раз даже и новом доме племянника.

— Отец, а у дяди Миши много друзей? — поинтересовался однажды Махмуд.

— О да, очень много! — серьезно ответил сыну Шарип и добавил: — А врагов еще больше. Поэтому ты должен уметь держать язык за зубами. Многие нехорошие люди интересуются мастером.

О словах отца Махмуд вспомнил на следующий день, когда к столику у окна его подозвал краснощекий «ишак-джандарм». Он хлебал борщ, смешно кряхтя и посапывая.

Когда мальчик подошел к столу, жандарм старательно вылизал ложку, положил ее на ломоть хлеба и больно сжал толстыми крепкими пальцами плечо Махмуда:

— Так вот ты какой, дружок Исаева! Хлопец что надо. Глаза вострые. А ну-ка, востроглазый, ответь мне по совести, любишь ты мастера?

— Люблю, господин начальник, — чуть слышно ответил Махмуд.

— Любишь? Это хорошо. И я его люблю. Поэтому и беспокоюсь за него. Странно ведет он себя. Какие-то люди к нему все время ходят. Из кишлака кто-нибудь бывает?

— Я бываю.

— Знаю. А другие?

— Не видел. При мне — никто.

— Ну, а русские бывают? По ночам, например? Видел, небось, их.

— Да что вы, господин начальник!

— Что, что вы?

— Так ведь он спит по ночам. Иногда так спит, что я уснуть не могу. Носом он этакое делает, как это по-русски?..

— Храпит, что ли?

— Вот-вот, храпит. Очень сильно храпит.

Жандарм пытливо заглянул в глаза мальчика. Не дурачит ли он его? Но в глазах Махмуда светилось одно простодушие. Жандарм крякнул и отпустил мальчишку.

Вечером Махмуд рассказал Исаеву о разговоре с жандармом. Мастер нахмурился. Нервно потер ладонью подбородок, а затем в сердцах сказал:

— Ишь лиса, пронюхал все-таки.

Смышленый мальчик уже давно заметил, что люди относились к Исаеву далеко не одинаково. Но равнодушных среди них не было. Одни, и таких было немало, уважали, любили мастера. В большинстве своем это были бедняки, такие, как его отец. Они часто приходили к Исаеву за советом, и он охотно им помогал чем мог.

Некоторые, среди них чиновники, вроде начальника станции, сторонились мастера. Но, когда в теплой компании заходил о нем разговор, они не поливали Исаева грязью, а просто отмалчивались.

Были и такие, кто люто ненавидел мастера. Они называли его «бунтовщиком», следили за каждым его шагом и писали доносы в Ходжент. Особенно усердствовали весовщик на складе Скалкин и жандармский унтер-офицер Ишков.

Были враги у Исаева и в кишлаках. Баи и муллы смущали народ слухами, что мастер во-

все не мастер, а посланец шайтана, который хочет сделать из мусульман неверных. И многие верили им.

«Эх,— горько думал Махмуд, слыша всяческие небылицы о дяде Мише,— взрослые вы люди, а доверчивы, как ягнята. Ну ничего, вот вырасту, расскажу вам всю правду».

В кишлак все чаще стал наведываться Ишков. Он всегда останавливался у Рахим-бая. Истый ревнитель веры радушно встречал царского жандарма.

«О чем они там толкуют?» — гадал Махмуд.

11

В саду под навесом сидят двое: Рахим-бай и Ишков. Стол перед ними ломится от яств. Чего только на нем нет! Вкусно пахнущий шашлык и гора пирожков. Халва, варенья разных сортов и сочные, сладкие дыни.

— Гляди, гляди, как уплетают! Даже не подавятся,— шепчет Керим.

— Молчи, не мешай слушать,— отвечает Махмуд.

Мальчишки прятались за усыпанной плодами ветвистой яблоней. Отсюда им было хорошо слышно и видно. Разговор то разгорался, то затухал.

— Плохие вести слышат мои уши, уважаемый начальник. Голодранцы голову поднимают. И у нас в кишлаке бунтовщики объявились. Первый среди них нечестивый Шарип, мой сосед. Почему бы вам, дорогой наш тюра[1], не вздернуть эту бешеную собаку, пока она все стадо не перепортила?

У Махмуда яростно забилось сердце. На лбу выступил холодный пот.

Ишков, поглядев искоса на опустошенное блюдо с пловом, важно ответил богачу:

— Не бойся, бай, придет и его черед. Повесим подлеца. Но не о нем речь. Об Исаеве. Это он смущает повсюду народ. Есть у меня сведения, что он банду сколачивает, чтобы богатых жизни лишить.

Бай в ужасе всплеснул руками. А Ишков продолжал:

— Хорошо бы письмо составить да с ним в уезд. В бумаге сказать, что так, мол, и так, нет всем житья из-за этого разбойника. Письмо пусть подпишут знатные баи, муллы, купцы. Вот за этим я и приехал. Ты должен мне в этом помочь, Рахим-бай.

— С большим удовольствием, уважаемый господин начальник. Я давно призываю кару на голову этого нечестивца. Ведь у меня с ним давние счеты. С помощью аллаха сделаю все как надо. А сейчас отвлечемся от мрачных мыслей и укрепим свою плоть едой.

И они принялись за жареную баранину, принесенную расторопным Акрамом.

Махмуд дернул за рубашку Керима, и они бесшумно выскользнули из сада.

— О чем они там говорили?— спросил Керим, ни слова не понимавший по-русски.

— Дурное замышляют,— ответил Махмуд. Он мучительно соображал, как отвести беду от Исаева. И тут его взгляд упал на повозку, запряженную парой гнедых лошадей. На ней прибыл в кишлак «ишак-джандарм». Махмуд подскочил к лошади и выпряг ее. Лошадь большими глазами удивленно следила за мальчиком. Почувствовав свободу, она тихо заржала. Махмуд хлестнул ее вожжами, лошадь рванулась и понеслась по улице, оставляя за собой облако пыли.

— Бежим!— крикнул Махмуд. И мальчики пустились наутек.

Вечером Шарип рассказал о панике в доме Рахим-бая. О том, как ловили лошадь и не поймали и как жандарм Ишков грозился спалить весь кишлак.

— А ты где пропадал?— неожиданно спросил он у сына. И, увидев его притворно равнодушное лицо, все понял, покачал головой:— Нет, сынок, так делу не поможешь. На другой лошади уехал Ишков. Рахим-бай ему дал. А, впрочем, ты у меня молодец.— И рассмеялся, вспомнив, как бесновались они, жандарм и Рахим-бай.

Окончание следует.

[1] Тюра — начальник (таджикск.).

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

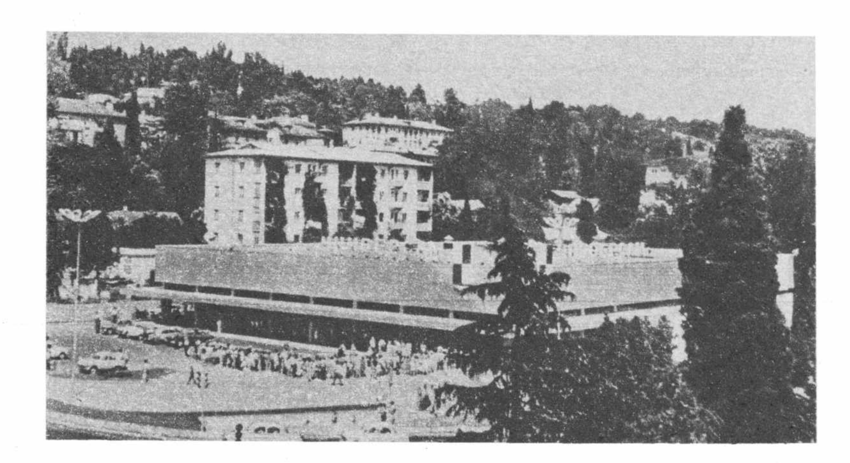
УНИВЕРСАМ НА БЕРЕГУ МОРЯ

СОЧИ

До последнего времени в Большом Сочи работало 1 337 продовольственных и промтоварных магазинов. Сейчас их — 1 338. Но один новый стоит нескольких прежних. Так он удобен, вместителен, красив. Новинка эта — универсам. Первый на Черноморском побережье Российской Федерации.

Общая площадь помещений универсама — четыре тысячи квадратных метров, протяженность рядов и прилавков — более 500 метров. На них — товары около полутора тысяч наименований. За стеклянными стенами — холодильники и складские помещения. Годовой оборот магазина—15 миллионов рублей. На каждую из покупок в среднем приходится потратить две минуты. В магазине установлено самое современное оборудование, широко используются автоматика и электроника. В фасовочном цехе — машины, которым можно задать любую программу. Скажем, такую: «Сто граммов сыра нарезать тонкими ломтиками». Пожалуйста, будет выполнено.

Ф. РЕЗНИКОВ

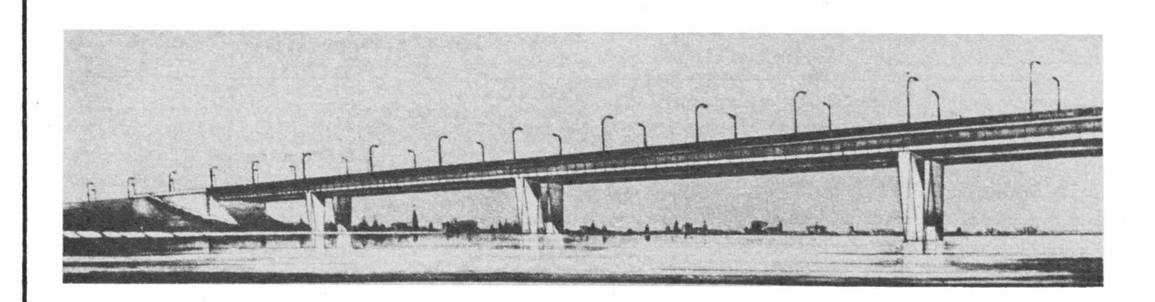
ПЕРЕХОД—ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ

НОВОСИБИРСК

Он очень нужен Новосибирску, этот будущий мост. И не только потому, что свяжет кратчайшим путем крупнейшие районы города, но главным образом потому, что без помех примет на себя огромный, все растущий транспортный поток миллионного города.

Впервые в практике строительства все шесть его пролетов перекроет одна стальная балка. Весь пятикилометровый мостовой переход будет иметь удобные транспортные развязки в разных уровнях, с пешеходными дорожками и тоннельными переходами. Мост уже строится.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

ГОСТЕПРИИМНОЕ «ЛУКОШКО»

ЧЕРЕПОВЕЦ

Близ Череповца на обочине оживленного шоссе, ведущего в сторону Ленинграда, в березняке недавно появилось затейливое сооружение — словно кто-то оставил ненароком в лесу огромное лукошко.

— Кафе так и называется — «Лукошко»,— сказали нам в Вологодском облпотребсоюзе.— На то, чтобы сплести его, потребовалось четыре кубометра оплеточной лозы. Кафе построено правлением Нелазского рабкоопа по проекту В. Ф. Пономаренко — заместителя главного инженера ордена Ленина треста «Металлургстрой».

Сорок шесть мест в придорожном кафе. Его ассортимент соответствует названию. Тут грибные блюда и другие вкусные яства из даров леса. Особое внимание уделено северному винограду — клюкве, которой богаты вологодские леса. Блины с клюквенным вареньем, клюквенный и черничный морсы.

— Соки и морсы мы приготовляем не только из обычной, но и из подснежной — весенней клюквы,— сказали нам в кафе.

— А разве клюква созревает весной?

— Нет, конечно. Но чтобы добиться особой сладости и вкуса, часть клюквы оставляют зимовать. А весной собирают такую, перезимовавшую, чуть прихваченную морозцем ягоду — она слаще осенней.

К. КОСТИН, И. ТУНКЕЛЬ

Фото авторов.

ХОЖДЕНИЕ В ЗАВТРА

Николай БЫКОВ

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Начало см. на 2-й стр. обл.

■

Отправляясь в Сибирь, естественно, думаешь о Сибири; плывя по реке, думаешь о реке; но, из дальних странствий возвратясь, мучаешься одним: как бы точнее рассказать обо всем увиденном, услышанном. В данном случае форму повествования подсказала Обь. Очень естественно. Все течет, во-первых, а во-вторых, все изменяется: и берега, и все, что на берегах, и часовые пояса, и параллели, и разрез глаз у старожилов... Река как повод пересечь Россию в самом интересном сегодня месте. Река как вечная дорога, до сих пор наиболее удобная для серьезного путешествия; река — ключ к разговору именно в текучем «жанре потока»...

Любая из рек издревле оценивалась той ролью, которую она играет как путь сообщения и общения, как основа развития экономики на ее берегах. На реках далекие пращуры обретали жизнь, оттого и прорубались к ним через дебри. Река — дорога, река — рубеж, опора древних градостроителей... На поймах родилось земледелие. А быть может, река и лента первого конвейера: на ней вязали плоты, сплавляли лес? Недоступные места стали доступными благодаря рекам. Это относится и к рекам бассейна Оби: по ним осуществлялось присоединение Сибири к Русскому государству в XVI—XVII веках. В следующей пятилетке мы наверняка отметим четырехсотлетие дерзкого похода дружины под водительством Василия Тимофеевича Аленина, в миру и в истории известного под кличкой «Ермак». Блюдя интерес промышленников Строгановых, Ермак совершил хождение «в новые землицы». Роль этого многолетнего победоносного похода нельзя переоценить. Нынешнее Приобье — те самые Ермаковы землицы, что все пуще манили к себе торговых людей. Вообще же на Оби русские появлялись аж во времена Новгорода Великого (XI век!), а в конце XV века они уже свободно ориентировались в лабиринте рек и речушек обского Севера, дабы отсылать на Москву навалом «мягкую рухлядь», как неожиданно называли праотцы пушнину.

■

Именно Обь сыграла громадную роль в развитии экономики Западной Сибири. Она судоходна от истоков до устья. Для моих современников Сургут — это недавно открытое месторождение нефти, а ведь он известен был несколько сот лет назад как острог, крепость на Оби. Столь же стары и Камень-на-Оби и Березово, из которого служилые люди пробегали Обь до Обдорского зимовья (нынешний Салехард!) всего-то за четыре дня.

Обь... Быть может, от слова «объять»? Река, которая, пересекая Россию, пытается объять необъятое... Одна из ста восьми тысяч рек нашей страны и одна из семи великих рек Азии. По площади бассейна она занимает четвертое место в мире! Из дочерних рек только судоходных у нее — 36! Ну и еще один штрих к портрету: Обь выносит в океан более двенадцати тысяч кубометров воды в секунду (для сравнения: вдвое больше Волги!). А главное, именно на Оби, где-то в районе Новосибирска, лежит географический центр России! Тут и символика, и экономика, и ключ к пониманию того, где центр, а где периферия, и с какой такой исторической необходимостью перемещается нынче наша экономическая мощь на восток, в Сибирь.

■

Когда в Барнаульском затоне прозвучала команда «Отдай носовой...» и белопенный наш (наш — на долгий рейс к Полярному кругу) теплоход отошел («Ни в коем случае не тронулся!» — предупредил в первый, но не в последний раз капитан-наставник Василий Тимофеевич), тогда-то я почувствовал, что всю дорогу теперь будет преследовать меня саднящее ощущение неудовлетворенности тем, что вот отошли, а я многого так и не узнал, до чего-то важного не докопался, а быть может, и прошел мимо, как незрячий. Встречи оставались знакомством. Одно извиняло: предпринятое «Огоньком» путешествие по Оби благодаря своеобразию исторической ситуации и тому особому месту, которое занимает и которое предстоит занять Сибири в экономической жизни страны, это лишь попытка заглянуть в Завтра, это хождение в Завтра.

Так вот прежде всего: Барнаул — свидетельствую — неузнаваем. И это было моим маленьким открытием для себя. Я помню песчаные улицы, теперь почти всюду асфальт. А Дворец спорта! А новые корпуса институтов! Но перестройка только началась, и годы зрелости — архитектурной, промышленной — у Барнаула впереди.

Но что неизменно потрясает на Алтае, так это пейзажи — степь со знаменитыми ленточными борами и белоствольными березовыми колками и горы с Чуйским трактом, с кедрачами, с маралами!.. Народ в крае под стать его географической сущности — красив какой-то внутренней прочностью, непоказным радушием. Это не слова ради слов, за беглыми моими фразами должно видеть вполне конкретных людей. Мы были и в Павловском районе и в Каменском, летали в Бийск, буквально путешествовали несколько дней по новому Барнаулу... Сибирская житница — Алтай сегодня дает, кроме хлеба, и пушнину и сложнейшие машины. Славен край по-прежнему отличным здоровым климатом и гостеприимством южан Сибири!

■

Село Елунино высоко взметнулось над Обью — берега здесь головокружительной высоты, говорят, метров сто! Елунинский колхоз «Россия» нам рекомендовали как хозяйство, где экономическое становление — процесс еще живой, видимый невооруженным глазом. И действительно, председатель колхоза Владимир Федорович Однодворцев, человек сравнительно молодой (ему едва за тридцать), пытается с ходу форсировать те объективные препятствия, которые мешают колхозу вырваться в безусловные передовики. Экономическая мощь хозяйства пока невелика, но по некоторым признакам ясно, что Однодворцев не отступит, хотя ему и нелегко, ох, как нелегко осуществлять намеченное. Владимир Федорович все выспрашивал, как действуют знаменитые на всю страну хозяева Хван, Егудин, Клепиков, как действовал в свое время Кавун. Готовясь преодолеть нехватку рук, молодой председатель немало думает о новой организации труда. В кабинете его царит ультрасовременность: таблицы, расчеты, диаграммы... В колхозе твердо стоят на звеньевой организации труда, на оплате труда по конечной продукции. К этому вынудили и нехватка рук и отсутствие каких-либо возможностей разбазаривать фонды оплаты. И еще, Владимир Федорович **заслоном против бесхозяйственности и рукой-водительства выставил цеховой принцип организации — по отраслям производства. Что это такое и что этот принцип дает! Нет в колхозе бригад, а есть цеха: растениеводства, животноводства, механизации...** И возглавляют эти цеха не былые бригадиры, даже не начальники участков (как правило, это были практики), а сами главные специалисты колхоза. Они — и агроном, и зоотехник, и инженер — суть начальники цехов, они и организуют сами всю работу в данной отрасли. А ведь, бывало, они лишь советовали, контролировали... Квалифицированное руководство и прямая подчиненность исполнителя главному специалисту — тот конек, который вывезет, по мысли Однодворцева, его колхоз. Конечно, жизнь не схема!

Не сравнить, например, чисто хлебных хозяйств с такими, как зверосовхоз «Лесной» или племзавод «Катунь». И пушнина и племенной скот приносят более ощутимый доход, это товар особого предназначения. Но и хлеб не должен смущать душу современных, совсем еще молодых алтайских хлеборобов сомнениями насчет якобы низкой ему цены. Выход? В качестве урожая, в его надежности, в его низкой себестоимости. Кстати, в предгорьях Бийского района, славного скотом и пушниной, производство зерна за пятилетку увеличилось на треть, а прибыль составила более 40 миллионов рублей, в том числе чистой прибыли в

1970 году здесь получили 13 миллионов рублей! Прибыль же степнякам елунинцам, очевидно, должны принести малые производственные затраты и сильные сорта.

Умом, уверен, все это понимает и Однодворцев, а практически ему трудно сводить концы с концами, занимаясь одним лишь хлебом (в зверосовхозе «Лесной» около ста тысяч лисиц и норок, прибыль в 1970 году составила свыше 4 миллионов рублей). И он оборотился к животноводству, к молоку. Ах, какие луга за Обью! И как романтичны здесь самые ранние часы пробуждающегося дня... Стрекочет моторчик катера, который ведет тяжелый паром из-под елунинской кручи на другой берег, а на пароме особой белизной сияют — иначе не скажешь — халаты доярок, желтеет порожняя до поры автоцистерна, покуривают пастухи, хрустят овсом лошади. Сегодня тихо на реке, лучи солнца раздвигают туман, женщины говорят о вчерашнем — о ребятишках своих, о мужьях, у кого есть, о кормах... Молоко — надежная ставка колхозников, с молоком, пожалуй, они укрепят свою экономику. Тем более что и на летнем стойле теперь механическая дойка и председатель толковый — велел там, на правом берегу, готовить им горячий завтрак, потому что встают доярки чуть свет, тогда им не до еды, только бы на паром поспеть...

■

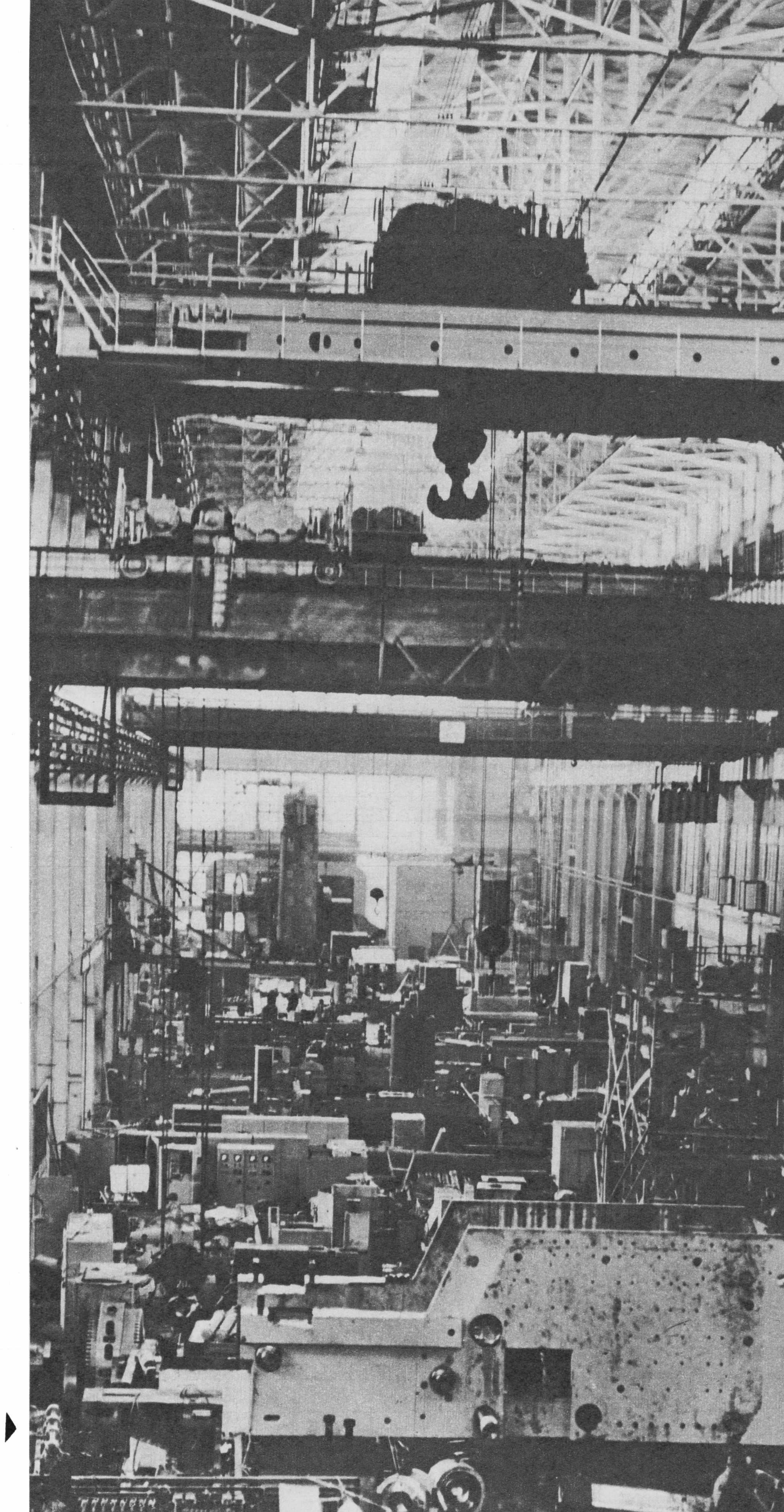
Река звала властно в городок Камень-на-Оби. Звало то обстоятельство, что там нас ждала встреча со старым знакомым — Евгением Ерофеевичем Парфеновым. Евгений Ерофеевич — первый секретарь Каменского райкома партии, Герой Социалистического Труда. Запомнился приезд алтайской делегации в нашу редакцию во время работы XXIV съезда КПСС; тогда Евгений Ерофеевич передавал журналистам хлеб-соль (большой он, медвежеватый, солонка случайно упала, помнится, соль рассыпалась, но ничто не помешало нашей дружбе с алтайцами, с людьми интересными, славными своим трудом). Тогда же, в апреле, ему и вручили в Кремле золотую звезду «Серп и Молот»...

И вот новая встреча — на земле алтайской, на древних «телеутских землицах», и сам Ерофеич, как зовут за глаза Парфенова в районе, рассказывает об истории Камня-на-Оби. О первых упоминаниях о нем, о сибирском корне — первых переселенцах, среди которых были его предки, вольные землепашцы Ступицыны (позже записанные Парфеновыми). И об одиннадцати (!) Героях Советского Союза только из одного этого небольшого городишка, среди которых и панфиловец Иван Шадрин. И, конечно, о нынешних героях хлебной степи — о семье Волковых из колхоза имени Кирова...

В колхоз мы попали через зеленую пшеничную степь и радовались обломному урожаю, какого не знали здесь уже давненько.

Семья Волковых большая, и почти все мужчины — механизаторы. Их четыре брата: Леонид, Николай, Иван и Александр. Все четверо как на подбор, но везли нас именно к Леониду. Он комбайнер и в прошлом году стал чемпионом России среди тех, кто валил, молотил хлеб. Леонид Волков убрал пшеницу с 1 100 гектаров и намолотил 17 тысяч центнеров зерна. Я уж и не знаю, сделал ли кто другой в стране такую работу? Леонид награжден орденом Ленина. («Только это никакой не подвиг, я уже много лет на комбайне и люблю его, и не один год у меня такой удачный».) В этом году земляки избрали его своим депутатом в Верховный Совет РСФСР. Но прежде были любовь к технике и работа.

Мы застали братьев возле мастерских, у своих машин. Троих, потому что Николай, тот самый, что «мужик в два обхвата» в отличие от младших братьев, у них шофером. Леонид говорил, что львиная доля успеха на уборке зависит от Николая. Он и в прошлом году возил зерно от комбайна Леонида. Любой человек, бывавший в страдную пору в степи, особенно в последние два-три года, помнит, как тоскливо вскрикивают гудки комбайнов, зовут под выгрузку бортовые машины. А машин мало, и вот комбайнеры стоят, ругаются на чем свет стоит. Из-за низкой по нынешним урожа-

Новосибирский завод «Тяжстанкогидропресс» имени А. И. Ефремова. Пролет сборки станков.

Семья колхозного шофера Г. Д. Гарбуза.

ям пропускной способности молотилок на комбайнах «СК-4», из-за острой нужды в автомашинах уборка растягивается на месяц — в идеальном случае! Волковы — братья, а этот союз труда покрепче того же звена, тут семейственность чистую прибыль дает колхозу. Отдайте часть севооборота Волковым — братьям, их женам, сестрам. Чем не звено?

Солнцем высвечены березки, разнотравье плеч достает, цветы по-сибирски крупные, под листьями — клубника... Братья помалкивают. К Леониду льнет белоголовый мальчишка, его Сашка; сын поднимается, как и отец, и с ним каждое утро бежит в рубашонке навыпуск в мастерскую — комбайн для него, пятилетнего, целый город, который он нынче обжил... Вот и смена! А отец скупо роняет слова: «Мне повезло, у меня комбайн «Сибиряк». Это новинка в механизации. Хорошая машина, а грузовиков мало. В районе их надо тысячи две только для того, чтобы бункерный хлеб возить, а их у нас всего полтыщи». Это на тысячу-то комбайнов!

Счет машинам идет на сотни и тысячи, а говорят — «мало»! Вот что такое новые сорта и удобрения плюс заинтересованность. Волковы хорошо зарабатывают, и все-таки я попросил Леонида подробнее рассказать, как оплатили его чемпионский труд в колхозе. Он перечислил: «Вот на моем комбайне семнадцать звездочек, за каждую тысячу центнеров намолота — по звездочке. За них получил пятьсот рублей только дополнительных, всего же за месяц уборки восемьсот вышло. Кроме того, несколько премий. Мотоцикл и телевизор — это за первенство в районе и еще за рекордный день, когда я намолотил почти восемьсот центнеров. За прошлый год заработал около четырех тысяч рублей. Ну, и братья тысячи по три, а то и побольше...» (Сейчас Волковы строят себе еще один двухквартирный дом.)

У каждого комбайнера здесь, в Каменском районе, есть «Предупредительный талон». На случай брака. Талон похож на те, что у автоводителей. Председатель колхоза или главный специалист могут сделать «прокол» за высокий срез, за огрех, за недомолот, за зерно в полове, за нарушенную герметизацию, за простой, за беспорядочный выброс соломы... Хорошая оплата и братская (в случае с Волковыми — в буквальном смысле!) взаимопомощь в поле, которое механизаторы сами засевали и сами же убирали, плюс такой вот предупреждающий талон водителя — все это и позволяет алтайцам невозможное делать возможным. То есть с минимальной сторонней помощью убирать хлеб на бескрайних просторах. И даже такой устрашающий своим хлебостоем урожай, какой выращен в нынешнем году...

■

Встреча в знойной степи с Волковыми не исчерпала темы «Сибирский корень», а только подвела к ее сути. Стоило нашему теплоходу пройти несколько километров ниже Камня-на-Оби, и мы попали в село Дресвянка, возникшее более двухсот лет назад. Тут, в колхозе имени Мичурина, живет семья Гарбуза. У колхозного шофера Григория Дмитриевича и его жены Марии Николаевны (обоим перевалило только за сорок) не семеро по лавкам сидят, а семнадцать. Столь могучая семья не могла не поразить нас, горожан. Мы как-то отвыкли от мысли, что наследники в доме — это благо, а семьею держава крепнет. В прямом смысле: старшие Юрий и Николай в армии служат; юный бородач Гена и Саша — механизаторы в колхозе; окончил уже восьмилетку и Василек; Павел окончил десять классов; ну а дальше — Таня, Вера, меньшая Галя носится, ошалев от наплыва гостей; Алехе года нет, но уже крепко держит в руках воскресный пирожок. Пирожков этих, и с мясом и с капустой, штук пятьдесят только что с пылу, с жару выставили на стол! Ребята смеются: «Алеха в деда пошел!» Оказывается, дедушка Дмитрий Иваныч жив и живет по-соседству, он лучший (читай: опытнейший) кузнец в Дресвянке. Партизанил против колчаковцев, потом, как отвоевался, одним из первых сколачивал здесь артельное хозяйство. Кузнец, он играл роль первой скрипки, так как от его рабочей сознательности и крестьянской основательности многое тогда зависело...

Мы сидим в доме, давно ставшем тесным. А Григорий Дмитриевич рассказывает о войне. Сам он невелик, худ. От отца унаследовал недеревенскую бойкость и страсть к «железкам», к машинам. Бывал и механиком и комбайнером, сейчас шофер. Бывший гвардеец, орденоносец. Войну прошел всю на установке реактивных снарядов — на «катюше». И на западе воевал и на востоке — до Харбина пронес строго управляемый огненный смерч. Остался жив. И жив остался, чтобы жизнь любить, чтобы дать жизнь вот всем этим разновозрастным, но одинаково остроглазым, смешливым ребятишкам, которым так чудно, что на них смотрят, как на чудо!.. А какое тут чудо? Сибирский корень... Мать восемнадцатым ходит; за окном видно, как для всех них еще один дом складывают каменщики; старшие скопом картошку копают. Жизнь.

■

Остался не раз потрясавший Алтай за кормою, но река границ не знает, не знает она ни сроков, ни устали — течет вниз. И мы смеялись: по-разному можно убедиться, что земля поката! Поэт предлагал один способ, мы избрали другой — «сели» на воду, а она всегда течет вниз. Обь рассекла Западную Сибирь надвое. И не раз приходило на ум мартыновское: «Вода благоволила литься...» Неплохой эпиграф. Или вот еще строки из рассказа Ги де Мопассана «На реке»: «Вы, жители улиц, и понятия не имеете, что такое река».

Ими и надо было бы предварить повествование. До такой вот поездки по Оби я точно не догадывался, что же такое река. А вот теперь по скольку часов приходилось смотреть на воду, слушать волну... Вода, как и огонь, склоняет к созерцанию. Река (и Обь, в частности) издревле делала предков наших, стреноженных предрассудками, более коммуникабельными, что ли... Ибо отдайся реке, и она непременно вынесет к новым берегам. Там иная добыча, иные обычаи — вот еще поворот, еще берега...

■

Нас река вынесла однажды на рассвете (он был девятым в нашем хождении в Завтра Западной Сибири) к шлюзам возле Новосибирской ГЭС. Три ступени вниз, восемнадцать метров... И вот показались мосты Новосибирска. Тот, что серебряный, проектировал инженер и писатель Гарин-Михайловский. Мост изящный, шедевр инженерного искусства. Справа — новый речной вокзал, впереди — порт главного города Сибири. И тогда пришел на память еще один возможный эпиграф — пророчество М. В. Ломоносова:

— Могущество России будет прирастать Сибирью!

Новосибирская область, и прежде всего сам Новосибирск, — глава отдельная, многотемная. Ну прежде всего Академгородок с его революционным содержанием (в научной и общественной жизни). Туда даже грех заглядывать «просто так», ради любопытства, хотя что же тут плохого, если любопытство ведет человека не к окну соседа, а в эпицентр научного поиска! Нынче летом наш брат летописец с магнитофонами и фотоаппаратами в руках замучил одного сибирского академика. Академику только-только пошел тридцать четвертый год (он еще моложе моих молодых алтайских знакомых, председателей колхозов Однодворцева и Трегуба!). За одиннадцать лет после окончания МГУ опубликовал полсотни научных работ. Провел в своей лаборатории сложнейшие эксперименты, и, кстати уж, он один из инициаторов создания протон-

Алтайская жатва рождается в верховьях Оби. Одним из первых вывел в степь свой комбайн Станислав Шутько из племзавода «Катунь».

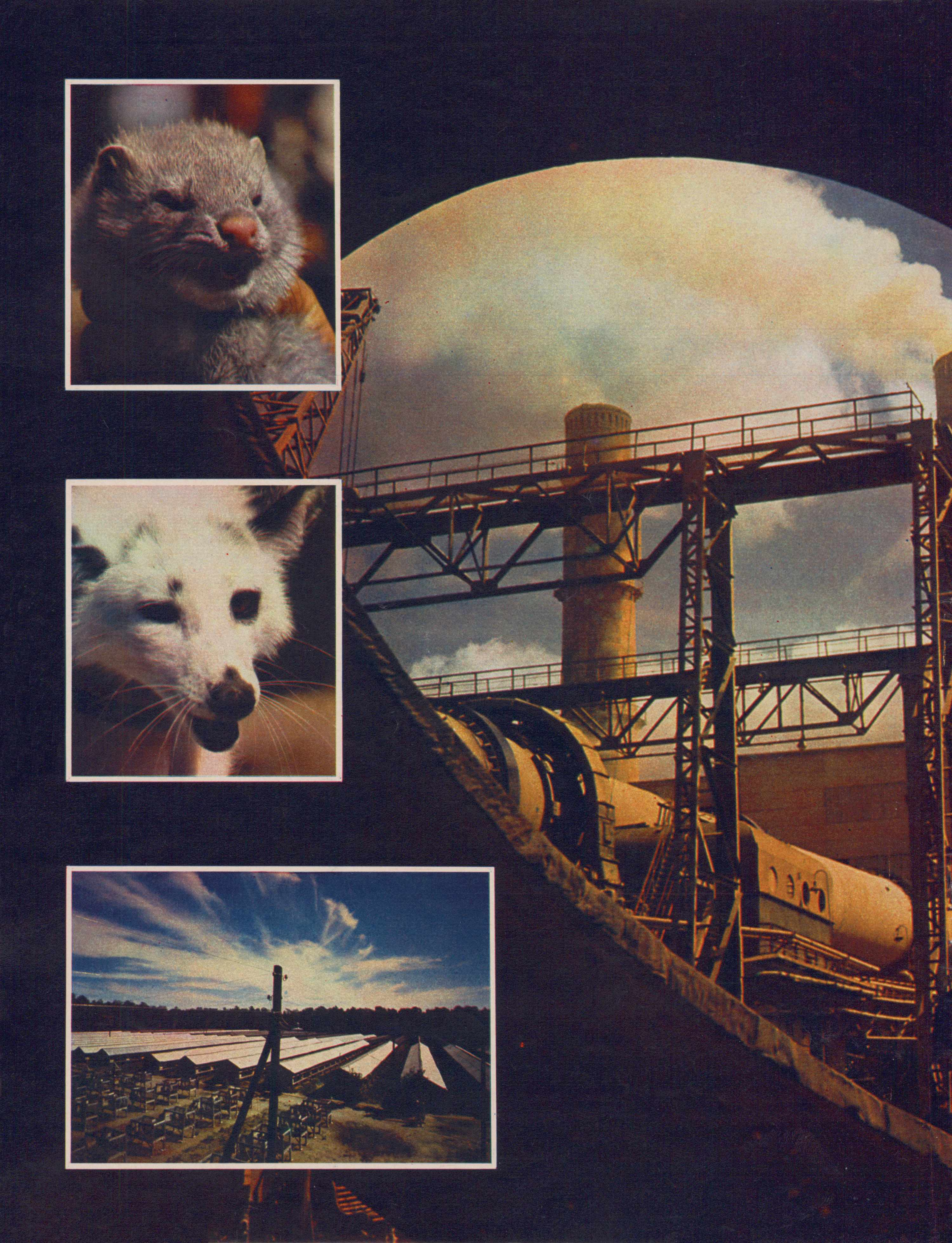
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Норки всех расцветок, лисицы, кролики — богатство знаменитого зверосовхоза «Лесной», что раскинулся как раз там, где начинается Обь.

Искитим — город цементников, а их завод — крупнейший в стране.

Ираклий Иванович Синягин: «Ключ к сибирскому плодородию у нас в руках!» Место историческое — здесь заложено Сибирское отделение ВАСХНИЛ.

антипротонного проекта ускорителя. Лауреат Ленинской премии Александр Скринский (рассказывали, как ему ни до кого, то есть не до интервьюеров, и все-таки киношники вывозили нынче Сашу на эффектные съемки у самой синей Оби!..). А для него начался следующий этап — Саша подготовил сейчас для новых исследований разработанный здесь, в центре Сибири, в центре России, электронно-позитронный накопитель... Мудрено, однако невольно испытываешь чувство сопричастности к будням необычного земляка и современника (есть, есть и в своем отечестве пророки...).

В Новосибирске предложили на выбор: Академгородок (но, по-моему, его обитателей надо беречь от гостей), электротехнический институт (отлично оборудован, телевизионная система при обучении), цирк (тоже отличный, но... на гастролях в Новой Зеландии и в Австралии), «Северянка» — новый швейный гигант; еще комбинат, где производят олово, особо чистое, что признано даже боливийцами, а уж они вроде на олове зубы проели... А еще есть домостроительный комбинат на 200 тысяч квадратных метров жилья в год. А какая библиотека!..

Мы остановились на заводе «Тяжстанкогидропресс» имени А. И. Ефремова. Потом съездили в Искитим, город цементников (в окружении мощных, прославленных совхозов) и успели встретиться с председателем Сибирского отделения ВАСХНИЛ академиком И. И. Синягиным — и вот это, пожалуй, самое интересное, что ждало в Новосибирске.

...Мчимся по Новосибирску, и тут та же история, что с Барнаулом,— город не узнать. Здесь возводят около полумиллиона квадратных метров жилья каждый год! «Гусиный брод» — знаменитый своей планировкой новый микрорайон. И еще один — на левом берегу Оби; здесь, по словам шофера Гены, когда-то была деревня Кривощеково, и даже время тут было «омское» (час разницы с правобережьем), а Гена с матерью здесь картошку сажали... Сейчас — новенький проспект, по-сибирски просторный. Так приходит Завтра к людям. Так люди идут к своему Завтра... Жизнь, как река...

■

Завод имени А. И. Ефремова экспортирует свою продукцию в 24 страны. Главная — это мощные гидравлические прессы (с усилием до 30 тысяч тонн!), станки с программным управлением. Завод отличается тем, что здесь практически замкнутый цикл: свои мартены, свое литье (отливают станины высотою до четырнадцати метров!). То, что продукция (до половины плана!) идет за границу,— это слава Сибири. Но и дополнительные муки ефремовцев, то есть и расходы, и напряжение, и ответственность, особенно если заказ в тропическом варианте, тогда ко всему добавляется особая покраска и прочее. Но рассказывалось обо всем этом лишь в качестве примера выхода на мировой рынок, без тени неудовольствия — напротив, с гордостью за Сибирь, которая давным-давно никакая не глухомань.

Например, вот и Алтай по старинке принимают за чисто сельскохозяйственный край, а ведь там немало теперь замечательных заводов, в том же Барнауле. Мы там успели побывать только у дизелестроителей. Завод ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени! За минувшую пятилетку производство увеличилось на шестьдесят процентов. Это огромный скачок! Моторы идут и в колхозы, и на стройки, и для теплоходов, и для самосвалов... Сейчас завод в стадии дальнейшей реконструкции. Зарубежные связи — с 41 страной! — обязывают. Вот отчего на Барнаульском моторном самые высокие экономические показатели среди родственных предприятий. И в то же время при заводе есть и свой народный театр, и свой народный хор, и свой музей (завод возник в дни эвакуации с берегов Волги в 1941 году, тогда его нынешний директор Александр Зиновьевич Колосов был обрубщиком).

Я думаю, что эта промышленная струя в сибирском степном бытии унаследована от гениального Ивана Ивановича Ползунова, от его мысли создать первый в мире паровой двигатель (в 1763 году). И от его воплощенной в металл мечты!

«...Сложением огненной машины водяное руководство пресечь, и его для сих случаев вовсе уничтожить...» Ему было 37 лет... За семь дней до пуска двигателя — «огненной машины» — он умер от скоротечной чахотки (монтаж Иван Иванович вел в огромном холодном сарае на берегу Барнаулки). С мощности ползуновского двигателя в сорок лошадиных сил и начала прирастать, если использовать словцо Ломоносова, мощность нашей Сибири, барнаульских дизелей и новосибирских гидравлических прессов.

Ходили мы по новосибирскому заводу, задрав головы,— так велик пролет сборочного цеха. Вот станки продольно-строгальные, у них столы пять метров на двадцать! С числовым программным управлением и управлением с помощью магнитной ленты — тогда и вмешательства рабочего не требуется. Бригадир слесарей-сборщиков Иван Ильич Шурбин — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, на заводе двадцать лет. Мы попали в цех во время обеденного перерыва. Навстречу валил народ в спецовках, я всматривался в удивительные лица людей, хорошо начавших рабочий день. И знал, что многие из них недавно получили награды за труд в минувшей пятилетке: ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени... Знакомимся — Анатолий Сергеевич Логашев, кавалер ордена Октябрьской Революции, двадцать восемь лет на заводе, карусельщик.

— Сегодня не надо бы фотографировать, деталь у меня на обработке некрасивая...

Неожиданный человек — детали «некрасивой» постеснялся. Слова его редкие, но точные, он заметно ироничен и в суждениях прочен. Один из тысяч...

■

Но для Новосибирска нынешней пятилетки очень важен новый академгородок — тот, что пока лишь на бесчисленных эскизных листах. Помните ленинский субботник 12 апреля 1969 года? Оказывается, трудящиеся заработали тогда более 180 миллионов рублей. Так вот 120 миллионов из них правительство выделило на строительство Сибирского отделения ВАСХНИЛ. Возглавил его известный ученый-агрохимик, шестидесятилетний энтузиаст Ираклий Иванович Синягин. Академии еще нет — и она уже есть! Есть идея, есть технический проект для институтов сельскохозяйственной экономики, химизации, животноводства, механизации... Есть ключ, огромный символический ключ плодородия грядущей Сибири! И уже заложены опыты, и есть первые семьдесят сотрудников — отбор суров... Есть и реальная строительная площадка в пятнадцати километрах от известного Академгородка. Нас туда, пока на пшеничное поле, повез Ираклий Иванович. Он рассказывал увлеченно, страстно о перспективах земледелия и животноводства в Западной Сибири, а я думал о его второй жизни. Ведь он переехал сюда из Москвы после 60-летнего юбилея! «Я свободен, знаете ли, три сына, а они у меня так или иначе пошли по химии, уже взрослые и вполне самостоятельные, так что же мне сидеть...» Ираклий Иванович говорит о том, что идея академика М. А. Лаврентьева о создании и в Сибири и на Дальнем Востоке научных центров осуществляется теперь несколько иначе. Во-первых, приобретен огромный опыт, а во-вторых, мыслится более тесный контакт между научно-исследовательскими институтами, контакт при строгой специализации в исследовании проблем сибирского сельского хозяйства.

— Какова же цель создания Сибирского отделения ВАСХНИЛ? — Мы уже приехали к месту, где «город» заложен; памятная мемориальная стена с громкой надписью и несколько высоченных флагштоков, образующих как бы гигантский сноп.— Цель — ускоренное развитие сельского хозяйства, по существу, в центре страны. Программирование урожаев и производства мяса и молока на далекое будущее...

Природные ресурсы Западной Сибири таковы, что они уже сейчас привлекли к их освоению дополнительно десятки тысяч людей. А в ближайшем будущем, пожалуй, в этой пятилетке, здесь будет жить столько людей, что для их обеспечения потребуется создать продовольственную базу на качественно иной основе. Уже к 1980 году вал сельскохозяйственной продукции в Западной Сибири будет значительно увеличен. Что это значит? А то, что Сибири нужны свои новые сорта зерновых, свои новые породы скота и непременно своя новая технология производства зерна, мяса, молока, яиц. Все это требует изучения проблем на месте. Поскольку почти все новое население, да и вообще все население будет занято промышленностью, в сельском хозяйстве здесь надо перейти только на мощную механизацию. На такие тракторы, например, чтобы один тракторист заменил нынешних трех. На такие комбайны, чтобы не топтались на ниве по месяцу, и на такие заводы по обработке зерна, чтобы можно было убирать и достаточно влажное зерно, не уповая на небо...

Да, сельскохозяйственные угодья по берегам Оби величественны и многообещающи. Они самой природой предназначены снабжать не редкие поселения или экспедиции, а могучие города грядущего. Мы были в ордена Ленина совхозе «Тальменский», в ордена Ленина племхозе «Бердский», что подле Искитима, были в царстве тысяч индюшек — в совхозе «Шибковский». Отличные это хозяйства, с отлично развитыми овощеводством и птицеводством, хорошо мелиорированные, которые дают полное представление о возможностях сельского хозяйства на Оби. Но все это лишь подступы к решению проблемы.

Конечно, придется и сельское хозяйство мерить сибирскими мерками. Тут, пожалуй, не приживутся системы организации труда и принципы оплаты, которые существуют на западе от Урала. Ираклий Иванович не зря подчеркивал роль прежде всего перспективнейших исследований по экономике. В Западной Сибири крайне ограничены людские ресурсы при богатстве природных. Жизнь, специфические условия и потребности Сибири уже сегодня требуют серьезных поправок в организации и оплате труда в этой сельскохозяйственной зоне. Как тут не вспомнить алтайские звенья и братьев Волковых! А в перспективе на их опыте, очевидно, возрастут и мощные, очень мобильные, самостоятельные комплексы типа тепличных комбинатов и машинно-животноводческих станций и тому подобные, по-новому организованные хозрасчетные производственные единицы.

Но кто сегодня рискнет брать богатства плодородной обской поймы одной рукой, в одиночку? А посему первая и очевидная нужда — в комплексном освоении Западно-Сибирской низменности. Кооперация сил различных министерств и ведомств на прочной материально-технической основе. А тут уж слово за Госпланом СССР. Речь-то идет о завтрашнем дне страны, о новой житнице, где урожай придется брать не числом, а умением. И не руками, а с помощью машин, только машин...

■

За кормой всего-то километров восемьсот, а сколько встреч, идей, свершений! Да разве всему найдешь место в этих заметках? Широк, широк русский человек, повторял восторженно герой Достоевского. Широк и сам, добавим, и его творческие замыслы сегодня. Обь-река и река нашей жизни не знают берегов! И как духовиты ветры, долетающие до палубы с поймы. Была пора травокоса, кончался медосбор, и ночи на реке дышали цветочной пыльцой, диким разнотравьем и медом. И отступали запахи реки...

После обеда можно и перекурить! Карусельщики, слесари-сборщики, крановщики с завода имени А. И. Ефремова.

Пивной бар — новинка в совхозе «Барлакский», Новосибирской области.

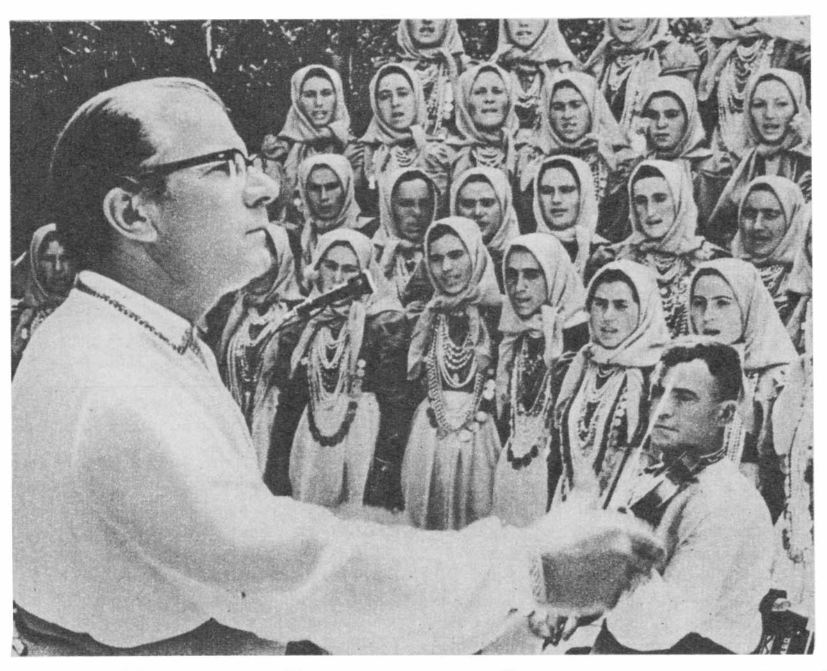
Индюшек в новосибирском совхозе «Шибковский» десятки тысяч.

Все село собирается на хоро.

Г. СМЕТАНИНА

Фото К. КАСПИЕВА.

ТВАРДИЦКАЯ С

Учитель Константин Константинович Бритков — руководитель сельского хора.

В полвосьмого утра они уже сидят на перекрестке кружком, все в роклях — сарафанах, сшитых так, как носили еще сто и двести лет назад бабушки и прабабушки; в бедянах — коротких безрукавках из овчины, вышитых и расшитых цветной шерстью, тесьмой и узорно вырезанной кожей; в непременных платочках и фартуках, в многоярусных бусах. Все с одного проулка — значит, обязательно одного цвета. У всех с собой узелки с едой и с рабочей одеждой.

В полвосьмого на углу останавливается машина и везет их по бригадам на поля и участки. По селу едут с песнями, но песни никого здесь не будят: в Твардице привыкли вставать рано.

Твардица — болгарское село. Болгарских сел на юге Молдавии много, Твардица особенное. И не только тем, что твардичане сохранили язык, традиции, обычаи своих отцов. Рассказывают, что предки сегодняшних твардичан обосновались здесь в 1829 году, бежав от турецкого ига, и поскольку были все они из-под Твардицы, города Болгарии, то и село свое прозвали Твардицей. Места были пустынные, прожженные солнцем и горячими ветрами, а балка, где сейчас утопает в зелени село, была уютно спрятана от внешних взоров. Жили трудно, бедно, обособленно; возделывали землю, и она худо-бедно, но кормила их, одевала...

Колхоз организовался здесь только в 1946 году. В коллективном хозяйстве, кроме желания изменить свою жизнь, кроме своих рабочих рук, деревянных сох, которые хранятся сейчас в Твардицком сельском краеведческом музее, ничего у твардичан не было.

Пройдитесь сейчас по селу — дома новые, просторные, один к одному; повсюду электрический свет, газ, приемники и телевизоры, чуть не в каждом доме велосипед; одних мотоциклов — больше восьмисот на селе, и личных машин до тридцати. Да считают — мало! Многие хоть сейчас приобрели бы: есть на что!..

Село обступили виноградники и сады; два винзавода в самой Твардице; сажают табак, сеют пшеницу, кукурузу; ну, конечно, много овощей; скота много на фермах и в хозяйствах... Колхоз стал миллионером.

Поля вокруг Твардицы аккуратные, ухоженные. И специалисты — агрономы, зоотехники, трактористы и комбайнеры — почти все свои же, твардичане, окончившие в течение этих двадцати пяти лет курсы, техникумы, училища, институты. А те, кто приехал сюда трудиться, прижились здесь, приросли к новому месту и считают, что лучше его уж не сыщешь.

Чем еще Твардица замечательна? Зайдите в любой дом, наудачу: что умела мать — умеет дочь. В домах чисто и богато. Какими коврами вы здесь налюбуетесь! Яркими, цветным по черному, огромными,

ЮИТА

во всю стену... И все своими руками вытканно, все своими руками вышито. Девушку замуж отдают — надо, чтобы болгарским крестом было вышито двенадцать картин: их вышивают и потом под стекло вешают на стену. Ковры здесь каждая умеет ткать. И каждая девушка, выходя замуж, имеет свой национальный костюм, да не один. Мне показывали эти домотканые шерстяные, немнущиеся платья, переходящие от матери к дочерям, платья таких строгих и ярких сочетаний, каким стоит поучиться художникам и костюмерам. Показывали рулоны этих тонких самодельных тканей. И сколько же вкуса и умения у твардицких женщин, никуда раньше не выезжавших из своего села!..

Они и сейчас придерживаются «моды», запомнившейся от стариков. Правда, ткани стали использовать и покупные, но фасоны неизменны — с высокими, в сборочку, рукавами, со складками и оборками. Идут такие женщины и девушки по селу, статные, румяные — кровь с молоком, походка горделивая; глаз не отведешь; а под платочком, у виска — цветок. Неизменный цветок, и непременно живой: роза, георгин или пион!.. Даже зимой какой-нибудь домашний цветок, если нет еще садовых роз...

Смотришь на эти лица — и поражаешься безыскусственности, ясности выражения, открытости взгляда... А у иной и два цветка, у обоих висков. И так они идут к свежему девичьему лицу... И, говорят ведь, будто нигде во всей Молдавии, ни в каком другом болгарском селе так не ходят, нигде не сохранился этот наряд, даже и в самой Болгарии. Будто в самом городе Твардице тоже забыт такой покрой платья и не носят цветок у виска...

Но, конечно, не только это особенное. Для того, кто впервые в селе Твардица, самое интересное, пожалуй,— пробыть там субботу и воскресенье.

По субботам в твардицком парке, которому позавидовать может любой город,— в этом парке по субботам хоро.

Хоро — это старинный хоровод с песнями и танцами. Девушки каждой улицы, заранее договорившись, приходят в платьях, платочках и фартуках одного тона. И так трогательно это, так красиво на фоне солнечной зелени... Они танцуют в старинном ритме старинные танцы, а поодаль стоят твардицкие парни и... выбирают невест.

Придирчивы они бесконечно. Смотрят, чтоб невеста была и скромна, и весела, и умна; смотрят, какова у нее походка, как на других глядит, как с другими разговаривает...

А потом шлют сватов. Свадьбы твардицкие играют по осени, когда собран урожай и бродит молодое, еще мутное вино...

На свадьбу собирается все село, и каждому гостю повязывают полотенце, вышитое невестой, особенно почетным гостям — два полотенца крест-накрест.

По традиции сыну строят дом; всей родней помогают его обставлять и украшать, только после этого сын может жениться. Семьи здесь, говорят, крепкие и живут молодые дружно и мирно.

Славится Твардица еще и своим прекрасным женским хором.

Возник он, как и колхоз, тоже двадцать пять лет назад.

Издавна, собираясь на свое воскресное и субботнее хоро, девушки пели песни времен русско-турецкой войны, шуточные, величальные, те, что шли от поколения к поколению. И решил учитель школы Константин Константинович Бритков организовать хор; он и до этого вел ученический хор в школе, а тут пришла ему в голову счастливая мысль сплотить пением все село. Тем более что петь в Твардице любят и умеют, и славится Твардица голосами сильными, красивыми... Ходили в хор сначала всего тринадцать певиц. И даже обидно было: в школе все поют, на поле все поют, на хоро пойдут — поют, а тут никак людей не созовешь и не соберешь... Сейчас в хор принимают строго; о репетициях объявляют по колхозному радио — все, как один человек, являются. А прежде, даже вспомнить смешно, приходилось ездить на поля — уговаривать певцов...

Изменилось отношение не только к пению: раньше родители даже близко к Дому культуры не подпускали дочерей!

А теперь Ана Бельчивич, звеньевая, удостоенная медали «За трудовую доблесть», уж десять лет поет; Мария Ламбова, Мария Кирова, Ирина Паскалова — самые любимые солистки Твардицы.

Спросите, что их заставляет в любую погоду — в дождь, в слякоть — собираться на репетиции три раза в неделю зимой, два раза весной? Да только любовь к пению. И, конечно, к коллективу.

Константин Константинович очень строг, это знают почти все хористки, его бывшие ученицы. И строгости его боятся. Но из хора никто не отсеивается. Сейчас в нем около двухсот человек: полеводы, доярки, свинарки, виноградари, табаководы... Федор Савельевич Главчев играет на свирели, которую делает из камыша, а Федор Николаевич, тоже Главчев, ему скоро семьдесят, играет на старинном болгарском инструменте гайде, по-русски сказать — на волынке.

Хор из Твардицы выступал во всех соседних колхозах, в Кишиневе по телевидению; стал лауреатом фольклорного фестиваля Молдавии, награжден множеством дипломов и медалями. Сделали о нем документальный фильм.

Особенно приветливо и радушно принимали твардичан в Болгарии, на каждой станции висели плакаты, приветствовавшие гостей «из русской Твардицы».

с. Твардица, Молдавская ССР

Федор Николаевич Главчев играет на гайде.

Сергей БОРЗЕНКО

ЗА́МОК

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Академику медицины Ф. Г. Углову.

Старенький туристский пароходик с деревянными плицами, покрытыми зелеными водорослями, причалил к небольшой пристани, расположенной рядом с гостиницей. Пассажиры, покинув палубу, направились в ресторан, откуда вкусно пахло жареным мясом. Цимбал выбрал столик на террасе у самой ограды, украшенной вьющимися стеблями крученого паныча, семена которого, видимо, завезли с Украины. Никто из спутников к нему не подсел, но подошла миловидная девочка лет пятнадцати с корзиной бумажных цветов. Эти места славились в Германии изготовлением искусственных цветов, которые развозили отсюда по всей Европе. Цимбал поднял глаза и обомлел — он уже видел эту девочку двадцать семь лет назад: то же лицо, те же глаза, те же косы, двумя золотыми ручейками стекающие по груди, тот же рост, те же полноватые крепкие ноги. Так же смущенно опустила глаза, словно стыдится своей красы.

— Эльза! — воскликнул пораженный редким сходством Цимбал.

— Вы меня знаете? — удивилась девочка и, словно разгадав что-то интимное, чужое, добавила: — Мою маму тоже зовут Эльзой. Вы увидите ее в замке Кёнигештайн, и она и я прожили там всю жизнь.

— Я тебя вижу впервые,— сказал Цимбал.

— Странно,— удивилась девочка.

Цимбал отобрал три гвоздики — две белые и одну красную. Цветы были как живые, только не пахли.

Принесли завтрак. Расправляясь с яичницей и запивая светлым пивом, Цимбал смотрел через реку на высокий противоположный берег. Левее, на огромной скале, возвышался старинный замок.

Официант, вернувшийся за посудой, проследив за взглядом Цимбала, сказал:

— В годы войны замок служил тюрьмой для военнопленных. В ней томились генералы и особо заслуженные офицеры... Только одному человеку удалось оттуда бежать, но никто не знает его судьбы.

Успевшие позавтракать туристы возвращались на пароходик. Все говорили о замке. Цимбал присоединился к ним. Он слышал разговоры и улыбался — о замке он знал куда больше, чем все они, хотя в руках у многих мелькали проспекты с описанием замка, отпечатанные на немецком языке. Он был узником этого каменного каземата. Проспект лежал и у него в кармане пиджака, но он не стал его даже просматривать.

Когда все пассажиры собрались на палубе, пароходик проворно поплыл вниз по течению и, обогнув величественную, словно собор, скалу, будто короной увенчанную каменным замком, причалил к противоположному берегу.

По тропинке между вековых деревьев гид вывел туристов на мощеную дорогу, подымавшуюся в гору, и вся группа, пройдя километра два, вышла к тяжелым воротам замка, у которых торчали врытые в землю стволы медных пушек, полные окурков.

Неожиданно возник деревянный мост, подвешенный на тяжелых якорных цепях через глубокий ров. На каменном дне его змеился светлый ручей. Перейдя через мост, люди вошли под гулкие своды, напоминающие широкий туннель, круто уходящий кверху. Каких-нибудь сто шагов, и все взмокли, достали носовые платки, пошли медленней, обращая внимание на стены, исцарапанные подписями узников, сделанными в начале сороковых годов.

Шли вдоль толстого железного каната, приведшего к лебедке и машине, как заметил гид, подымавшей когда-то наверх кареты.

Наконец выбрались на светлую четырехугольную площадь, окаймленную каменными домами, за которыми шумели высокие деревья. Цимбал хорошо знал этот плац. В центральном доме бывшей резиденции саксонских королей жил комендант с семьей, в правом помещалась казарма небольшого эсэсовского гарнизона. В левом, стоявшем над обрывом, располагались камеры узников.

Туристы сбились стайкой, и гид начал рассказывать полную кровавых злодеяний историю замка, начав ее со времен возникновения германских княжеств. Затем он заговорил о годах войны.

— Двести четырнадцать пленных томились на скале в стенах замка, но только одному счастливцу удалось бежать.

Все изумленно ахнули. Сердце Цимбала замерло.

— Это был русский летчик, Герой Советского Союза Иван Семиволос,— объявил гид.— Фотография его помещена в проспекте, который вы купили на пароходе.

Цимбал удивленно приподнял сросшиеся брови. Он развернул проспект, сразу увидел фотографию Семиволоса. Он помнил молодого парня — старшего лейтенанта, с неукротимым нравом, кажется, шахтера из Донбасса. Но Семиволос не бежал, а был расстрелян за неповиновение и дерзкий характер. Произошла ошибка! Почему же назвали Семиволоса, а не того, кто бежал?

Но тут же последовало и объяснение:

— Ни один узник тюрьмы не остался жив. Все погибли в разное время. Даже могилы их не сохранились. Расстреливали на краю обрыва, тела падали вниз, разбивались о скалы, их растаскивали горные орлы.

Гид продолжал рассказ, но Цимбал не стал слушать. Он мог бы поведать куда больше и интереснее, чем гид, ибо, как никто, знал человека, совершившего дерзкий побег. Цимбал отделился от плотно стоявшей группы, не спеша пошел вдоль невысокой каменной стены, ограждающей площадку от отвесной пропасти. Поверх нее, словно телефонный кабель, лежал железный провод. Он был гладкий, слишком много рук скользили по нему, когда люди обходили по кругу площадку.

С высоты хорошо просматривалась Эльба с ее плавными изгибами, скалами и замками на них. На ближних островах, окаймленных песчаной кромкой, виднелись крестьяне, убиравшие сено косилками. Цимбал споткнулся, вздрогнул. Он дошел до угла тюрьмы, до места, откуда бежал смельчак, кстати, не летчик, как его представил гид, а морской пехотинец. Попав в страшный тюремный замок, он сразу решил бежать. Дерзкий замысел свой обдумывал долго. Малейшая оплошность могла погубить. Война научила действовать наверняка, он боялся сделать необдуманный, пагубный шаг.

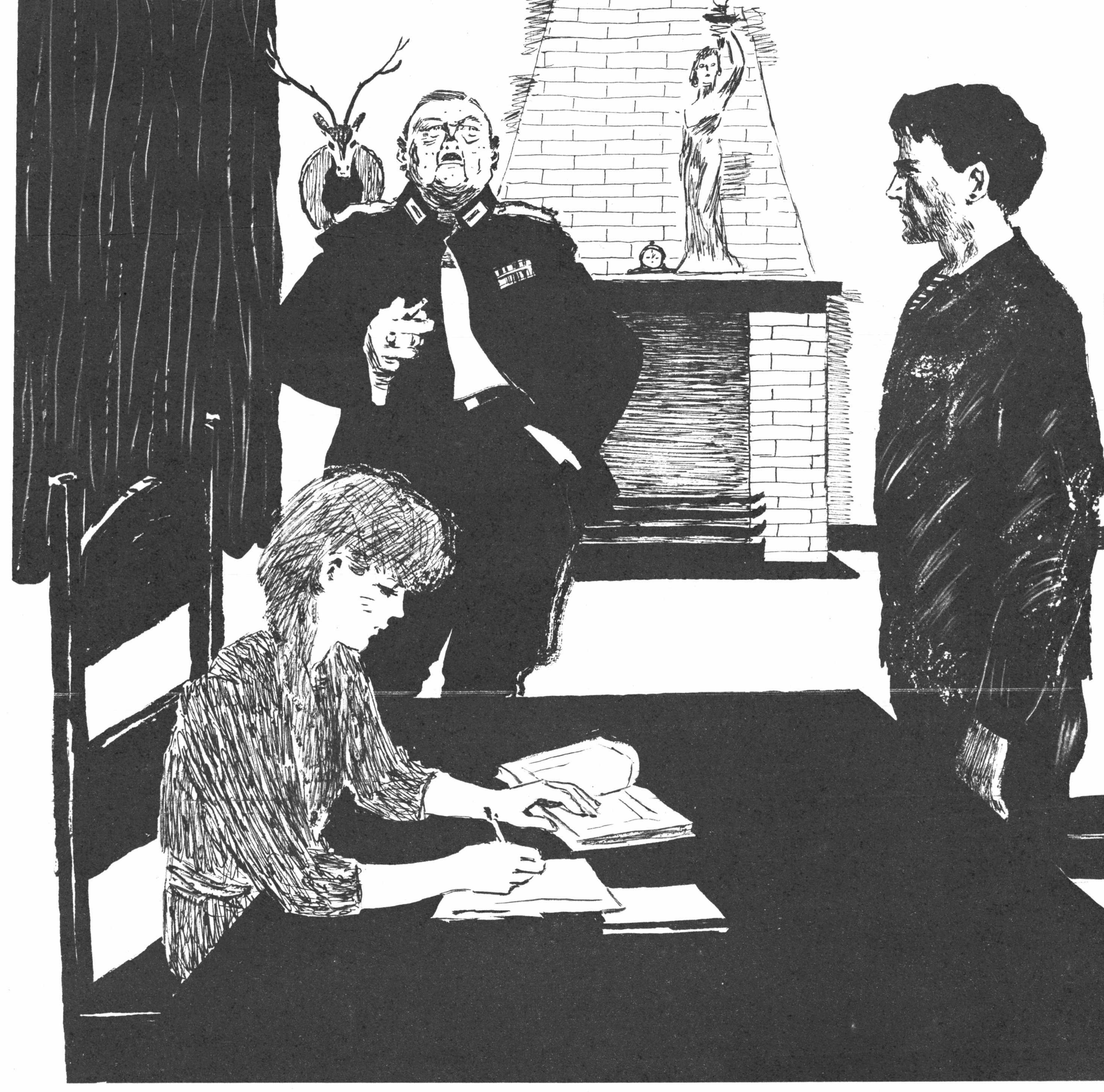
Цимбал прислонился спиной к высокому дубу, закрыл глаза и словно увидел всю картину побега. Перед ним возникла пятнадцатилетняя Эльза, дочь начальника тюрьмы, влюбившаяся в морского пехотинца. У него было приятное, красивое лицо, и, несмотря на худобу, он одним своим видом располагал к себе. Она была хороша собой — не женщина и не девочка, с благородным лицом, с вишневым румянцем на щеках, голубыми, какими-то бархатными глазами, изумленно глядевшими из-под черных бровей. Чистое сердце ее, не знавшее любви, готово было раскрыться и полететь навстречу другому сердцу. Цимбал знал, что если в этом возрасте полюбят, то беззаветно, очертя голову. Любовь эта возникла не сразу. Понадобились долгие месяцы, пока девочка обратила внимание на русского парня со смуглым, молодым, веселым и смелым лицом, заговорила с ним, затем постепенно все больше и больше проникалась доверием и, наконец, сама себе боясь признаться, влюбилась в него.

У желчного, всегда раздраженного коменданта тюрьмы было шесть дочерей. Эльза старшая. Матери у нее не было. Ее заменяла мачеха — злая, болезненная женщина, обремененная детьми и хозяйством, издевавшаяся над нелюбимой своенравной падчерицей, еще помнившей мамино внимание и ласки. Мачеха часто ругала ее и даже била, и не только на виду у эсэсовцев, но и на глазах заключенных. Однажды морской пехотинец заступился за девочку, вырвал ее из цепких рук разъяренной мегеры и заслонил собой. При тюремном режиме это был неслыханный бунт. Комендантша нажаловалась мужу, и в тот же день моряку всыпали двадцать плетей.

Девочка видела, как секли ее заступника. Он лежал на деревянной лавке со связанными руками и ногами и, стиснув зубы, не проронил ни слова. Мужество пленного потрясло воображение юнгфрау, не переносившей боли.

Морской пехотинец неплохо знал немецкий язык. В конце тридцатых годов он около года ходил на вечерние курсы немецкого языка, работал дома со словарями, читал в оригиналах книги немецких писателей. Усилия его не пропали даром, и все, чего он достиг в познании языка Гете и Шиллера, пригодилось ему на войне.

Как-то он помог Эльзе донести тяжелую корзину картофеля. Однажды нарисовал ее же цветными карандашами окрестный пейзаж, который ей понравился, и она с благодарностью унесла его домой. Потом он узнал, что брат

ее матери был сослан в лагерь, и это послужило причиной развода отца с ней. У Эльзы все не ладилось в школе с алгеброй и геометрией, и он, с согласия отца, помогал девочке решать трудные задачи.

С каждым днем недоверие пропадало все больше.

Затем в немецких школах ввели преподавание русского языка, и уж тут морской пехотинец оказался незаменимым. Это понимали и отец и мачеха. Отец заходил к ним в комнату, когда они занимались. Лицо у него было мясистое, красное, дышало спесью, властью, силой. Он нагибал бычью шею, просматривал тетради. Горе ждало того человека, который посмел бы встать на его пути. Пленный уже успел присмотреться к нему. Он был безжалостен к себе, заключенным, охране. Только одна была у него слабость — старшая дочь.

Морской пехотинец сидел со своей ученицей, прислушивался к шелесту ее платья, ощущал тепло, излучаемое ее телом, смотрел и все никак не мог наглядеться на прекрасное матовое лицо. В изломе темных бровей чувствовалась молодая, пробуждающаяся воля, глаза сияли умом, и во всем облике было разлито детское очарование и прелесть. Все это доставляло узнику томительную радость, пробуждало смутные надежды, а какие, он и сам не знал.

Немецкую девочку покоряли знания русского парня, его внимание и такт. Ни одного лишнего слова, ни одного неосторожного движения, способного сразу разрушить все. Она была поражена, что он наизусть мог читать отрывки из «Нибелунгов», которых не знал даже учитель.

Как-то он прочел из «Фауста» Гете.

«Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли недаром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!» —

прочел красивым, выразительным голосом и тут же добавил:

— Это любимые строки Эрнста Тельмана.

— Дядю убили, потому что он агитировал за Тельмана,— добавила потрясенная девочка.

Изредка, когда они занимались, в комнату Эльзы, увешанную географическими картами, словно цветными коврами, неслышно входил отец. Он задерживался на пороге и, широко расставив ноги, с любовью смотрел на дочь, затем подходил, гладил ее золотистые волосы, целовал глаза и щеки, вздыхал.

Заключенный почтительно вставал, опускал руки по швам — комендант тоже медленно привыкал к нему.

Дела у немцев на фронте шли все хуже и хуже, и эсэсовцы, зная, что за все рано или поздно придется расплачиваться, несколько сбавляли свой зверский пыл.

Эльза болезненно относилась ко всему, что касалось родной матери, питала неизъяснимую нежность к бесследно исчезнувшему дяде. Морской пехотинец при случае заводил о них разговор, и девочка любила, когда он произносил хорошие слова о ее близких, о которых никто дома не вспоминал. Он не разговаривал с нею тоном снисходительности и напускной детскости, каким с нею обычно говорили немецкие солдаты, а говорил, как равный с равной.

Как-то он, полный решимости, спросил Эльзу:

— Если бы представилась возможность — помогла бы дяде бежать из тюрьмы?

— И глазом бы не моргнула,— не раздумывая, ответила Эльза, на лету угадывая его мысли.

Русский воспрянул духом.

Однажды мачеха отколотила Эльзу. Вся в слезах, девочка прибежала к своему защитнику, подстригавшему в саду кусты роз, повисла у него на шее, разрыдалась. Он осторожно погладил ее голову, коснулся губами ее виска, успокоил. Так случалось не раз. Девочка проникалась все большим чувством к нему. Это было ее первое, еще не осознанное чувство. Как-то в порыве откровения она сказала ему, что любит его. Он отшатнулся от неожиданности, и она это оценила, взял ее тонкие руки и, заглядывая в глубокие глаза, сказал просто и откровенно:

— Помоги мне бежать... Русский человек не может любить в неволе, со связанными руками и ногами. Придет время, и я вернусь к тебе, если ты не забудешь меня...

Он никогда не был счастлив так, как теперь, держа в своих ладонях ее горячие, тонкие руки.

— Я понимаю твою жажду к свободе, но не могу подвести отца. Ведь он за всех заключенных в ответе,— с суровой холодностью сказала она.— Благополучие отца — это спокойствие нашей семьи, моих сестер.— Надув губки, она начинала сердиться.— Я ведь не змея, готовая кусать отцовскую грудь.— Спокойная и надменная девочка закусила губу, сверкнула глазенками, и было похоже, что она не на шутку разозлилась.

Безысходное отчаяние охватило русского.

Эльзу позвала мачеха, и она, даже не взглянув на него, умчалась, проворная, как коза, и скрылась в доме. Серый фасад комендантского дома, украшенного старинными гербами, всегда закрывало стираное белье, сушившееся на веревках под солнцем. Издали оно напоминало стаю яхт, распустивших белоснежные паруса. Девочка воспитывалась в фашистской семье и о просьбе пленного могла рассказать отцу. Морской пехотинец не видел ее два дня и все это время думал: скажет или не скажет? Приходила мысль: а вдруг уже сказала? Начнется следствие, и неизменная кара — расстрел над каменным обрывом.

Она ни разу не спросила, есть ли у него жена, дети. Он бы не солгал ей, и как бы она отнеслась тогда к его затее —бежать с ее помощью?.. Самые ревнивые существа на свете — девчонки.

Эльза никому ничего не сказала: все-таки сильным в ней было чувство к несчастному пленному, поразившему ее долготерпением, лаской, нежностью. Его слова о политике, сказанные в разное время, многое расшатали в ней, поколебали, сдвинули с привычных мест. Боялась даже самой себе признаться, что у нее родились робкие сомнения в Гитлере.

Заключенные, днем выполнявшие разную работу в замке, ночевали в казармах. Это была особая тюрьма. В ней содержалось много англичан, французов, датчан, греков, югославов... В камерах сидели люди, за которых где-то шел вечный торг. Десять англичан обменяли на гитлеровских генералов. Все узники ждали, что и их обменяют. Только русские ни на что не надеялись.

На ночь заключенных запирали в замок. Бежать можно было только ночью, предварительно распилив железную решетку на окне, выходившем к обрыву. Морской пехотинец просто, без обиняков попросил у Эльзы ножовку. Она не знала, что это такое, и ей надо было долго объяснять, пока она поняла. Она тайком отдала ему украденные в слесарной мастерской два новых стальных полотна, завернутых в газету, вынув сверток из складок блузы.

Пленный приступил к работе. Глубокой ночью, когда вся тюрьма спала, он перепиливал прутья, изрядно подточенные временем. Работа увлекла его, но он не торопился, опасаясь, как бы не заметил часовой, дремавший в коридоре.

Когда прутья были в достаточной мере подпилены, он попросил у девочки веревку.

— Ну, спустишься ты вниз, а что дальше?— засомневалась Эльза.

И она предложила ему свой план. Видно, думала о нем не одну бессонную ночь. У нее есть собственный автомобиль, маленький красный БМВ — подарок отца. Она ездит на нем в город Пирну в школу. Иногда остается в Пирну, ночует у своей подруги, родители разрешают. Она достанет ему офицерскую форму, будет ждать в машине, а затем, когда он спустится на землю, отвезет его на узловую станцию. А там уж как ему повезет... Русские наступают на всех фронтах.

План был разумен, и морской пехотинец согласился. Побег назначили в ночь с субботы на воскресенье, когда половина охраны отправлялась в ближайший городок, а вторая, упившись пивом, вволю натанцевавшись на днище пивной бочки, дрыхла в казарме. В подвалах замка хранилась самая большая бочка в мире, вмещавшая 250 тысяч литров вина. Ее стягивали тридцать пять обручей, на бочке была устроена танцплощадка на тридцать пар, которая никогда не пустовала в субботние и воскресные вечера. Беззаботные эсэсовцы любили танцевать с крестьянскими девушками, приходившими в замок.

В субботу Эльза с не присущим ей беспокойством передала русскому моток бельевой веревки, и он снес ее в свою камеру.

Днем часовые редко заглядывали к своим подопечным, работающим во дворе, и морской пехотинец проверил веревку. Видимо, у Эльзы не было возможности ее размотать, в пяти местах она была разрезана, и он скрепил ее надежными морскими узлами. Длина веревки, как ему показалось, вполне достаточна.

С вечера небо покрылось тучами, надвигалась гроза. Часов в десять первые капли дождя со звоном рассыпались по жестяной крыше. У русского от ожидания замирало сердце. Дождь усиливался и, нарастая, перешел в ливень. Косые молнии, вырывая из темноты отдельные здания, таинственно озаряли замок. Беглец засомневался, станет ли Эльза ждать его в машине в такую непогоду, да и смогут ли они проехать по дороге, которую наверняка пересекают потоки воды, рушащейся со скал. Тревога охватила его, будто спешил он навстречу своей гибели. Может, стоит отложить побег на день? Но для этого надо повидаться с Эльзой, предупредить ее, а это невозможно.

«Один раз помирать»,— успокоил он себя. В назначенное время выломал подпиленную решетку и бросил вниз, гул при ее падении слился с грохотом падающей воды. Затем он добрался до окна, прикрепил короткий отрезок веревки и спустился на площадку. Он сразу промок до костей. Прикрепив конец мотка к крюку, через который проходил громоотвод, полез вниз, держась за веревку, упираясь ногами о скалу. Главное теперь — сохранить ясность мысли и силу. Огромная стая ворон, напуганная его появлением, поднялась со скалы, рождая своим криком зловещее эхо. Затем он услышал, как высоко над ним не спеша прошел часовой, остановился, видимо, закурил. Беглец ждал выстрела. В руке у него был конец веревки, а ноги не достигали земли. «Что за черт? — выругался он.— Неужели Эльза ошиблась в расчетах, ведь знает, что замок стоит на высоте 360 метров». Он повис над бездной. Смертельная усталость овладела им. Делать было нечего, и, не зная, сколько под ним метров, он прыгнул. Веревки не хватило метра четыре, и он мягко коснулся каменного грунта. Перебравшись через ручей, бушующий, словно горная речка, он вышел на дорогу, увидел озаренную молнией красную машину и в ней два силуэта.

«Что за дьявол! Кто может сидеть с девчонкой? Не отец ли ее поджидает беглеца с автоматом на коленях?»

Матрос никогда не терял присутствия духа, взял в руку булыжник — оружие заключенных, открыл дверцу. Эльза представила его своей подруге, сидевшей в машине, которая, оказалось, все знала.

Эта девчонка с косичками, о существовании которой он даже не догадывался, могла проговориться, могла похвастать перед семьей или сверстниками, наконец, польститься на награды, которые полиция щедро раздавала за поимку убежавших из лагерей заключенных.

«Боже мой, какая непростительная неосторожность! — подумал морской пехотинец.— Впрочем, девочка совершала подвиг, и ей нужен свидетель. Да, наверное, с подругой вернуться в Пирну тоже будет безопасней; куда-то ездили, непогода задержала в пути...»

— Ты не боишься? — спросил он, забираясь в машину.

— Переодевайся. Мы не будем смотреть. Я привезла тебе белье — военную одежду и пистолет.

— Чья эта форма, отца?

— Нет... Хауптмана, который порол тебя плетью за то, что ты заступился за меня перед мачехой. Я взяла у него в комнате. Пускай позлится.

Беглец переоделся, и ему сразу стало тепло и сухо. Лил ливень, а ему хотелось пить.

Он сел за руль, поплевал на ладони, легко повел машину по размытой дороге. Он уходил от Эльзы, молодой, красивый, к желанной Мусе Кузьминой, истосковавшейся по своему Игнату, пропавшему без вести в знаменитом Эльтингенском десанте, через Керченский пролив, в Крым.

Они добрались до узловой станции. Беглец посоветовал:

— Вернешься домой, не забудь поднять веревку и положить ее на место.— Ему запомнились рассыпавшиеся вдруг влажные косы.

...Гид остановился в центре площади против дома коменданта, где, наверное, когда-то происходили рыцарские турниры, сказал:

— Замок посещали Петр Великий и Наполеон. Он был государственной тюрьмой, в которой сидел русский анархист Бакунин.

Из дома вышла женщина с тазом и, созывая желтых цыплят, стала кормить их пшенной кашей. Женщине было лет сорок, но она очень напоминала Эльзу. То же веселое лицо, те же светлые глаза, и лоб, и брови с разлетом. Ее тотчас окружило шесть мальчиков, наперебой кричавших: мама, мама... Все мальчики были одеты в пионерские и комсомольские костюмы, повязаны синими галстуками. На груди поблескивали значки с изображением Ленина. Женщина подняла самого маленького сорванца на руки, словно хотела показать его туристам.

Цимбал подошел к ней.

— Я возвращаю вам ваши три гвоздики, которые вы подарили мне на счастье.

Она вяло взяла неживые стебли, согнала с венчика мохнатого шмеля, привлеченного правдоподобием красок.

— Да, эти цветы сделаны моими руками. Вы купили их в ресторане, у моей дочери. Здесь все в окрестностях изготовляют цветы. Это наш хлеб насущный.

— Вы узнаете меня?

— Да, Иван.— Не зная его настоящего имени, она всегда так звала его в заключении.

Говорить было не о чем. У нее своя жизнь, у него своя, а то, что было, то давно поросло травой забвения.

Громко на реке загудел пароходик, напоминая, что время возвращаться.

Гид позвал задержавшегося Цимбала. Он с жаром поцеловал пахнущую мылом руку зардевшейся Эльзы и побежал нагонять товарищей. Взгляд его скользнул по отвесным, поросшим кустарником кручам замка. Теперь-то он, конечно, не смог бы бежать: и возраст не тот и сила не та. Женщина смотрела ему вслед, заслонив сощуренные, опаленные глаза ладонью, словно глядела на солнце. У туннеля он порывисто оглянулся, встретился с ее растерянным взглядом, и оба поняли, что больше не увидятся никогда.

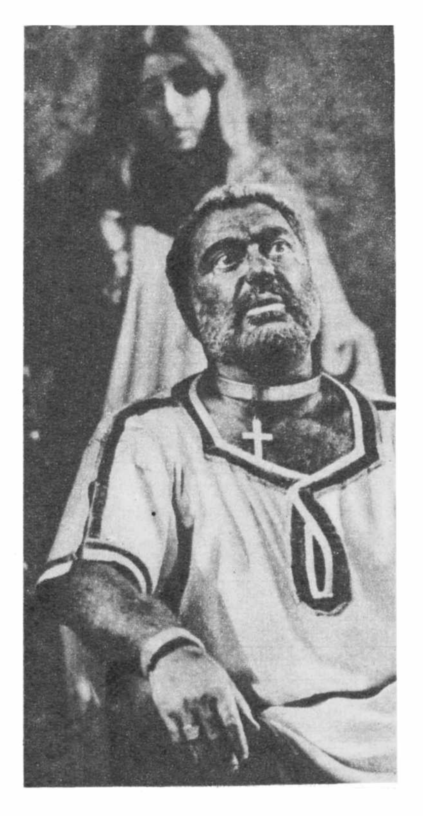

Фото И. Галанюка.

ВЛАСТИТЕЛИ СЦЕНЫ

Нина ВЕЛЕХОВА

Правильно говорят: актер — властитель сцены. Только это подходит не ко всякому актеру. Если его искусство холодно и пусто, какой он властитель?.. Но когда перед нами актер, который способен подарить зрителю целый мир чувств и мыслей, он сам заявляет о своей власти... Об этом невольно думаешь на спектаклях театра имени Сундукяна. Здесь актеры таковы, что и современная пьеса и любая трагедия Вильяма Шекспира разойдутся по ролям; они проникают в глубины мысли Достоевского, в гиперболические образы Сухово-Кобылина, возрождают народную поэзию армянского характера...

Сколько бы ни шла на сцене трагедия Шекспира «Отелло», настоящий актер всегда будет новым Отелло. Есть новизна, есть неожиданность и в том Отелло, которого играет Хорен Абраамян. Он ставит перед собой сложнейшую задачу (ибо он режиссер этого спектакля вместе с Е. Казанчяном и Г. Капланяном) и, решая ее, побеждает. Не частная трагедия ревности, не катастрофа доверия развертываются перед нами. Мысль образа глубока, и она, безусловно, близка к сложным противоречиям шекспировской эпохи. Звезда Отелло поднимается слишком поздно: он идеальный человек в неидеальной действительности Ренессанса, где в расцвете буржуазных общественных сил уже проглядывает их будущий регресс.

Отелло — Абраамян гармоничен и строен в душе так же, как и во внешнем облике. Поразительно передана единая, монолитная целостность всего его существа. Сразу, с одного аккорда, взята актером главная тональность роли. Но навстречу, вернее, наперерез Отелло, поднимается новая сила — рацио, практический мозг, интеллект. Это Яго.

Шекспир знал, что интеллект, освободивший себя от законов нравственности и социальной этики, разрушителен... Отелло и Яго сталкиваются в трагедийном конфликте. Необходимо заметить — отнюдь не случайно для этой трагедии то обстоятельство, что у Яго нет никакой житейской причины для ненависти к Отелло... Яго ведь и сам задает себе вопрос об этом. Более того, он ищет в памяти, не обидел ли его чем-нибудь черный генерал. Яго пытается вспомнить какие-то слухи об интриге между его женой и Отелло, но не может поджечь в себе страсти ревнивца. Именно так играет Яго талантливый Сос Саркисян, может быть, даже чрезмерно подчеркивая свою отвлеченную от прямой корысти ненависть к человеческому совершенству Отелло... И к грядущей их схватке вовсе не подготовлен Отелло-человек; он не готов к идущему процессу перерождения общественных идеалов.

Две крайности столкнулись: Яго вступил в борьбу против человека в Отелло, и Яго одолел... Почему же? В спектакле совершенно точно играется, что разрушили мир Отелло не «улики» против Дездемоны. В сознание Абраамяна — Отелло лукавой логикой Яго заносится отрава мысли об относительности всего на свете, о неустойчивости всех нравственных ценностей жизни. И душа Отелло, которая, увы, ничем не сильна, кроме мечты и веры, не может обороняться против этой губительной философии. Абраамян потрясает именно тем, как играет он это разрушение живой души. Он начинает меняться на наших глазах. Буря, обрушиваясь на душевный мир Отелло, отрывает от него часть за частью, и, как в страшном зеркале, это отражается в нарастающем постарении и уродстве Отелло, в распаде его прекрасного облика... Он становится ничтожен. Потому ничтожен, что потерял себя и уже не знает, кто он сам, как собрать свой мир... И в этом падении мы начинаем ощущать грядущую катастрофу Дездемоны. Это именно катастрофа. И на сцене воплощена катастрофа. Крушение. Режиссура создает в финале вихрь, смятение, хаос, как бы охватившие мир. В этом хаосе мечутся несчастные герои. И замечательно, что Дездемона не бежит от Отелло. Нет, он сам, Отелло — Абраамян, хочет уйти от нее, отстранить ту неизбежность, которую поставил перед собой. Но Дездемона — ее играет юная, чистая актриса Ш. Тухманян — бросается к нему в руки, и Отелло — Абраамян, сам почти мертвый, в какой-то короткий миг убивает ее...

Такие моменты дарит зрителю только подлинный театр. А их в этом театре немало. Есть замечательные решения в «Идиоте», в «Деле», в спектакле «Казар идет на войну»... Один за другим проходят перед нами яркие, крупные образы, хотя здесь есть и случайно, неточно обрисованные фигуры. Но именно в «Идиоте», поставленном Е. Казанчяном и Г. Товстоноговым, мы встречаемся с превосходной актрисой Метаксией Симонян, которая создает безукоризненно точное воплощение образа Настасьи Филипповны. Много ли можно назвать спектаклей, где сразу три трагические актера, ведущие разные тональности трагедии, поднимали бы так глубоко ее пласты?.. Здесь, рядом с Настасьей Филипповной, настоящий Мышкин — Лоренц Арушанян и подлинный Рогожин — Оваk Галоян, и как же согласно ведутся эти три разные партии!.. Неотрывно, внимательно следя за М. Симонян, за удивительно точным проникновением ее в причину умирания раненой души Настасьи Филипповны, мы все время чувствуем рядом с ней как бы тень Рогожина, его страсть, преследующую каждое ее движение. Рогожин — Галоян, молчаливый и мрачный, безвозвратно предан этой трагической красоте. И когда Настасья Филипповна в первый раз отстраняет его ради Мышкина, мы видим, как в Рогожине сам собой происходит какой-то сдвиг, какое-то глухое прозрение судеб — ее и своей... А Мышкин — Лоренц Арушанян, актер «тихой» трагедии,— захватывает редким обаянием чистой души, абсолютно светлой, прозрачной.

В спектакле «Дело» мы встречаемся с интереснейшим режиссером Вартаном Аджемяном. Его режиссура знает очень высокие взлеты: он тот мастер, который нужен этим актерам. Режиссер наивысшего напряжения конфликта, огромной динамики и метафоричности образного мышления, быть может, неровный, не всегда последовательно проводящий через действие свои решения,— он всегда ярок и силен. И «Дело» Сухово-Кобылина — один из лучших спектаклей театра. Здесь необходимо сказать сразу и о режиссере, и об актерах, и о художнике. С. Арутьян, художник отнюдь не обыкновенный, это выдающийся мастер выражения идеи, конфликта пьесы в зримых архитектурных формах, красках, линиях, объемах... Красноречивы его решения в «Отелло», в «Идиоте», в «Деле»...

...При встрече с большими мастерами театра мы не раз ловим себя на том, что словно забываем о переводчике. Предельная содержательность облика, голоса, пластики движения героев будто заставляет слышать речь писателя такой, какова она в подлиннике. И сейчас, вспоминая актерские монологи, мы вспоминаем Б. Нерсесяна, и Э. Элбакяна, М. Манукяна и Л. Арушаняна...

Я не могу сказать, что мои театральные впечатления до гастролей театра имени Сундукяна ничем не питались. Отнюдь нет! У нас много хороших актеров и ярких спектаклей. И все-таки театр Армении обогащает, одаряя чем-то новым, необычным, как необычен он сам. А ведь мы еще не сказали о его комедийном начале, которое представлено в театре неотразимым комическим актером Мгером Мкртчяном... «Казар идет на войну» — комедия смешная, но ее границы благодаря Мкртчяну расширяются до народно-фольклорной поэзии. Казар — это сам народ, армянский простой народ, который нашел свою правду, как бы ни пытался сбить его с толку обреченный старый мир...

Театр много и упорно думает о нравственных и социальных проблемах современности. Народные судьбы стоят в центре его работ в «Председателе республики» З. Дарьяна и комедии А. Папаяна «Да, мир перевернулся». И тут интересны в самых разных красках тот же Г. Джанибекян, Арус Асрян, Г. Арутюнян, Л. Оганесян, М. Костанян, С. Саркисян, В. Маргуни, Г. Акопян...

Искусство этого театра прямо обращено к сердцу человека. И идет оно от сердец художников.

ГЕРОИ ПРЕМЬЕРЫ И ЦЕЛЫЙ МИР ВОКРУГ...

Гр. АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

Размах и вместе тонкость режиссерского воображения, неожиданность и в то же время точность подавляющего большинства актерских «попаданий», в которой убеждает всем своим ходом спектакль, лаконизм художественного оформления со всею скрытой в нем широтой и яркостью фантазии, способной как бы даже в пространстве и времени раздвигать границы сцены,— всем этим радует премьера вахтанговцев «Антоний и Клеопатра».

Главное, что видишь в новой постановке Евгения Симонова,— это острая современность мысли, серьезность и глубина тех жизненных и творческих проблем, которыми неизменно бывают проникнуты произведения шекспировского гения для нас, людей нынешних... Решая эти проблемы, Е. Симонов всякий раз обращается к живой конкретике истории, судеб народных и человеческих. И в этой конкретике, яркой, полной интереснейших театральных находок и всегда эмоционально, психологически обоснованной, совершает свои удивительные открытия.

Самым же удивительным среди многих режиссерских открытий, пожалуй, становятся в спектакле образы и взаимоотношения главных героев, разыгранные поистине филигранно... Актеры проживают эти жизни, полные страстей — либо открытых, как у двух любящих — Антония и Клеопатры, либо скрытых, но не менее сильных и сложных, как у Цезаря,— с той глубиной творческой самоотдачи, той внутренней оправданностью каждого жеста и исчерпывающей искренностью каждой интонации, какие и позволяют им безоговорочно убеждать зрителя в точности и верности найденного решения.

М. Ульянов, играющий Антония, в той же мере неожидан, в какой и верен предложенному режиссером прочтению роли... Любимец солдат, да и вообще демоса, талантливый полководец, воин по призванию, М. Ульянов позволяет видеть, что его герой раскрывается полностью, как личность, лишь встретив на своем пути Клеопатру — единственную женщину, единственную любовь... И именно Ульянову, наверное, дано выразить эти внутренние превращения и чувствования героя с такой достоверностью... Быстрый, поворотливый, с голыми руками и грудью, коренастый, плотный и мускулистый, весь собранный словно для прыжка (а прыжки действительно будут, да еще какие!), Ульянов — Антоний (я думаю, может быть, впервые за время сценического прочтения шекспировской пьесы) помогает понять в ней весь глубинный человеческий ее смысл... Понять не только «расстановку сил» в смертельном противоборстве Рима и Египта, но ломающую все эти «расстановки», торжествующую силу любви, берущую верх даже над красивой, умной и хитрой Клеопатрой,— ее взволнованно играет Ю. Борисова.

И столь же хорош, столь же многогранен В. Ланевой, показавший опять-таки весьма неожиданного Цезаря — лукавого и осторожного аристократа, как нельзя более дальновидного, ведущего свою собственную, умную и тонкую игру, исполненного своих собственных страстей и отнюдь не лишенного обаяния — пусть холодного, опасного, порой какого-то даже пугающего...

Главные герои — все трое — и объединяют вокруг себя целый мир. Такое впечатление оставляет ансамбль участников премьеры. Тут и художник И. Сумбаташвили, и композитор Л. Солин, и, разумеется, все актеры вложили свою лепту, одновременно создавая этот мир и живя в нем по-вахтанговски ярко, радостно и напряженно.

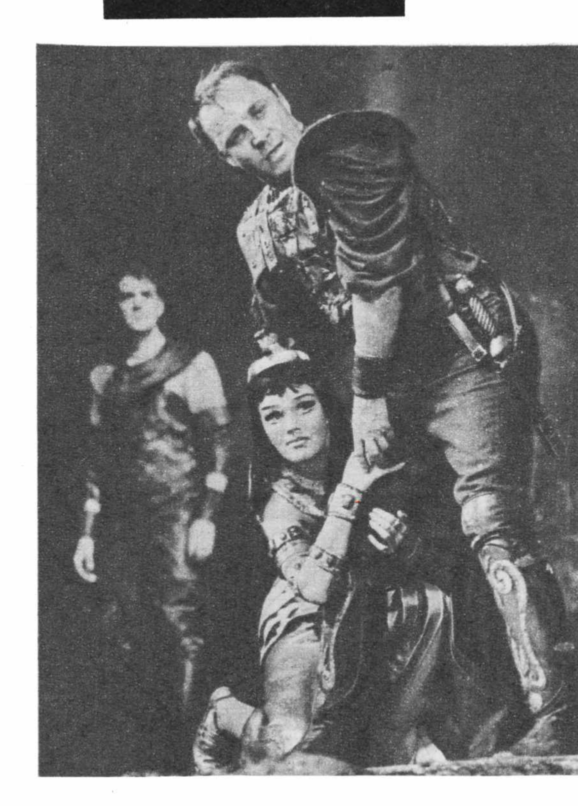

Фото М. Чернова.

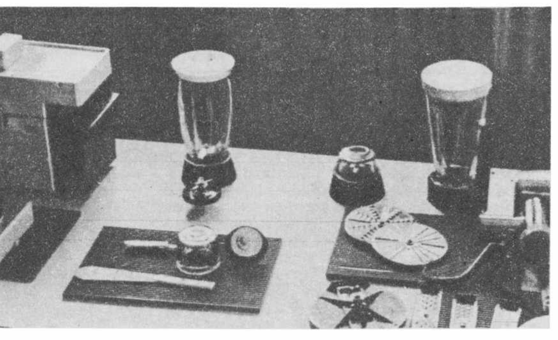
К. БАРЫКИН

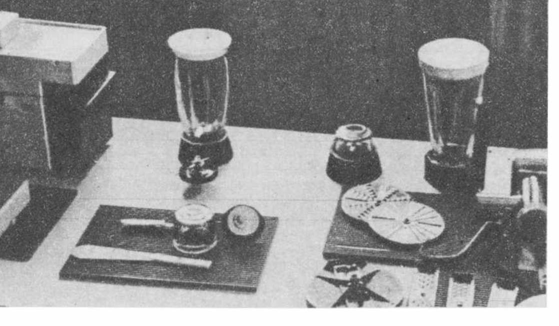
АВТОМАТИКА ДЛЯ КУХНИ

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО РАБОТНИКИ ЗАВОДА ХОТЯТ ВЫТРЯСТИ ВСЕ, ЧЕМ С ТАКИМ ТЩАНИЕМ НАЧИНЯЛИ ПЛАСТМАССОВУЮ ОБОЛОЧКУ КУХОННОЙ МАШИНЫ ЕЩЕ ЧАС НАЗАД. МАШИНУ ПОДБРАСЫВАЛИ ТАК РЕШИТЕЛЬНО, СЛОВНО ОНА БЫЛА ВРАГОМ КАЖДОГО ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ.

КУХОННЫЙ КОМБАЙН «СТРАУМЕ-2» ПРОХОДИЛ ИСПЫТАНИЯ. ПРОГРАММА: «РАССТОЯНИЕ 36 КИЛОМЕТРОВ; СКОРОСТЬ ПЕРЕВОЗКИ — 60 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС; АВТОМОБИЛЬ ЗАГРУЖЕН НАПОЛОВИНУ» — СЛОВНО БЫ ПОВТОРЯЛА ДОРОГУ, ВЫЛОЖЕННУЮ БУЛЫЖНИКОМ.

Мы охотно говорим о техническом прогрессе, но почему-то избегаем при этом касаться быта, а здесь ведь тоже нужно техническое оснащение. Кухня ежедневно отнимает многие минуты, еще чаще — часы. Кухня стала рабочим кабинетом для многих женщин. Мужчина к кухонной проблеме относится в лучшем случае снисходительно: это, мол, не для меня. Приходит домой специалист от автоматической линии и не знает, как подступиться к примитивному, если считать по сегодняшнему счету, оборудованию кухни.

Зазорность домашней работы будет, думается, постепенно пропадать с появлением в доме машин и механизмов. Одним из таких вот автоматизированных подразделений на кухне и мог бы стать кухонный комбайн. Попросил показать, как он работает, как им можно очистить картофельные клубни,— очень трудоемкую, по моим представлениям, часть кухонной работы. И дивился быстроте и проворству машины, ее умению обработать клубень быстро и хорошо.

На предприятии проследили любопытную закономерность: общая техническая грамотность населения повышает спрос на такие непростые изделия, как тот же кухонный комбайн. Но и комбайн, в свою очередь, тоже в чем-то способствует повышению технической грамотности.

Но — «Страуме» есть, «Страуме» нет... На расширение объемов производства электробытовых машин, а следовательно, и их применение немалую роль оказывают факторы, которые социологами названы «морально - психологическими»,— никто теперь с этим не спорит. Эти позиции вовсе не заменяют вопросов социального и экономического порядка; пожалуй, стоят с ними в одном ряду. К морально-психологическим факторам в нашем случае можно, видимо, отнести моду на то или иное изделие и рекламу его. Психологический настрой на новую продукцию не появится сам собой — ей следует создать режим благоприятствования. Ведь десятилетиями приноравливались к обычному ножу; конечно же, человек с недоверием присматривается к его электрическому собрату.

— Действительно, зачем такое изобретение? — не удержался и я, рассматривая новинку, которая так и называется: нож электрический.

Показали, как ровно и быстро таким ножом можно нарезать сыр, как бережно нож относится к хлебу (крошек почти не было), как ловко расправляется с батоном колбасы...

При сноровке и навыке и обычный нож может то же. Но ведь при сноровке... А вот разделать тушку птицы, сделать какую-то другую работу такого же толка — в этом у электроножа вовсе нет конкурентов.

— Учтите при этом,— заметил начальник заводского бюро новой техники Янис Робертович Лидекс,— что работать с электроножом очень легко, он не требует усилий, как говорится, сам режет...

— Где можно купить такой?

— Поговорите с директором завода.

Но Миервальда Петровича Церса в этот день я не повидал. Директор уехал в Министерство торговли...

— План не выполняете? — бросил я стандартную фразу, зная, что в большинстве магазинов многих городов и сел далеко не всегда купишь вещичку с эмблемой «Страуме».

— Наоборот, не берут даже того, что выпускаем.

Дело принимало неожиданный оборот...

На «Страуме» делают интересные вещи. В общем-то разные, но отмеченные одним—быть на уровне сегодняшнего дня и чуть заглядывать вперед. Работники завода пытаются широко решить проблему электрификации быта, стремятся сделать его не только удобнее, но и красивее. Мы привыкли в понятие «кухонная утварь» вкладывать некоторую упрощенность. А тут изящные, современных форм и высоких достоинств вещи. Кофемолку следует признать даже элегантной — такая украсит кухню. Утварь второй половины XX века? Пожалуй. На электронож, в частности, Комитет по делам изобретений и открытий выдал свидетельство. Столь же высоких дипломов удостоены также соковыжималка, мясорубка, электрозажигалка, электроножницы, миксер. Свою — добрую, заметную — долю в улучшение качества продукции вносит социалистическое соревнование.

— Ведь оно выявляет не только лучших работников, но и в то же время лучшую продукцию,— сказали мне.

У большинства изделий «Страуме» есть еще общее — стиль. Я бы сказал, фирменный. Целесообразная элегантность, дополняемая функциональной разумностью, вписывается во все эти изделия, а они, в свою очередь, в современные кухонные интерьеры.

А поначалу, когда завод создавался, основным видом выпускаемой здесь продукции были самые простенькие металлоизделия. В 1966 году была освоена одна вещица, в 1967-м — пять электроновинок, но еще через год—уже десять! В тесных границах старых цехов рост выпуска продукции стал тормозиться. Неподалеку от прежних помещений возводятся новые заводские здания. Недалек день, когда завод переберется под новую, куда более удобную и просторную крышу.

Сейчас «Страуме» является ведущим в стране предприятием, наладившим комплексный выпуск электробытовых изделий, делаемых по самым требовательным нормам. Заключены договоры на совместные разработки с конструкторами Центральной лаборатории электробытовых изделий из Карл-Маркс-штадта в ГДР, с базой технического развития электробытовых машин и приборов в болгарской Варне. Это тоже гарантирует качество — и на более отдаленную перспективу.

Пока я знакомился с новинками, пока смотрел, как они работают, вернулся на завод директор. Огорченный.

— Заезжал в магазин и стал свидетелем неприятного диалога. Покупатель спрашивал об электромиксере, а продавщица в ответ: «Откуда я знаю, как он работает? У меня дома такого нет». Едва ли на таком уровне пойдет наш недешевый товар.

На «Страуме» есть хорошее правило — всегда прав покупатель вещи. Если он что-то «страумовское» приобрел и это «что-то» вышло из строя, сначала меняют сломавшуюся вещь, а уже потом разбираются, почему произошла поломка. Такой порядок поднимает престиж фирмы в глазах покупателей, делает ее солидной и респектабельной. И — я уверен в этом — производству помогает. Вдвойне. Во-первых, заставляет строже следить за качеством; поэтому брак нечаст. Во-вторых, если бы не прислали ту или иную испорченную вещицу на завод, откуда бы знать о характере поломки?

Тщательно, факт к факту, ведется статистика неисправностей, каждый случай анализируется, разбирается «по косточкам». Дотошные конструкторы и сотрудники лаборатории надежности не успокоятся до той поры, пока не докопаются до причин поломки или пло-

Н. Карачарсков (Чебоксары). ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

Е. Лансере (1875—1946). КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ ДАГЕСТАНА СПУСКАЮТСЯ С ГОР НА ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. 1929—1931 ГОДЫ. Часть триптиха.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

Николай РОМАДИН,
народный художник РСФСР

БРАТСКИЙ ДАР

Помню, в 1932 году, а потом в 1936 году мы с восхищением знакомились с иллюстрациями замечательного мастера Е. Е. Лансере к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

Теперь миллионы читателей в нашей стране знают и любят эти произведения Лансере. Кому не припомнятся сейчас хотя бы листы: «Хаджи-Мурат спускается с гор», «Шамиль среди мюридов»? А виньетка «Репей»!.. Этот яркий образ природы, в котором Лев Толстой увидел и символически воплотил черты горца-воина. Как верно передал Е. Лансере в небольшом рисунке выразительность, правду толстовских строк:

«Мне вздумалось сорвать этот репей... Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всех сторон, даже через платок...— он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять... «Какая, однако, энергия и сила жизни»,— подумал я...»

Сам художник придавал особенное значение в своем творчестве работе над текстом Толстого. «Из моих работ по иллюстрации литературных произведений основным считаю две серии — к Хаджи-Мурату...».— писал Евгений Евгеньевич в автобиографии. И признавался: «Я от отца получил... влечение к Кавказу, его романтике».

Не оттого ли поражают в этих работах не только тонкость и глубина проникновения художника-иллюстратора в гениальный текст Толстого, но и близкое толстовскому знание материала — жизни горцев Кавказа!

В 1912 году впервые едет Евгений Евгеньевич на Кавказ, чтобы начать работу, которой он отдаст потом много лет. Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан... Лансере объездил, а большей частью исходил их пешком с восторгом. Лансере был человеком высокой художественной культуры и эрудиции, не только талантливым художником, но и этнографом, археологом. Все это и способствовало тому, что в подготовительной многолетней работе с натуры тым мастером было увидено и собрано так много правды о жизни народов Кавказа. Эта правда и глубина воплотились затем в графических листах к «Хаджи-Мурату».

Совсем недавно мне пришлось увидеть некоторые из этих рисунков Лансере, сделанных в те далекие годы с натуры. Папка с небольшими листочками бумаги. На тех листочках — карандашом торопливо набросаны то цветок, то незаконченная рука, то кусок горы или извилистая линия тропинки... И в быстрых, скупых этих карандашных штрихах и линиях увиделись мне тот восторг рисунка, та бесценная живая правда, которой мы, художники, добиваемся так усердно. Всю жизнь.

Ведь Лансере еще в юности поставил своим девизом: «Я хочу правды...»

И не удивительно, что собранное и созданное тогда художником, а еще красота, богатство, мудрость жизни, гостеприимно встретившей Евгения Евгеньевича на Кавказе, оказались неизмеримо больше той конкретной первоначальной задачи — иллюстрирование «Хаджи-Мурата», которую Лансере перед собой поставил и ради которой приехал в страну гор. Это большее перелилось через край и воплотилось во множестве ярких самостоятельных художественных образов.

Так именно и родился позднее, например, тот удивительный по силе реализма, исторической достоверности, драматической напряженности триптих (трехчастная картина), одну из частей которого воспроизвел сегодня «Огонек» на своей цветной вкладке — «Красные партизаны Дагестана спускаются с гор на защиту Советской власти». Картину эту датируют 1929—1931 годами. Годы становления новой жизни на Кавказе.

Старик горец, старуха и женщина с ребенком на руках смотрят, как выезжают из-за гор всадники под красным знаменем, держа ружья наизготовку. Этих всадников Лансере написал на центральном холсте триптиха, выделив тем главное содержание своей живописно-монументальной работы, посвященной важному событию в жизни горских народов. Мы видим, как удалась художнику в этом произведении та «ухваченность обыденного движения», о которой сам Лансере говорил, что это «то, что я ищу и чем горжусь». Это произведение Лансере по праву хранится в Краеведческом музее Махачкалы — столицы Дагестана. Там его родина!

...Е. Е. Лансере — выдающийся советский монументалист, живописец, график, народный художник РСФСР, воспитанник Петербургской художественной школы Общества поощрения художеств и парижской Академии Жюльена. Он активный член общества «Мир искусства», наследник богатых русских и европейских культурно-художественных традиций. Но этим не исчерпывается значение этого выдающегося художника и человека. Есть еще одна важная грань, еще одна его заслуга перед нашим советским искусством: создание очага высокой живописной культуры в тех краях, в тех нынешних автономных республиках Кавказа, где до Октября живописи вообще не существовало.

За те годы, которые Евгений Евгеньевич прожил на Кавказе,— с 1914 по 1934-й, им было много создано. В том числе серия портретов кавказских деятелей революции: Махача (Махач-Магомета Али Дахадаева), Серго Орджоникидзе и других.

Евгений Евгеньевич признавался позднее, что никогда не работал с таким увлечением, как в этот период — на стыке 20—30-х годов. Созданное Е. Е. Лансере на Кавказе, особенно в первые годы завоевания и становления Советской власти, стало художественным и культурным достоянием народов, среди которых долго жил художник. Образы, воплощенные им, раскрывали горцам красоту окружающей их земли, величие характеров их земляков, учили воспевать все это в искусстве. В 1922 году Евгений Лансере состоял профессором Закавказской академии художеств и уже не только через свои произведения, но и как бы непосредственно из рук в руки передавал свои знания художникам края.

Теперь на выставке в Центральном выставочном зале — Манеже, в том разделе ее экспозиции, где были представлены работы художников Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Евгений Евгеньевич Лансере по праву участвовал своими тремя работами: «Портрет матери М. Дахадаева» (1927 год), «Урода» (1927 год) и тот триптих, о котором шла речь выше. Участвовал как у ч и т е л ь и как первый художник, посвятивший свои произведения Советскому Дагестану.

...А еще на этой выставке работ художников из советских автономий я вспомнил, что, например, начало Уфимскому художественному музею положила коллекция картин, подаренных уроженцем Уфы М. В. Нестеровым родному городу еще в 1919 году. Что заслуженный художник Башкирии А. Бурзянцев занимался в Пензе в художественном техникуме у ученика И. Е. Репина И. С. Горюшкина-Сорокопудова. Что художественным руководителем по дипломной работе у заслуженного художника Башкирии скульптора Б. Фузеева в Центральном художественно-промышленном училище (бывшем Строгановском) был народный художник СССР М. Г. Манизер, ученик академика скульптуры Петербургской Академии художеств Г. Р. Залемана.

Да, щедро одарило великое, могучее, высокое в помыслах своих и мастерстве, прекрасное русское искусство изобразительные искусства народов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

хой работы. Поэтому с таким вниманием относятся к письмам, в которых выражаются претензии и даются советы.

У завода интересные планы. Но они усложняются взаимоотношениями с торговыми организациями. «Страуме» выпускает превосходную бытовую электрозажигалку для газовых плит. Сравнивали ее с другими — заняла первое место. Но не ищите такую зажигалку в магазинах, если вы живете не в латвийском городе.

Не берут зажигалку торги:

— Зачем, другие есть.

— **Да хотя бы для ассортимента, чтобы покупателю было из чего выбирать.**

Казалось бы, разумный довод. Предложил завод немного зажигалок — 160 тысяч штук в год. Торговля посмотрела так и эдак и вовсе отказалась. Обошел я десяток московских магазинов, побывал в ленинградских, в одесских, в вологодских; в городских и сельских был — нет зубной электрощетки рижского завода «Страуме». Московского завода «Микромашина» — пожалуйста. Но ведь рижская значительно дешевле! Утверждают, что московская щетка лучше. Не спорю, не сравнивал, но зачем навязывать покупателю чье-то мнение, пусть сам получит возможность сравнить...

Не повезло и электрическим мясорубкам. Хотелось бы обратить внимание на это — мясорубка.

Обычная, шнековая, не рубит, а давит. И смятое, без сока, мясо пускает под нож. А тут тридцать (!) секунд — мясо порублено. Хозяйки уверяют, что котлеты из такого, обработанного электромясорубкой мяса сочнее. Наладил «Страуме» их выпуск. Хорошо сделал? Не торопитесь с выводами. Предложил завод торговле 30 тысяч машинок, согласилась торговля на 16 тысяч штук — почти вдвое меньше.

— Мы могли бы в год делать 45—50 тысяч электромясорубок. Но не на склад же работать.

Видимо, нынешняя форма торговли такими товарами не оправдывает себя. Продавать сложную новую бытовую машину так же, как привычный торшер или электровыключатель, нельзя. Родился новый комплекс спроса — он требует особого внимания, нового подхода. С такой бы мясорубкой прийти домой, в домашних условиях показать ее. Разнóсная форма торговли-рекламы подошла бы, пожалуй, очень. Мог бы оправдать себя и фирменный магазин завода. При этом не в Риге, где при желании можно купить изделия «Страуме», а, скажем, в Новосибирске, в Москве, в Ленинграде. Да мало ли что еще можно придумать, создавая изделиям «Страуме» (и других аналогичных предприятий) нормальные условия.

...«Страуме» можно перевести с латышского как поток, постоянное движение. Давайте же не возводить на его пути заслон, не строить плотины, препятствующие движению.

Латвия.

КЛЮЧИ К ДЕНЬГАМ

К. ЧЕРЕВКОВ

У массивного здания на набережной Мойки всегда — в любой день и час — оживленно. Даже когда город погружен в ночной покой, здесь не прекращается работа. Речь идет о Ленинградской городской конторе Госбанка.

Банк Советского государства, пятидесятилетие которого мы отмечаем в эти дни, формировался в исторические октябрьские дни, когда вооруженные отряды восставшего народа брали власть в свои руки.

Государственный банк, как и телефонная станция, вокзалы, Зимний, значился в стратегических объектах, подлежащих взятию в первую очередь по плану вооруженного восстания. И Госбанк, как и все главные учреждения Временного контрреволюционного правительства, пал под натиском красногвардейцев, матросов, солдат. У подъезда банковского здания были поставлены вооруженные пролетарии. Но впереди предстояла еще одна, не менее трудная операция. Надо было поставить на службу революции всю финансовую мощь России. Медлить с этим было нельзя. Государство без денег, как армия без оружия.

Собственно говоря, деньги-то были, и в то же время их не было. Миллионы лежали в несгораемых сейфах и железных кладовых Государственного банка, а взять их невозможно было. Ключи у чиновников, не признающих новую власть. На второй день революции они объявили забастовку, упрятали деловые книги, реестры, все денежные операции прекратили. Заводские и фабричные кассиры возвращались на свои предприятия с пустыми сумками.

В. Менжинский, посланный ему в помощь Центральным Комитетом партии А. Аксельрод, в прошлом банковский служащий, и председатель ВРК Н. Подвойский предъявили банковским чиновникам категорический ультиматум: с понедельника 13 ноября приступить к работе, полностью подчиниться приказам Советского правительства. В противном случае увольнение без права на пенсию. Саботажники, за спиной которых стояли истинные организаторы заговора — кадеты, эсеры, меньшевики,— обнаглели до предела, отказывались выполнять официальные распоряжения Совнаркома.

Ленин подписывает «Постановление об открытии банков». Подписан и приказ В. Менжинского по Министерству финансов о прекращении забастовки служащих.

ВЦИК Советов, заслушав доклад В. Менжинского, единодушно предлагает Совнаркому: «...принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционеров Государственного банка... и призывает всех остальных служащих оказать Советской власти всестороннее содействие в деле обеспечения государственной работы необходимыми денежными средствами».

Испытав все способы убеждения и официальных воздействий, Владимир Ильич идет на крайние, решительные меры. Он утверждает приказ по Министерству финансов об увольнении от должностей без права на пенсию за отказ признать власть СНК нескольких «товарищей министра финансов», тузов из департамента госказначейства и самого управляющего Госбанком Шипова. Вместо уволенного Шипова Ленин назначает комиссаром Госбанка «со всеми правами управляющего» вызванного из Москвы старого коммуниста, опытного экономиста В. В. Оболенского.

«Мы получили в свои руки огромный механизм,— вспоминал комиссар,— с действием которого были почти совершенно незнакомы. В какой форме здесь что делается, где что лежит, каковы основные части основного аппарата — все это нам было совершенно неизвестно. Мы вступили в огромные коридоры банка, точно в девственный лес. Служащие как раз и рассчитывали на то, что, не справившись с незнакомым делом, мы позовем их обратно.

Собравшись в центре огромного и пустого здания, в кабинете управляющего, мы начали лихорадочно предварительную работу, выделили людей для переговоров со счетчиками, чтобы узнать, кто в банке чем ведал, затем отправили гонцов в рабочие организации с просьбой одолжить бухгалтеров и людей, знакомых с банковским делом. Пролетарские организации отыскали и прислали людей, преданных революции, знающих и разбирающихся в финансовых операциях».

Но ключи, ключи все еще у саботажников. Напутствуя только что назначенного комиссаром В. Оболенского, Владимир Ильич заметил, что до тех пор, пока ему не будут принесены ключи от кладовых, все будет сводиться лишь к одним разговорам, а не к овладению банком. Рассказывая далее, как были взяты ключи и печати от касс, комиссар продолжал: «Всех этих людей мы доставили в банк при посредстве специального отряда матросов, находившихся в нашем распоряжении. Подвергли допросу, предложили им начать работу и, получив отказ, потребовали от них сдачи ключей. Ключи были выданы... Касса была отперта в присутствии хранителей — старых и новых. Равным образом были доставлены в банк и лишены ключей чиновники, заведовавшие главной кладовой банка. Эта кладовая имела большее значение, чем касса. Эти лица частично согласились работать и сильно помогли в налаживании дела».

Ключи от банковских миллионов были немедленно доставлены в Смольный и высыпаны на стол перед В. И. Лениным из замшевого мешка, в котором они хранились.

Ленин тут же сказал, что теперь следует привезти деньги, и вручил Н. Горбунову два удостоверения: одно в том, что он секретарь СНК, другое в том, что ему доверяется получить в Госбанке 25 миллионов рублей для внесения на текущий счет СНК, согласно декрету от 13 (26) ноября 1917 года. Вручая эти мандаты, Владимир Ильич предупредил: «Если денег не достанете,— не возвращайтесь!»

Однако конфискация ключей вовсе не означала свободного доступа к деньгам. Борьба с саботажниками не прекратилась. Кроме ключей от кладовых, надо было найти еще ключи от шкафов и столов, где хранились книги, реестры — в общем, все то, без чего нельзя нормально, по всем правилам, производить операции в банке.

«Получив задание В. И. Ленина, мы на автомобиле поехали в банк,— пишет Н. П. Горбунов.— Опираясь на низших служащих, курьеров, угрожая другим красногвардейцами, которые якобы окружают банк, нам удалось проникнуть в кассы и заставить кассира выдать требуемую сумму. Приемку производили на счетном столе...»

Так были получены из кладовой банка первые пять из двадцати пяти миллионов рублей в счет краткосрочного аванса СНК. Завязав шпагатом мешки, Горбунов расписался в кассовом чеке.

Деньги были доставлены в Смольный, в кабинет Председателя Совнаркома. В эту минуту В. И. Ленина не было. Горбунов сел на мешки, набитые деньгами и вынул из кобуры револьвер. Вскоре вошел Ленин и принял участие в акте передачи пяти миллионов Совнаркому.

«Я сдал их,— вспоминает Н. Горбунов,— с особой торжественностью. Ленин принял деньги с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны. Окружив шкаф полукругом из стульев, поставили часового. Особым декретом СНК установили порядок хранения и использования этих денег. Так было положено начало первому советскому бюджету».

При Совнаркоме организовали финансовый отдел, определили его функции и структуру. Совнарком рассматривал просьбы об отпуске средств народным комиссариатам и другим центральным и местным организациям.

Комиссары, служащие, пришедшие с заводов и фабрик, налаживали работу советского банка, создавали новый аппарат, верный народу. С каждым днем становилось все больше финансистов, присылаемых партячейками, профсоюзами, фабзавкомами. Во второй половине ноября партийный коллектив Госбанка уже насчитывал в своих рядах около ста коммунистов».

Когда сотрудник меньшевистской газеты «Новая жизнь» экономист Финн-Енотьевский заявил, что пятьдесят тысяч банковских служащих готовы прекратить саботаж и полностью подчиниться Советской власти, Владимир Ильич сказал: давно бы так!

Саботаж сломили. Пролетарии доказали, что они могут не только взять власть в свои руки, но и удержать ее. Постепенно Госбанк становился подлинным орудием Советской власти. Через две-три недели он уже производил успешные операции по кредитованию всех звеньев первого в мире Советского государства.

После овладения Госбанком последовали тщательно продуманный захват и национализация частных банков. Саботаж чиновников заставил правительство ускорить эти государственные меры. Владимир Ильич приехал в здание бывшего Министерства финансов на набережную Мойки и лично ознакомился с планом. Ленин сам руководил этой важнейшей операцией: заслушивал командиров отрядов о ходе выполнения разработанных планов, направлял в банки комиссаров, назначенных Советским правительством. Утром 14 (27) декабря по распоряжению правительства отряды рабочих и красногвардейцев заняли все банки и кредитные учреждения. В тот же день Владимир Ильич выступил с речью на заседании ВЦИК, где утверждался декрет о национализации частных банков и об объединении всех частных акционерных банков и банкирских контор с Госбанком...

...В обычный, будничный день мы поднимаемся по веерной мраморной лестнице Ленинградской конторы Госбанка. Огромные залы. Высоченные потолки. И много людей — деловые, сосредоточенные. У каждого свои финансовые заботы. С тех пор, как Совнарком и ВЦИК в октябре двадцать первого года своим декретом учредили в составе Наркомфина Госбанк РСФСР и отпустили ему из средств народной казны для образования основного капитала первые миллиарды рублей, многое изменилось. Госбанк нашей страны по своей концентрации денежных оборотов, объему валютного баланса не имеет равных в мире. Все эти пятьдесят лет он работал как хорошо отлаженный механизм, бесперебойно финансировал народное хозяйство, кредитовал великие стройки пятилеток.

Ленинградская контора Госбанка—самая крупная после Московской по объему выполняемых операций. Ежемесячно она принимает и обрабатывает почти 3,5 миллиарда денежных документов. В помощь банковским служащим для обработки потока документов созданы машиносчетная станция и электронный центр.

Ни на одни сутки банк не выключается из деловой жизни. Великие традиции Октября живы и в сегодняшних славных делах огромной армии советских банковских служащих.

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Вы помните, как оканчивается вторая книга романа А. Чаковского «Блокада»? На заседание Военного совета Ленинградского фронта 9 сентября 1941 года явился в сопровождении генералов Хозина и Федюнинского генерал армии Георгий Константинович Жуков и, приветствовав собравшихся, вынул из кармана кителя сложенный вчетверо листок и молча протянул его маршалу Ворошилову, тогда командовавшему войсками фронта. «В абсолютной тишине, воцарившейся в кабинете, Ворошилов развернул листок. Пальцы его дрогнули — он сразу узнал твердый характерный почерк Сталина.

В записке было всего несколько слов, но Ворошилов прочитал ее дважды и трижды, пока до него дошел ее смысл.

Сталин приказывал Ворошилову передать командование фронтом Жукову, а самому немедленно вылететь в Москву».

Всего три недели руководил генерал армии Жуков войсками Ленинградского фронта, но за этот короткий отрезок времени произошло множество событий, из которых важнейшие имели кардинальное значение и вошли навсегда в историю героической ленинградской эпопеи. Этому периоду и посвящена третья книга романа А. Чаковского, опубликованная в 6-м, 7-м и 8-м номерах журнала «Знамя» за 1971 год. Окончена книга, но далеко еще не закончен роман, которому, как можно судить по трем опубликованным книгам, предстоит большая судьба — стать историческим и художественным документом, рассказывающим о том, как великий город, который, по словам буржуазных прорицателей всех видов и мастей, должен был непременно пасть и погибнуть, не только не пал, но, подобно туго сжатой пружине, развернулся и нанес противнику жестокий, непоправимый удар. Но об этом мы прочитаем после.

Когда Жуков принял командование, судьба Ленинграда висела на волоске. Войска генерала фон Лееба, разъяренные отчаянным и неожиданным для них сопротивлением «этих русских», которых Гитлер презрительно именовал недочеловеками, нависали над городом черной тучей, из которой, казалось, вот-вот дождем обрушатся на город испепеляющие молнии. Но оборона не сломалась, не рухнула, хотя не десятки километров отделяли город от противника, а только считанные километры, а иногда и сотни шагов. Уже был подготовлен тайный приказ взорвать Балтфлот, чтобы ни один корабль не достался противнику, если фронт не устоит. Командующий военно-морскими силами адмирал Кузнецов с ужасом выслушал этот приказ из уст самого Сталина, хотя прекрасно понимал, что предусмотрительность, как бы она ни казалась жестокой, на войне всегда необходима.

Оборона Ленинграда была грозной, продуманной, хотя и создалась, казалось бы, в немыслимо короткие сроки, армия сражалась, не щадя сил, средств и жизни, население героически, чем только могло, помогало армии, и можно с полным правом сказать, что каждый ленинградец в эти дни был солдатом, в душе которого кипели гнев и ненависть. Но как бы хорошо ни была организована оборона, она не может принести победы, если остается пассивной и ограничивается лишь тем, что отражает удары противника. Только активная оборона, которая сама наносит удары, может перехватить инициативу у противника и превратить его призрачный успех в поражение.

Георгий Константинович — по всем своим качествам прирожденный военный. Он мыслил только военными категориями. Он был тверд, крут, временами жесток и беспощаден. Он требовал от подчиненных беспрекословного повиновения, не терпел растерянности, слабодушия—всего того, что порождает панику, столь пагубную на войне. Когда ему доложили, что немцы прорвались в район Кировского завода, он вызвал к телефону майора Сидорова, командира истребительного батальона, и спокойно, как бы нехотя, слегка растягивая слова, сказал: «Слушай ты, паникер! Кто у тебя там появился? Я тебя не спрашиваю, немцы или турки?.. Я спрашиваю, какими силами? Докладывай только то, что видел сам, понял?!»

После ответа майора он сказал: «Ты чем командуешь? Детским садом или истребительным батальоном?.. А раз истребительным, так истребляй! И к тому же сам их не видел!.. Теперь слушай. Если хоть один немец на твоем участке пройдет, хоть на танке, хоть на мотоцикле, хоть на палке верхом, расстреляю! Тебя расстреляю, понял?!» И бросил трубку на рычаг.

Член Военного совета секретарь горкома партии Васнецов так размышлял о роли Жукова, сменившего маршала Ворошилова, героя гражданской войны, любимого в партии и в народе: «Хотя в распоряжениях Жукова не было ничего принципиально отличающегося от тех мероприятий, которые в соответствии с конкретной боевой обстановкой проводились и до него, Васнецов не мог не чувствовать, что звучали эти распоряжения как-то по-новому, с предельной ясностью, точностью и жесткой требовательностью. И, несмотря на категорический, граничащий с оскорбительным тон, каким Жуков отдавал приказы, несмотря на это, а может быть, как ни странно, и благодаря этому сам Васнецов начинал ощущать какое-то особое, новое чувство уверенности, сознание, что сейчас, в эти минуты, делается именно то единственно правильное, что надо делать в создавшейся обстановке».

Пассивная оборона превращалась в активную.

Жуков разгадал планы фон Лееба. Попытка штурма Ленинграда была окончательно сорвана. Немцы переходили на новую практику — удушить город голодом, осадой, блокадой. Часть войск с севера перебрасывалась на Москву. Но и это, как мы знаем, не принесло немецко-фашистским войскам столь желанного для них успеха. Идея блицкрига рухнула навсегда.

В третьей книге «Блокады» А. Чаковского мы встречаем прежних героев — Звягинцева, Веру, архитектора старика Валицкого, путиловца Королева, упомянут Анатолий Валицкий, воюющий где-то на фронте, где-то мелькнул Данвиц, «белокурая бестия» — любимец Гитлера, ставший уже оберст-лейтенантом, снова мы прослеживаем действия капитана Суровцева и политрука Пастухова, того самого, который носит в себе черты толстовского Тушина. Но, поглощенный событиями большого исторического значения, автор в третьей книге несколько меньше касается судеб своих героев, обращая больше внимания на факты истории войны. Это, впрочем, не мешает автору держать читателя в состоянии напряжения.

Ник. КРУЖКОВ

ПАМЯТИ ДРУГА

Трудно примириться с этим, нелегко принять горестную весть, что в молодую пору жизни ушел от нас верный товарищ, добрый человек, талантливый литератор Феликс Евгеньевич Овчаренко. Мы знали и любили его за честность и принципиальность в деле, за теплоту в дружбе, в общении с друзьями, которыми он был богат, за одаренность его журналистского пера.

Он умер в полном сознании, оставив своим детям слова о дружбе и товариществе. Он унес с собой нерастраченное чувство отцовства и большой мир задуманных, так трагически не осуществленных дел. Но он успел в свои тридцать девять лет сделать много доброго, прочного, что и составит память о нем.

После окончания Уральского университета имени Горького Феликс Овчаренко работал в газетах «Советская Мордовия», «Вечерний Свердловск», «Уральский рабочий». Здесь, на Урале, он вырос от литературного сотрудника до редактора газеты свердловских комсомольцев «На смену!». С той поры многие годы горячей, увлекательной работы связывают его с ленинским комсомолом. После областной молодежной газеты он становится заведующим сектором, а затем заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, заместителем главного редактора газеты «Комсомольская правда». Несколько лет Феликс Евгеньевич Овчаренко работал в аппарате ЦК КПСС. В последнее время он возглавлял журнал «Молодая гвардия».

Мы ценили его не только как работника, отдавшего много сил советской журналистике, но и как одаренного литературного критика, прекрасного знатока современной советской поэзии. Только у нас, в «Огоньке», были опубликованы три его литературоведческих исследования, которые говорят о его гражданской, партийной позиции, о направленности его литературоведческих поисков. Статьи и книги Ф. Овчаренко, содержательные и яркие по форме, верно служат делу современной советской литературы.

Трудолюбивым и талантливым, принципиальным и щедрым на душевную доброту — таким останется в нашей памяти журналист и литератор, коммунист Феликс Евгеньевич Овчаренко.

Группа товарищей

РОСКОШЬ ЛИ ВЕЖЛИВОСТЬ?

Автомобиль не роскошь, а средство передвижения... Впрочем, времена ныне другие, и некоторые таксисты Новосибирска смело опровергают это утверждение. «Автомобиль — роскошь!» — возражают иные представители этой уважаемой профессии. Недавно один гражданин, рассуждавший по старинке (автомобиль не роскошь, а... и т. д.), решил доставить жену из больницы домой на такси. Заблаговременно припас цветы, потом позвонил в бюро заказов, изложил свою просьбу.

— Куда поедете? — заинтересовалась телефонная трубка.

— В горбольницу и обратно,— ответил гражданин.

— Сейчас узнаю, как посмотрит на это диспетчер(?!).

Гражданин заволновался. А вдруг диспетчеру не понравится его идея относительно жены, цветов и больницы? Но на этот раз обошлось. Идея диспетчеру понравилась, и в назначенное время такси под номером НСН-37-79 подкатило к подъезду. Машина была старая, но радиофицированная. По рации сквозь трески и шумы неслись позывные диспетчерской... Гражданин заверял водителя:

— Минуточек через десять поедем обратно.

— Ждать не буду,— прервал на полуслове таксист.

— Но ведь по инструкции вы обязаны ждать не менее пятнадцати минут?

— Не буду,— буркнул водитель по фамилии Охрименко и нажал на стартер. Обиженный гражданин с выздоровевшей супругой, конечно, до дома добрался. Но — как бы это помягче выразиться, чтобы Охрименко не обиделся,— торжественность момента была испорчена.

Я позвонил директору 5-го таксомоторного парка И. Л. Дулькину.

— Водитель Охрименко на хорошем счету. Просто он в данном случае,— охотно признал директор,— оказался неправ.

Но меня теперь интересовало другое: как водители подбираются на работу? Ведь именно по заказам обслуживаются, например, свадьбы, прочие обряды и торжественные моменты в жизни горожан. Наконец, люди престарелые, ветераны труда и войны...

— Да никак не подбираются,— рассеял мои сомнения И. Л. Дулькин.— Есть у нас определенное количество радиофицированных автомашин, их-то мы и посылаем по заказам. Вот и все.

— Стало быть, на такую машину может попасть и человек вежливый,— уточнил я,— и, простите, не очень?..

— Именно,— согласился директор.— Мы даже не знаем, чья смена на этих машинах.

Как же так? С одной стороны, известно количество радиофицированных машин, с другой — неизвестно, в чьи руки попадают их рули... Руль может попасть к тому, кто явно по недоразумению считает государственную машину своей собственностью. Иначе посмел ли бы он бросить на полдороге пассажиров? Если, конечно, они ему не понравятся.

Я знаю, что, например, в Ленинграде дворцы бракосочетаний обслуживают только хорошо зарекомендовавшие себя водители. Это люди высокой культуры. Надоело уже повторять, что есть профессии, которые требуют от их обладателей душевной чуткости, такта, особой выдержанности и просто элементарной вежливости. Это продавцы, работники городского сервиса, аптек, врачи. Водители такси, наконец.

Ю. ЛУШИН

Новосибирск.

ПЕРЕХОДИТЕ НА ЖЕСТЬ!

До свидания, уважаемая редакция!

Кажется, в скором времени я откажусь от вашего журнала. Поверите, мне больно об этом говорить. Вот уже 30 лет я выписываю «Огонек» и готов продолжать это делать и дальше, но...

Скажите, нельзя ли изготовлять обложки для вашего журнала из жести? Вообще-то я ничего не имею против нынешних обложек — они, как правило, яркие, красивые и интересные, но уж очень непрочные. Я говорю о плотности бумаги. Вынимаю журнал из почтового ящика, а обложка вся в клочьях, словно ее скребком драли... Как увидишь — плакать хочется!

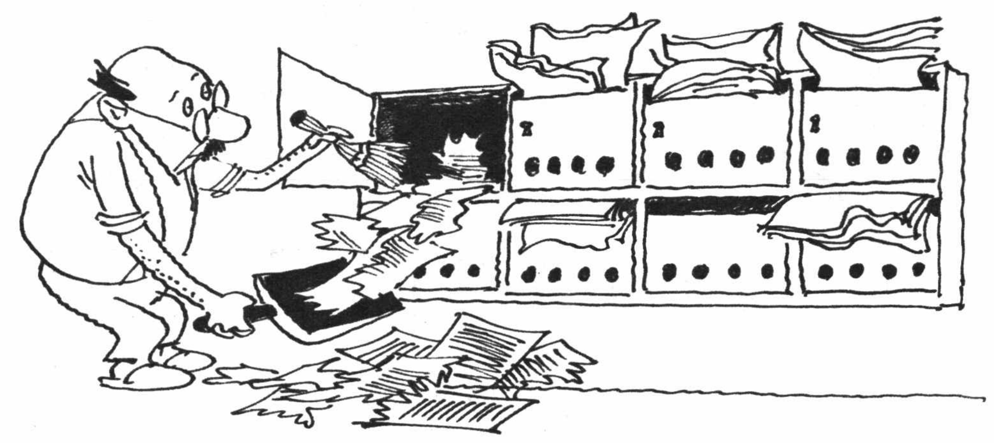
Вот у журналов «Октябрь», «Звезда» обложки прочнее, на них края моего ящика всего лишь борозды оставляли, вроде шрамов. Но и от «Октября» и «Звезды» я все же отказался: ящик-то узенький. Да вы эти ящики знаете, их повсюду на первых этажах установили вместо прежних. Так вот когда в него почтальон всю почту заложит, толстый журнал уже не впихнешь никакими силами. А если и втиснешь, то полжурнала все равно наружу торчит.

Пока я с верхнего этажа спущусь — глядишь, ан кто-то уже журнал из ящика вытянул за эту самую торчащую половину. Ну, а ведь тот, кто это сделал, своей визитной карточки в мой ящик, разумеется, не бросит. Так не могу же я целыми днями вверх-вниз по лестнице бегать или караул у ящика выставлять в ожидании почтальона...

Устал я, честное слово. Устал гоняться за исчезающими журналами. Покупаю теперь «Звезду» и «Октябрь» в киосках. Кажется, и «Огонек» там покупать придется. Но жалко. Ведь тридцать лет ваш журнал сам ко мне в дом приходил... Может, все-таки подумаете о жестяной обложке, а?

Ф. КОНДРАТЬЕВ

Петрозаводск.

Борис ПРИВАЛОВ

ИЗ РАССКАЗОВ ДОКТОРА АЛЛОПАТОВА

Кандидата медицинских наук Александра Петровича Лопатова называют Аллопатовым из-за подписи — Ал. Лопатов. За долгие годы он так к этому привык, что когда его называли Александром Петровичем, то он даже не сразу догадывался, кого же спрашивают.

Медицинская специальность доктора — спортивная травматология. Он побывал врачом в командах штангистов, футболистов, хоккеистов, каноистов, шахматистов и шашистов-стоклеточников.

Аллопатова очень любят тренеры. Секрет его популярности заключается в том, что, кроме умелого врачевания, Аллопатов обладает еще одним несекретным, но модным оружием. Один из крупнейших тренеров современности (не будем называть его фамилии, чтобы у него не закружилась голова) сказал об Аллопатове просто, без выкрутасов:

— Его следует применять, как патентованное тонизирующее средство, снимающее нервные нагрузки у спортсменов, поддающихся стартовой лихорадке и предматчевым неврозам.

Оружие же доктора таково: он помнит уйму спортивных баек и всегда охотно их рассказывает. А что такое вовремя рассказанная веселая спортивная байка? Это же классическая психотерапия! Поэтому аллопатовские рассказы, имеющие большую славу среди спортсменов, прозвали психологическими байками. Сокращенно — психбаями.

Когда команда нервничает перед выходом на поле, то тренер шепчет доктору:

— Аллопатыч, сегодня тяжелый случай... Нужна максимальная доза — три психбая.

Или:

— Настроение в принципе бодрое... Один психбай для общего тонуса — и мы будем в полной норме!

...Когда я встречаюсь с Аллопатычем, то всегда стараюсь вытянуть из него хотя бы один психбай. Расспрашиваю и старых спортсменов — многие из них помнят десятки психбаев. Так вот и собралось у меня кое-что...

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

Работал я тогда у хоккеистов «Физика». Матч предстоял — мало сказать ответственный — решающий. В случае выигрыша у команды «Самолет» мы получали бронзовые медали первенства...

Мы с тренерами вышли из раздевалки и сели на наши обычные места, у бортика. Ребята же на разминку выкатываются прямо на поле. Следовательно, мы их оставили одних, без присмотра всего на какую-нибудь минуту. Когда мы уходили, был полный порядок. Но когда команда выкатилась на разминку, этого даже в хорошем цирке не увидишь... Стадион покатился со смеху! Дело в том, что все наши двадцать хоккеистов... чихали! Но как чихали! То вместе, то порознь, то чих сгибал их до льда, то так дергал, что они клюшки выпускали из рук.

— Будь-те здо-ро-вы! — скандировал стадион через несколько минут.— Будь-те здо-ро-вы!

— Может, отменим игру? — спросил главный судья матча.

Мы с тренером переглянулись: отменить из-за чихания матч? Стать посмешищем всех болельщиков? Войти в анналы хоккея, как команда, прочихавшая игру?

Я подозвал капитана, тот чихает, но дух у него бодрый — мол, играть будем. Причины же этой эпидемии не понимает: как только вышли из раздевалки, так вся команда и зачихала сразу.

Начался матч. Свистков арбитров не слышно — такой чих идет.

«Самолетчики» просто падали от смеха. И только это как-то уравновешивало наши силы. Но вот вышла на лед их лучшая тройка — лица серьезные, никто не улыбается. Настроил их тренер на серьезную волну, значит. И, конечно, тут же прорыв по бортику, бросок. Наш вратарь чихает в одном углу, а шайба влетает в другой. Гол!

— Будь-те здо-ро-вы! — кричат болельщики.

— Вынь, Вася, таблетку из сетки! — говорит «самолетный» капитан нашему вратарю.— И будь здоров!

А Вася ему даже ответить не может — апчхи только получается.

Короче, первый период проиграли: ноль — два.

Пошли к раздевалке. Ребята стоят, внутрь не входят.

— Там,— говорят,— атмосфера какая-то чихательная... Не газ ли специальный?

Зашел я один. Батюшки святы! Едкость в атмосфере непереносимая, всю слизистую оболочку в веревочку скручивает. Серое облако стоит посредине — перец! Откуда?

Выскочил я, руками в рот свежий воздух загоняю, всего перекосило, даже чихнуть не могу.

Послали в судейскую комиссию гонца. Отвели нам другую раздевалку. Задержали перерыв на несколько минут. Второй тайм выиграли: два — ноль. Третий — по нулям. Так и прочихали победу и с ней бронзу... Да...

Сперва думали, что болельщики «Самолета» подложили нам «перцовую бомбу» — оказывается, есть такие, производят их за океаном, а используют против актеров, чтобы сорвать спектакль. Но все было гораздо проще. Погубили нашу бронзу фаршированные помидоры.

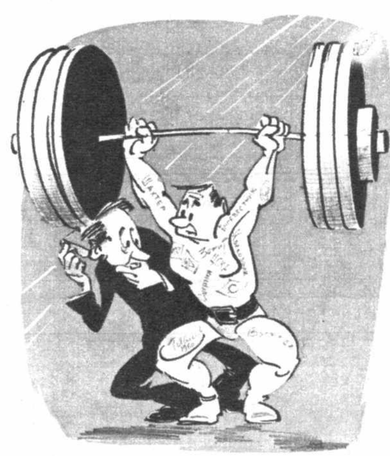
Над раздевалкой находилась столовая для работников стадиона. И у подсобного помещения этого пищеблока была общая вытяжная вентиляционная труба с раздевалкой. И вот, когда послали ученика повара за банкой с черным перцем для фаршированных помидоров, то он упустил ее на кафельный пол, как раз возле вытяжки. И три килограмма молотого черного перца попали к нам...

Я сегодня во время обеда попросил заменить фаршированные помидоры. Видеть их не могу, до того они мне стали с того дня антипатичны...

НАТЕЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

В спорте мелочей не бывает. Вас об этом сразу же предупреждают, на первой тренировке. И это верно на двести процентов. Я знаю случай, когда прическа помешала человеку стать чемпионом мира, а кольцо на пальце

чуть не сделало инвалидом известного рекордсмена. Ну, об этом я как-нибудь непременно расскажу в другой раз, а сейчас — про нательную живопись. Прошу не путать ее с наскальной.

Татуировка — обычай, разумеется, варварский. Расписывать собственное тело различными карикатурами, плакатами, текстами, объявлениями, лозунгами — типичный пережиток! Правда, иногда попадаются интересные сюжеты и даже высокохудожественные зарисовки, но, как жанр, все это ниже всякой критики.

Не говоря уже о том, что тексты, как правило, быстро устаревают, а куда их потом девать?

...Речь пойдет о штангисте Ване Жижкине. Как он из-за своих татуировок не установил рекорда СССР.

Татуировки у Вани были самыми стандартными — эмблемы спортобществ, за которые он выступал: «Спартак», «Динамо», ЦСКА, «Энергия», «Пламя», «Буревестник», «Шахтер», «Колхозник». Ваня исписан был весь, как переходящий кубок. Да еще в разные цвета. «Спартак», как положено, красным, а «Зенит» — электрик... И годы проставлены: когда в данный коллектив Ваня пришел, когда ушел. Не человек — ходячая трудовая книжка!

А получилось так: явился Иван в «Шахтер» еще мальчишкой. И все ребята их группы, отмечая приобщение к большому спорту, сделали себе татуировки.

Когда через год Иван перешел в другое общество, там его взяли в штыки: дескать, у нас числишься, а эмблему чужую носишь. Пришлось еще одну татуировку сделать.

Так и пошло.

Запротестовал было Жижкин в «Буревестнике» — слово длинное, букв много, а ведь, когда колют, больно.

Но тренер ему строго сказал:

— Эх, Ваня, видно, уходить ты от нас уже собрался, раз себя для родного общества жалеешь! А говорил: и в огонь за нас и в воду!

Иван изобразил на себе и «Буревестник» — что было делать?

Так он и явился на спартакиаду — ни одного свободного места на теле нет. Ахнешь!

И в голову никому не приходило, что может эта татуировка подвести хорошего штангиста.

В наилегчайшем весе, кажется, он выступал. Конкурентов у него тогда не было. Он мог свободно рекорд установить в троеборье. Нужно было использовать последний подход в толчке. Он, собственно, и взял этот вес. Толкнул штангу, ждет сигнала судьи. Тот должен дать знак, что попытка засчитана.

А судья-фиксатор пришел новенький, только что подменился, Ваню он прежде никогда не видел. (Нарушение, конечно, судейского порядка, но в горячие дни спартакиады и не то бывало!) И вот, забыв о своих обязанностях, фиксатор начал разглядывать Ванины татуировки.

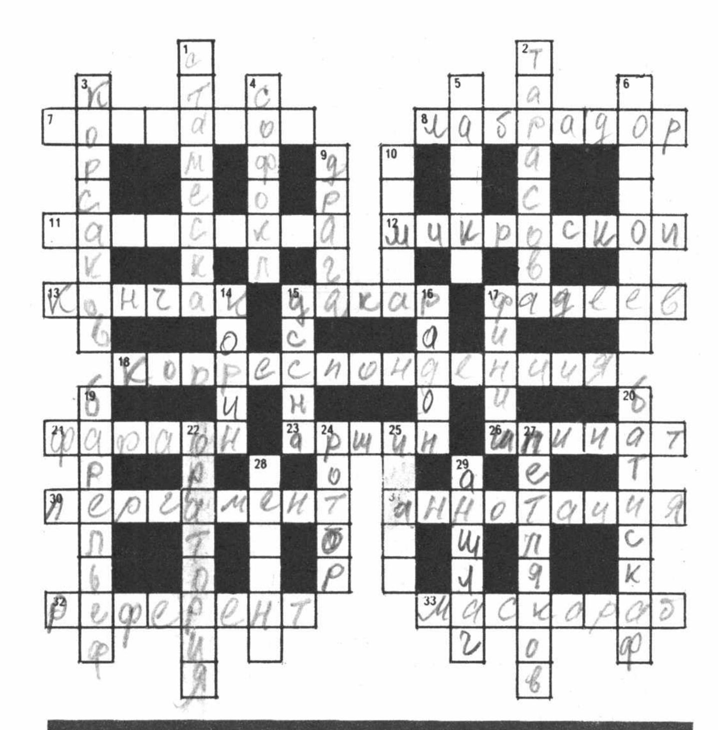
Жижкин держал штангу, держал да и бросил — сколько можно!— так и не дождавшись хлопка.

— Ты что?— набросились на судью-фиксатора тренеры.— Заснул?

— Да как же он мог в 1960 году быть в «Пламени», когда это общество уже слили с «Вымпелом»?— разводит руками горе-фиксатор.— Я ж сам тогда работал в ликвидационной комиссии!

Судью отстранили от дальнейшего судейства, а рекордного веса Иван так уж никогда в жизни взять и не смог больше.

Вот так, друзья, в спорте и мелочи иной раз имеют гигантское значение!

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Сорт яблок. 8. Полуостров в Канаде. 11. Ядро земного шара. 12. Оптический прибор. 13. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 15. Столица Сенегала. 17. Советский писатель. 18. Почтовая переписка. 21. Роман Б. Пруса. 23. Старинная русская мера длины. 26. Овощ. 30. Влагонепроницаемая бумага. 31. Краткая характеристика книги, статьи. 32. Докладчик, консультант по определенным вопросам. 33. Драма М. Ю. Лермонтова.

По вертикали: 1. Столярный инструмент. 2. Актриса МХАТа. 3. Порт на Сахалине. 4. Древнегреческий философ. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Город в Польше. 9. Плавучее землечерпательное сооружение. 10. Народный поэт Узбекистана. 14. Автор триптиха «Александр Невский». 15. Приток Днепра. 16. Химический элемент. 17. Конечный пункт дистанции в состязаниях. 19. Скульптурное изображение. 20. Глубоководный самоходный снаряд для океанографических исследований. 22. Крупное музыкальное произведение. 24. Вращающаяся часть турбины. 25. Озеро в Финляндии. 27. Советский авиаконструктор. 28. Сетчатка глаза. 29. Театральное объявление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 3. «Портрет». 4. Сенбернар. 7. Кузов. 10. Крокет. 11. Бузони. 16. Неаполь. 17. Ранчо. 18. Аксаков. 19. Археология. 20. Стратостат. 22. Слобода. 24. «Анчар». 25. Тромбон. 26. Микрон. 27. Орбита. 28. Сокол. 30. Вариометр. 31. Лимонад.

По вертикали: 1. Родник. 2. Лежнев. 4. Сирень. 5. Радуга. 6. Головоломка. 8. Звено. 9. Толстолобик. 12. Февраль. 13. Эрмитаж. 14. Мортира. 15. Ротатор. 21. Очерк. 23. Аносов. 25. Тертер. 28. Сервиз. 29. Лиепая.

На первой странице обложки: Сибирячка... Валентина Андрюкова, лучшая доярка алтайского колхоза «Россия», Павловского района.

На последней странице обложки: «Медвежий угол» на толкаче (см. в номере очерк Н. Быкова «Хождение в завтра»).

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

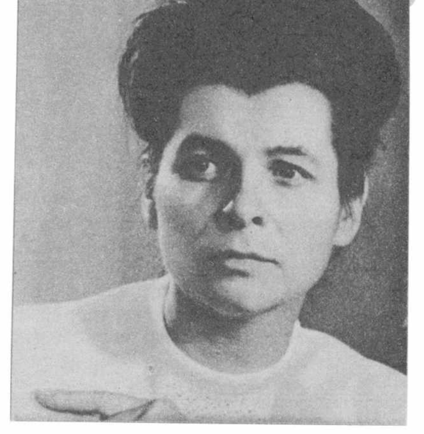
Сдано в набор 21/IX-71 г. А 00622. Подп. к печ. 5/X-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1791. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1930.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЛЕСЯ УКРАИНКА.

Юрий **МЕЛЕНТЬЕВ**

ВАЯТЕЛЬ

Скульптор Галина Кальченко.

...Среди тех, кто собрался в маленьком скверике перед зданием Государственного музея украинского искусства на закладку памятника Ивану Котляревскому, была и Галина Никифоровна Кальченко. Высокая, статная, с живым, смуглым, чуть скуластым лицом, она заметно волновалась. Больше других, может быть, больше организаторов митинга и выступающих. Ведь именно ей поручено исполнить и соорудить памятник великому сыну Украины, одному из творцов украинского литературного языка.

Ораторы сменяют один другого. Звучат торжественные слова о создателе озорной и дерзкой «Энеиды», веселой и лиричной «Наталки-Полтавки»...

Галина Кальченко вбирает в себя этот праздник, но он не мешает ей думать о своем...

Может быть, тогда, на митинге, окончательно созрело решение о постаменте памятника в виде колонны, очертаниями перекликающейся с колоннадой музея. Да-да, именно колонна... На капители, как на подставке, погрудный портрет Котляревского. По колонне на одной трети высоты — рельефы с изображением Энея и его неунывающей братии. Они с героями «Наталки-Полтавки» составят торжественный вечный хоровод в честь своего творца. Все это вылепить отдельно, а бронзой слить воедино... Пальцы скульптора, чуткие сильные пальцы, ощущают формы будущего произведения. Она уже видит его в мельчайших подробностях.

Как это все началось? Как глина, благородный мрамор, холодная бронза и неподатливый гранит стали важнейшей частью ее жизни? Как сдала она свой грозный «сопромат» — научилась преодолевать сопротивление любого материала и в этом преодолении создавать прекрасные образы современников и людей времен давно ушедших?

...Перед войной Гале Кальченко минуло пятнадцать. Она обожала поэзию, запоем читала Пушкина и Шевченко. Особой любовью любила пламенную Лесю, почти все поэтические строки которой знает наизусть и по сей день. Мечтала быть актрисой.

Война, эвакуация. Жизнь внесла свои коррективы. Весной 1944-го вернулась в Киев. Упрямо цветущие среди развалин каштаны, благоухающие ветки опаленной войной сирени лишь подчеркивали зияющие раны города. Киев звал. Поступила на архитектурный.

Потом пришла первая радость от лепки. Глина оказалась послушной. Пальцы могли более или менее верно воспроизвести то, что видел глаз. Перешла на скульптурный факультет Киевского государственного художественного института. Училась упорно, работала много. Может быть, потому, что кругом тоже много и увлеченно трудились. Профессор М. Г. Лысенко, под руководством которого делались первые шаги, сам в ту пору заканчивал с коллегами памятник Николаю Щорсу.

Тогда же, еще в ученических работах, обозначилась тяга к психологическому поиску, к скульптурному портрету.

Один из выдающихся скульпторов двадцатого века, Эмиль-Антуан Бурдель, справедливо и тонко заметил: «Портрет — это всегда двойной образ — образ художника и образ модели». Чем богаче, глубже, интереснее оба образа, тем значительнее изображение.

Галина Кальченко постепенно открывала в себе портретиста. Уже ее первая, дипломная работа — композиция «Подруги» — целый рассказ о молодом поколении сороковых — пятидесятых годов. Поколении гордом, красивом, любящем книгу, готовом на подвиг, на защиту идеалов комсомольской юности. Несколько позже молодой скульптор выступит с композицией «После допроса», которая как бы продолжит тему «Подруг», но уже в грозных, трагических обстоятельствах борьбы с фашизмом. От композиций — прямой путь к работе над скульптурными портретами Ульяны Громовой и Любови Шевцовой, над конкретными и обобщенными образами молодежи военной и послевоенной поры. Некоторые из этих работ, получив высокую оценку на украинских и всесоюзных выставках, теперь занимают почетное место в Музее молодогвардейцев в Краснодоне, в других музеях. И совсем не случайно комсомол Украины присудил Галине Кальченко свою премию за 1970 год.

В 1957 году на юбилейной выставке, кроме композиции «После допроса», Галина Кальченко выставила два портрета: «Леся Украинка» (бронза), «Женский портрет» (мрамор). Успех ободрил. С той поры и наметилась тенденция почти всегда одновременной работы над портретами современников и представителей культуры прошлого. Эти два направления в творчестве Кальченко, тесно соседствуя, обогащают возможности портретиста. Знание духовного мира предшественников позволяет глубже понять людей сегодняшнего дня, а усвоение психологии современников помогает приблизить портрет видного деятеля иных времен к нашему зрителю.

В известном смысле любая предыдущая работа готовит к последующим, но все же трудные поиски молодого скульптора при лепке портрета Тараса Шевченко, без сомнения, дали необходимые краски в скульптурном решении образа композитора Льва Ревуцкого, при создании памятника народному из народных композиторов Украины Николаю Леонтовичу.

Думается, что без углубленного художественного исследования внутреннего мира писательницы Ванды Василевской, которую хорошо знала при жизни, любила, стремилась понять и много раз лепила с натуры Галина Кальченко, ее работа над образом Леси Украинки не была бы так успешна, не дала бы столь ощутимых результатов.

Трудно было бы отрицать взаимосвязь в таких работах, как портреты художницы Татьяны Яблонской и современницы Леси Украинки писательницы Ольги Кобылянской. И дело тут вовсе не в повторяемости приемов, не в обогащении техники, а в проникновении в сущность характера, в умении понять неуловимо своеобразную философию образа, простым и лаконичным решением уловить и передать в материале духовную глубину и внутреннюю силу человека, его связь с эпохой.

По манере подхода к натуре, по способу решения художественных задач творчество Галины Кальченко традиционно в самом лучшем смысле этого слова.

«...Художнику надо учиться всю жизнь. Это правда,— писала замечательный скульптор А. С. Голубкина.— Но учиться не пропорциям, конструкции и прочим вещам, которые относятся к искусству так же, как грамотность к писательству, а другому, настоящему искусству, где главное — уже не изучение, а понимание и открытия...»

Едва ли будет ошибкой отнести эти слова к сегодняшнему творческому состоянию народного художника Украины Галины Никифоровны Кальченко. Овладев сложнейшим арсеналом приемов и тайн скульптурного цеха, она вышла в последние годы на такой рубеж профессионального мастерства, который позволяет в лучших работах совершать художественные открытия или приближаться к ним.

...Из города Тульчина долгие годы ходил по окрестным селам, слушал и записывал в нотную тетрадь «чудовы песни» народные Николай Дмитриевич Леонтович, скромный учитель пения. Множество сельских хоров, организованных им, вносили светлое, высокое начало в жизнь простого человека. Изящные, полные поэзии украинского фольклора хоровые миниатюры Леонтовича, его обработки глубинной народной песни, его любовь к музыкальному богатству деревни сделали бессмертным имя композитора.

В небольшом городке Тульчине, где долгие годы работал музыкант-просветитель, было решено поставить памятник-бюст. Когда подумали об авторе,— выбор пал на Кальченко. К тому времени она сделала немало скульптурных портретов украинских композиторов. Начался упорный поиск, изучение иконографического материала, знакомство с любимыми местами Леонтовича. Часами беседовала скульптор с людьми, знавшими композитора, слушала стройные созвучия записанной и обработанной им народной песни.

Первоначально был создан станковый портрет композитора, но общее решение памятника не приходило. Вместе с постоянным коллегой по творческим поискам молодым архитектором Анатолием Федоровичем Игнащенко перебрали множество вариантов. Определяли место будущего сооружения, побывали в разных концах Тульчина, стремясь постичь характер города и его жителей. А город старинный, своеобразный. Чуть ли не каждый из поставленных в старину домов — произведение искусства. Наружные стены принято украшать здесь орнаментальной лепниной, будто кружевом приодеты белостенные хаты.

В одной из своих статей Сергей Коненков писал: «Мне кажется, что каждая скульптура имеет свой внутренний тембр, свой явственно звуковой мотив...» Этот тембр и звуковой мотив были найдены авторами памятника Н. Леонтовичу с такой выразительностью и оригинальной цельностью, что кажутся светлой, мажорной нотой, осязаемо звенящей в бронзе. Не постамент, а слитая воедино (в прямом и переносном смысле) с изображением бронзовая квадратная колонна предстает перед зрителем, вырастая на гладкой, строгой плите полированного лабрадорита.

Подобно четырем богато расшитым рушникам, спускается по сторонам четырехгранного столба лепной орнамент из трав и цветов. Он напоминает, но не повторяет лепные мотивы тульчинских хат. Прочно связывает то, что обычно принято называть постаментом, с изображением композитора и придает всему сооружению цельность и уникальную выразительность. Так в общем-то ординарная задача — поставить бюст на родине композитора — усилиями художников получила принципиально новое решение, а станковый портрет превратился в памятник масштабный, новаторский.

...Желание неизвестных художников во что бы то ни стало стать известными часто толкало их на путь деформации изображаемого. Факты показывают, что гипертрофирование натуры отнюдь не всегда свидетельствовало об избытке возможностей дерзающих на ниве искусства. Очень хорошо сказал об этом Бурдель: «Деформация — слишком лег-

кий путь. Многие думают, что достаточно начать деформировать, чтобы приобщиться к гениальности. Это ошибка, ибо всякая деформация, в основе которой нет глубокого знания, есть бесполезное дело».

...Некоторые из работ Г. Кальченко выполнены в необычной для нее манере. Имя Героя Советского Союза Василия Порика — активного деятеля французского Сопротивления — известно многим. На старом кладбище тихого французского города Эннен-Льетар, в департаменте Па-де-Кале, будто разрушая ровные и спокойные ряды аккуратных могил, вздыбились глыбы черного гранита. На отполированной части одной из двух нижних глыб на украинском и французском языках высечено: «Василий Порик. 1920—1944». Верхняя трехметровая громада гранита обрамляет прекрасное, полное динамики лицо героя, вырубленное скульпторами Галиной Кальченко и Валентином Знобой. Высокая символика достигается здесь прямой ассоциацией облика героя, осененного лучами пятиконечной звезды, буквально «взрывающей» глыбу, с реальными фактами жизни и действий Василия Порика и его товарищей, делавших невозможное даже в застенках фашистского рейха.

Если бы авторы не решились при этом пробить гранитную глыбу насквозь, мог бы получиться горельеф, достаточно энергичный, но не создающий столь напряженного художественного и психологического эффекта. Образовавшийся дополнительный источник освещения лица в полной мере позволил использовать богатую игру светотени.

Композиция удачно дополняется крупной, кованной из красной меди гвоздикой, пробившейся из расселины между двумя глыбами постамента, чтобы увенчать подвиг советских участников французского Сопротивления.

* * *

Весна — особая пора на киевской земле. Зеленый наряд города изумрудно играет тысячами оттенков, бело-лиловой кипенью манит на кручах сирень. Кажется, половина неба щедро украшена торжественными свечами каштанов, словно высеченными неведомым ваятелем из мрамора белых, кремовых, розовых тонов.

Мастерская Галины Кальченко в Киеве. Готовых работ немного. На подоконнике, у двери,— бронзовая фигура юной девушки. Она сидит, обхватив колени. Голова закинута к небу, взгляд уносит мечты в бездонную высь и синь. Тело девушки легкое, сильное. Мечта высокая, смелая. Так любуется ею скульптор, так играет отточенной пластичностью, так целомудренно и открыто верит в красоту и смысл жизни, что автора понимаешь сразу, а работу долго не забудешь.

Среди гипсовых моделей, эскизных набросков, среди готовых работ глаз непременно выделит эту—«Портрет Ванды Василевской» в мраморе — одна из многих скульптур, посвященных писательнице. То внутреннюю силу, то строгую и высокую красоту убежденности, то величие содеянного при скромности характера подчеркивали они.

— А эта,— говорит Галина Никифоровна,— делалась по памяти, для себя, для души, может быть, отчасти, чтобы передать настроение, владевшее мной в ту пору.

Есть в облике Ванды Василевской что-то от грусти, от усталости. Но еще больше от жизненной мудрости, которая приходит совсем не к каждому человеку, прожившему значительный отрезок жизни, а лишь к людям, поднявшимся выше личного, к людям, сознающим свою ответственность за то, какой будет жизнь после них, умеющим любить других людей, даже когда им есть от чего грустить.

Сначала мне показалось, что портрет писательницы и фигура девушки вопиюще спорят друг с другом, словно сделаны двумя разными людьми с разными жизненными программами. Позже, обдумывая увиденное, перебирая впечатления, полученные в мастерской, понял: здесь нет противоречия, есть искреннее стремление мастера не прятаться от жизни, но иметь смелость отражать ее полную меру зрелого восприятия.

Может быть, здесь и лежит ключ к пониманию того прочтения образа Леси Украинки, которое позволило членам авторитетного жюри остановиться на проектах под девизом «Лира», выделив их из четырех десятков других, представленных на конкурс памятника автору «Лесной песни», нежной и мужественной певунье Украины.

Сейчас все эти проекты — в мастерской. Леся Украинка буквально царит здесь. Вот один из вариантов головы в мраморе. Вот она, погруженная в себя, со следами многотрудной внутренней работы сидит в кресле. Вот скупыми обобщенными линиями очертил стек скульптора фигуру поэтессы в полный рост. А это, один подле другого, на малых станках, как на постаментах, установлены четыре варианта будущего памятника. В большей или меньшей степени чувствуется в них непреклонность, воля, упорство. Все варианты связаны одним — порывом, ощущением полета той, которая родилась, чтобы петь для людей.

— Скажите, какая работа была для вас первой, вполне самостоятельной?— спрашиваю у хозяйки. Она задумывается на минуту, потом говорит уверенно:

— Самая первая — полуфигура Леси Украинки. Еще на студенческой скамье осмелилась представить свой эскиз на конкурс. Отозвались тепло. Дорабатывала. Перевела его в свой любимый материал — мрамор. Сейчас моя Леся находится в Каневе, в музее Т. Г. Шевченко. За эту работу не стыдно. Есть работы, которые не хочется вспоминать, смотреть, показывать. Есть любимые, не уходят из души. Собственно, Леся никогда не уходила, жила во всем, что я делала, обдумывала, к чему шла.

К самой Лесе возвращалась десятки раз. Лепила, отливала в бронзе, рубила в мраморе и граните, старалась найти новые черты для юбилейной медали, для мемориальной доски на киевской квартире. С огромной радостью работала над вариантами памятника.

Здесь, в мастерской, меня не раз упрекали. Мол, надо помнить: Лариса Петровна Косач была глубоко больным человеком и тяжко страдала, страдала почти всю жизнь.

Да, это так, Лариса Косач страдала. Но Леся Украинка никогда не давала повода для того, чтобы кто-то мог пожалеть ее или увидеть хотя бы в одной строке искусственное бодрячество. Когда она писала:

«Хочу закончить путь — одно в мечтах,—
Как начинала; с песней на устах»,—

то это было выражением ее подлинного настроения, основы и стержня характера. Разве сама она не ответила непрошеным вздыхателям о тяжести ее судьбы прямой и мужественной строфой:

«Кто вам сказал, что я хрупка,
что я покорна доле?
Трепещет ли моя рука,
иль в песнях нет раздолья?»

Чем больше слушаешь Галину Кальченко, чем больше всматриваешься в то, что сделано ею для углубленного прочтения и трактовки характера Леси Украинки, тем больше удивляешься дару скульптора, умению найти и запечатлеть нюансы, тончайшие движения помыслов поэтессы. Ее Леся — задумчива и грустна, естественна и серьезна, земная и парящая в думах. Именно такой — трепетно чуткой к народной доле, смело идущей на борьбу, не сломленной ни тяжкими условиями социальной несправедливости, ни личным недугом, красивой и гордой — станет на высокой гранитной глыбе бронзовая Леся Украинка.

Пусть легендарным цветком, что назван самой Лесей «ломикамень», расцветет на площади, носящей ее имя, рукотворный памятник славной дочери народа, сумевшей силой своего духа пробить бесчувственный гранит времени и забвения и стать современницей не только нашего, но и идущих вослед поколений.

Теперь это уже не благое пожелание. Здесь, в мастерской Галины Кальченко, такой памятник становится реальностью.

* * *

Тот, кто хоть раз побывал в Музее украинского народного искусства, по праву занявшего значительную часть зданий заповедника Киево-Печерской лавры, наверняка запомнит если не имя Катерины Белокур, то ее оригинальный, полный поэтического своеобразия взгляд на мир, затейливое кружево цветов, которым будто вышиты рисунки художницы-самородка.

Скромный зал Катерины Белокур, где выставлены немногие ее работы, способен зачаровать человека, поднять над обыденностью, удивить задушевным откровением мастера, открывшего секрет красоты.

Не проходившая никаких специальных школ, кроме школы природы и школы народного художественного чутья, художница была наделена такой силой поэтической одухотворенности, таким инстинктом прекрасного, что могла вдохнуть высокое искусство буквально в каждый предмет изображения. То, что для другого художника было бы просто удачным или неудачным натюрмортом, пейзажем, превращалось Катериной Белокур в целую картину мира. Ее «Царь-колос», «Цветы и березоньки вечером», варианты цветочных гирлянд — отражение высокого настроя поэтической души простого человека, творца и ценителя прекрасного.

Я никогда не видел ранее изображения художницы, но, когда в мастерской Кальченко заметил отлитую в гипсе полуфигуру чуть грустной, строгой женщины с цветком в руке, сразу назвал имя Катерины Белокур. Галина Никифоровна подтвердила мою догадку. Она только что закончила работу над портретом этой чудесницы, оставившей в память о себе рисунки-поэмы.

— Мне не довелось познакомиться с народной художницей при жизни, но портрет сделать очень хотелось, — рассказывает Галина Кальченко.— Ранней весной, когда только что появились подснежники, отправилась в село Богдановка, где родилась и всю жизнь прожила Белокур. Это в девяноста километрах от Киева. В распутицу в эту деревню на машине не попадешь. От большака шла пешком. Любовалась весенней нашей землей, белыми хатами, цветами на проталинах. Пыталась понять, что заставило простую крестьянскую женщину браться за кисти и карандаш. Потом собирала материалы, искала фотографии, говорила с односельчанами, подолгу просиживала в осиротевшей ее хате...

По-разному говорят о художнице люди в Богдановке. Одни восторженно — мол, святая она. Вся жизнь для нее что праздник. Другие с усмешинкой — странная немного была, не от мира сего, хозяйством не занималась, все рисовала. Но у тех и других непременно звучала нота уважения:

— Дар был большой у нашей Катерины.

Я слушал рассказ Галины Никифоровны, всматривался в созданные ее уверенными руками черты загадочной женщины с цветком в руках, думал о силе искусства, о том, что дает ему эту силу, что заставляет людей волноваться при встрече с творениями художников.

Всего лишь полтора десятка лет отделяют первую самостоятельную работу Галины Кальченко от этой, едва остывшей после формовки. А сколько между ними других, больших и малых. Сколько связано с каждой новой работой волнений, упорства, стремления проникнуть в самую суть судьбы, характера, жизни тех, кого взялась запечатлеть в бронзе, мраморе, граните.

Галина Никифоровна работает жадно, убежденно. Нельзя не удивиться тому, как много сделано ею за столь короткий срок. Но даже придирчивый критик не сможет найти в ее работах губительной поспешности, которой так грешат иные.

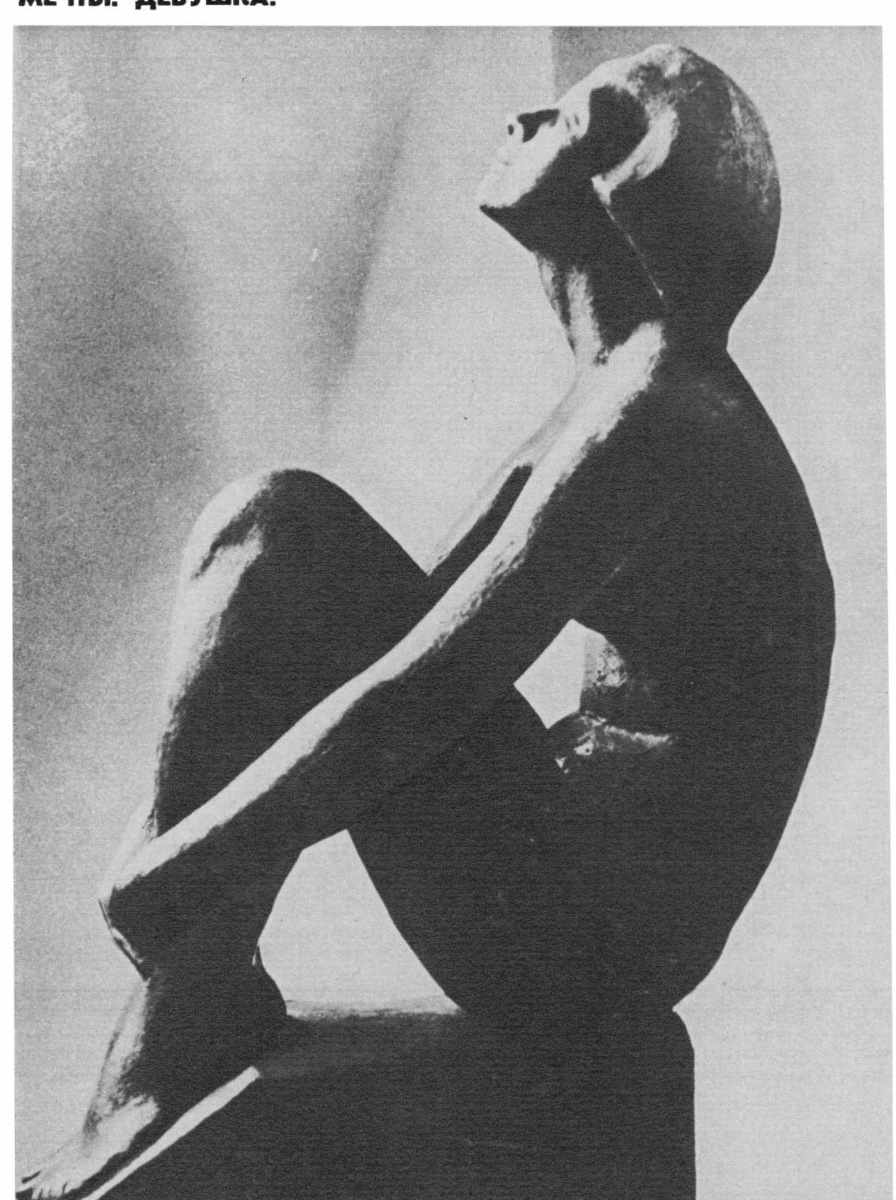
Целая галерея скульптурных портретов, памятники в Киеве, в Каменец-Подольске, Тульчине, на Черкасщине, которые вышли или выходят из мастерской Галины Кальченко,— результат душевной щедрости, упорства и умения организовать себя, горячей влюбленности в свое дело, той творческой радости и доброго удивления перед жизнью, с которыми трудится в советском искусстве этот зрелый и молодой мастер.

ПОРТРЕТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО.

ПОСЛЕ ДОПРОСА.

МЕЧТЫ. ДЕВУШКА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.